

Д. В. Пилипишин

**Григориан
Подмосковный**

**и другие мистическо-
юмористические
рассказы на бытовые
и философские темы**

Авторская книга
Москва
2012

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
ПЗ2

Художник: Будет позже

ПЗ2 Пилипишин Д. В.
Григориан Подмосковный и другие мистическо-юмористические рассказы на бытовые и философские темы / Д. В. Пилипишин. — М.: Авторская книга, 2012. — 360 с.
ISBN 978-5-91945-194-5

Невероятные и захватывающие истории, происходящие с героями рассказов Дениса Пилипишина, не оставят равнодушными никого. Кто-то просто получит удовольствие от оригинального юмора и комичных ситуаций, в которые попадают герои, а кто-то найдёт для себя более глубокий смысл, ведь в лёгкой, юмористической форме автор поднимает важнейшие проблемы, неизбежно волнующие душу русского человека: проблемы истины, веры в Бога и веры в чудо, патриотизма, социальной справедливости и служения. Тот факт, что в центре внимания не всегда оказывается парадная сторона души, только подчеркивает остроту этих проблем. Хорошее знание российской глубинки помогает автору тонко чувствовать простого человека, а разностороннее образование и опыт позволяют придать этому чувству философское осмысление. Последнее не случайно, ведь Денис Пилипишин — один из незаурядных современных мыслителей и более известен своими книгами в жанре практической психологии и философии — «Как жить в обществе и быть свободным от общества» (Феникс, 2004), «Мужской взгляд на стратегию совместной жизни» (Феникс, 2005), «Программируем счастье» (Амрита-Русь, 2010).

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91945-194-5

© Пилипишин Д. В., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна сновидения	5
Битва чародеев	43
Даждьбог и сексуальная магия (Чудотворный театр)	71
Полуночные врата.....	115
Негр Мамбуда и магия Вуду	147
Хрустальное око	193
Григориан Подмосковный.....	209
Июльский Week-End	249
Вася Прострели Рыло	265
Полосатый фейс	299
Учитель и Старец	319

В отдельных случаях для реалистической передачи разговорной речи в книге использована ненормативная лексика. Тем более что бытовые сцены в большинстве своём основаны на реальных событиях. Однако ненормативной лексики в тексте намного меньше, чем было в действительности...

**ТАЙНА
СНОВИДЕНИЯ**

Горячий ветер стремительно гнал по африканскому небу яркие белые облака. Небо было ослепительно, пронзающее голубым, и вместе с облаками складывалась на удивление чёткая и контрастная картина, которую невозможно увидеть в России — только в Африке. А внизу, где тот же ветер поднимал сухую пыль и песок, свирепо сопели двое русских. Матерясь, Михаил продирался через какие-то неизвестные ему и ужасно колючие кусты. Он был одет в красивую камуфляжную форму, в руках сжимал охотничий карабин. Колючки были досадной помехой, но сейчас он их почти не замечал. Всё его внимание было приковано к другому: впервые в жизни он охотился на слонов!

Убить слона было давней мечтой Михаила — опытного охотника, для которого охота являлась центральным хобби в жизни. «Надо только выследить слоняру, не слишком углубляясь в джунгли! А там уж не промахнёмся! Поди промахнись мимо такой задницы!!!» — в охотничьем азарте думал он.

— Попрятались, суки! — обратился Михаил к продиравшемуся рядом товарищу. — Учужали, что русские идут, затаились!

Продолжить он не успел, так как заросли внезапно кончились, и они оказались на какой-то поляне с грязной лужей посередине, вокруг которой столпилось семейство слонов. У Михаила разбежались глаза!

— Серёга!!! — восторженно крикнул он. — Ну, выбирай теперь, кого мочить будем!!!

— Сначала взрослых валить надо, а потом и с детёнышами ихними разделаемся! — хриплым голосом ответил Серёга и хотел добавить ещё что-то, но произошло непредвиденное.

Слоны вовсе не испугались людей. Напротив, будто поняв их слова, самый большой слон — видно, глава семейства — прекратил потягивать водичку из лужи, развернулся и стремглав бросился на них, демонстрируя неожиданную для такой массы динамику. За ним устремились и остальные. А поскольку нашим охотникам случайно удалось приблизиться к слонам почти вплотную, стрелять было уже поздно.

— Давай через кусты обратно, эти суки в них запутаются! — крикнул Михаил и нырнул в месиво колючих веток.

Однако слоновью прыть он недооценил. Через несколько мгновений он услышал страшный треск сзади, сопровождаемый тяжёлым дыханием и какими-то разъярёнными гудящими звуками. Снимая карабин с предохранителя, Михаил повернулся назад и увидел, как приотставшего Серёгу слон сначала поднял на бивни, подбросив вверх, а когда тот упал, принялся топтать своими противными,

тумбообразными ногами. Невольно сделав шаг назад, Михаил обо что-то споткнулся и свалился на ветки. Ситуация развивалась с катастрофической скоростью. Слон буквально расплющил белобрысую голову Серёги и продолжал топтать его безжизненное тело, хотя в этом уже не было необходимости, а в это время до самого Михаила добралась слониха. Встать он уже не успевал, поэтому поднял карабин и выстрелил ей в голову, но то ли со страха, то ли потому, что лежал на колючих ветках, сплоховал и лишь прострелил насквозь гигантское ухо. Это ещё больше разозлило огромное животное, и через долю секунды она принялась топтать Михаила. Хруст его ломающихся костей смешался с хрустом веток...

Михаил в ужасе подскочил на кровати. Он был весь потный, сердце билось с бешеной скоростью. Жена тоже проснулась. «Что, опять слон приснился?» — обеспокоенно спросила она. «Ага, он самый! — тяжело дыша ответил Михаил. — Чёрт бы его побрал!!! Нет, всё-таки однозначно, когда-то в своей жизни я должен застрелить слона!»

Сон про слонов давно преследовал Михаила. Возможно, виной тому было его чрезмерное честолюбие. Он очень хотел быть известным и уважаемым охотником, его тяготило, что не все знают о его подвигах. Михаил гордился, что за свою охотничью карьеру убил несчётное количество животных, но что это были за животные — так себе, лоси, косули, максимум кабаны с медведями. При случае он не брезговал даже

собаками и кошками, если подворачивалась возможность безнаказанно пристрелить четвероногое.

Настоящие же мужчины, которых Михаил видел в фильмах, охотились на львов и слонов, ну, тигров, в конце концов. Но где же ему было взять тигра, не говоря уж о слоне, в лесах Тульской области? Может быть, поэтому ему и снились регулярно сны, в которых он становился суперменом и охотился на слонов. Правда, эти сны, хотя и были разнообразны по сюжету, всегда имели неудачный сценарий. Либо Михаила затапывал слон, как было этой ночью, либо, убегая от слона, он срывался с обрыва, либо его кусали ядовитые змеи и т. п. В самом лучшем случае слон просто скрывался в джунглях, а Михаил стоял в бессильной ярости, проклиная заклинившее ружьё. У Михаила было подспудное чувство, что эти сны имеют какое-то значение, что жизнь его существенно изменилась бы, если хотя бы раз во сне он увидел, как слон падает на землю, заливаясь кровью из простреленной головы... Но такой исход почему-то оставался недостижимым.

Надо сказать, что по жизни Михаил не был человеком высокого полёта, судьба не избавала его славой и успехом. Правда, ничем сверх меры и не обделила. Он родился и вырос в довольно большой деревне, в традиционной крестьянской семье. Отец его был механизатором, а мать — скотницей. Окончив с грехом пополам восемь классов, Михаил поступил в ПТУ в райцентре, где выучился на водителя. Потом

его забрали в армию, и ему так там понравилась, что он остался на сверхсрочную службу, став прапорщиком. Прослужив до сорока пяти лет, он был отправлен в отставку и, вернувшись в родную деревню, устроился работать егерем в охотничье хозяйство. Женился и завёл детей Михаил рано, поэтому к моменту выхода в отставку оба его сына уже зажили самостоятельной жизнью: старший уехал в Москву, где работал сварщиком и снимал комнату в общежитии, младший — в Питер, где ему удалось жениться на местной сотруднице химчистки, у которой он и поселился. Работать он устроился на строительный комбинат, водителем КамАЗа.

Михаил был доволен, что вырастил детей и, как ему казалось, вывел их в люди. В какой-то степени его гордость была оправдана — ведь у одного его соседа сын в двадцать лет уже был хроническим алкоголиком, у другого — мотал срок за убийство в пьяной драке. На их фоне дети Михаила были достойным рабочим поколением.

Теперь можно было расслабиться. Михаил стал больше времени посвящать своему любимому занятию — охоте. Его новая, гражданская, должность была в этом хорошем подспорье — он имел возможность безнаказанно браконьерствовать в заповеднике. А тут ещё на его ноющее, неудовлетворённое чувство собственной значимости внезапно пролился бальзам, когда его пригласили баллотироваться в Совет управляющих Союза охотников России. Об этом ему сообщил друг

из Москвы — у них ввели обязательную разрядку на членов из регионов, и друг справил ему приглашение.

Незадолго перед отъездом у Михаила произошла необычная встреча. Он патрулировал заповедник, как вдруг заметил человека. Приблизившись, он увидел, что это была пожилая женщина, которая что-то собирала.

— А... а я думал браконьеры! — сказал Михаил. — А что, мать, ты тут делаешь?

— Да я травки тут собираю... — ответила женщина. — Дача у меня здесь.

— Куришь их, что ли?

— Да нет, целительница я, от недугов разных людей исцеляю. И травки разные волшебные мне помогают!

— А травки здесь тоже нельзя собирать! Это ведь заповедник! — строго сказал Михаил. — Здесь редкие травы растут!

— Да ладно тебе, Мишка, — сказала женщина, — все же знают, что ты тут первый браконьер. И ещё тебе совести хватает про редкие травы рассуждать, когда сам редких животных отстреливаешь! А ты ведь заповедник от браконьеров должен охранять!

— Так я и охраняю! Знаешь, сколько я браконьеров переловил! — обиделся Михаил.

— Знаю. И сколько сам набраконьерствовал — тоже прикидываю. Тебе не стыдно? Как же так — с виду охраняешь, а сам и ворует? Вон на Западе, я по телевизору видела, нарушил полицейский правила — его из полиции увольняют, потому что он в первую очередь правила

соблюдать обязан, пример подавать! Там люди понимают, что такое честь, честность!

— Что мне Запад? — возмутился Михаил. — На Западе всё прогнило давно! Настоящие люди только у нас остались! И в России никогда не будет, чтобы от других охранял, а для себя — не украл! Это ж не честный, это дурак какой-то получается!

— Ну, ладно, — сказала целительница, понимая, что его не переубедить. — Ты вот, я вижу, в дорогу собираешься. Поездка-то важная для тебя будет. Может, даже мечта твоя в ней исполнится!

— Откуда ты знаешь, мать, что я в Москву собираюсь? — оторопел Михаил.

— Да вижу я! Я ж ведунья во многих и многих поколениях!

— И что, говоришь, меня хорошее что-то ждёт?

— Как тебе сказать, чтобы ты понял... Непростая поездка это... Я вижу в ней некое зерно реализации, сокрытый потенциал будущего...

— Э... Какое зерно? — не понял Михаил.

— Реализации. То есть существует нечто, что может и даже должно реализоваться. Обычное зерно ведь несёт в себе весь запас питательных веществ, чтобы прорасти. Аналогично и здесь, я чувствую, что в поездке будет событие важное, оно уже зарождается, и тебе будет дано достаточно сил, чтобы реализовать его. А как именно оно реализуется — от тебя зависит! Очисти душу свою, и сбудется мечта твоя!

— Интересно ты рассказываешь, мать! — сказал Михаил. — Только про душу зря говоришь. Это всё сопливые рассуждения. «Душу очисти...» Так обычно интеллигентшишки всякие говорят. Рассуждать они могут день и ночь и про душу, и про чистоту, и про культуру там всякую, а до дела дойдёт — ничего сделать не могут! А мечта, это, конечно, хорошо!

— Ну, и ты бы задумался! Кстати, а что у тебя за мечта?

Михаил подумал, если он сейчас скажет, что главная его мечта — это убить слона, то ответ прозвучит как-то несолидно. Другой же мечты у него не было. Всё и так сбылось — детей вырастил, в отставку вышел, на хорошую работу устроился. К тому же дураку понятно, что в поездке мечта его не сбудется — где ж в Москве можно застрелить слона! Другое дело, что, если повезёт, поспособствует друг, да и ему самому удастся наладить отношения, можно будет куда-нибудь продвинуться в Союзе охотников. Поэтому, подумав, Михаил сказал:

— Мечтаю великим охотником стать! Чтобы все меня знали, обсуждали, завидовали, говорили: вот идёт настоящий крутой мужик! — Михаил увлёкся и чуть было не добавил: «...крутой мужик, который с нескольких выстрелов завалил огромного слона!»

— Что же, может, так оно и случится, — ответила целительница. — Но ещё раз говорю тебе: очисти душу свою. Свет судьбы пронзает душу, и если грязна душа, то загрязняется и свет, и линия судьбы идёт вкривь. То есть в итоге

получается не то, чего ты хотел бы! — добавила она, видя его непонимающее лицо.

На том и расстались. По дороге домой Михаил думал: «Очисти душу, очисти душу! А как её очистить? Это ж не рубаха, которую снял и постирал! Любят они побрехать, целители чёртовы! Нет бы по-людски сказать, конкретно: сходи, например, в церковь, поставь свечку к такой-то иконе, столько-то раз прочитай такую-то молитву, и дело с концом!» Тем не менее в Москву он поехал с надеждой. Всё же прогноз ведуньи в целом был благоприятен.

В Москве он остановился у своего друга-охотника, который жил в районе Красной Пресни в старом доме, построенном где-то в 30-х годах. Тогда это были рабочие кварталы. На дворе стояло лето, жена друга вместе с детьми отдыхали в Анапе, поэтому им никто не мешал. Сам друг работал в банке охранником. В прошлом он был милиционером, но однажды ему не повезло. Будучи в плохом настроении, он решил сорвать злобу и поглумиться над стариком, который стоял в очереди в сберкассе и казался ему вполне незащищённым. Однако позже выяснилось, что старик в прошлом занимал крупные должности в прокуратуре СССР, и друга уволили из МВД, причём по статье. Впрочем, он был рад, что хотя бы не посадили. Правда, работу он не мог найти долго — в голове полторы извилины, из рук всё валится — куда такого возьмут? Лишь через год знакомые пристроили его в охрану банка, и теперь он был очень доволен. Его тупая наглая морда теперь

цельми днями краснела у дверей солидного офиса.

Но для бывшего прапорщика Михаила он был отличным собеседником. Они с удовольствием бухали, хвастались своими охотничьими подвигами, обсуждали разные виды оружия. Поэтому те несколько дней, что Михаил собирался провести в Москве, обещали быть приятными. Днём он ходил по магазинам, покупал разные охотничьи принадлежности, а вечером, основательно затарившись, они садились с другом за стол на кухне и откупоривали пузыри. Начиналась беседа...

Правда, гостя настораживала одна странность, связанная с квартирой соседа. Михаил обратил внимание, что там происходит что-то необычное. Вечерами к соседу часто приходило много народу, человек до двадцати, из-под двери и из вентиляции потягивало благовоениями, слышались необычные песнопения и звуки какой-то странной музыки. «Подозрительно всё это, — думал Михаил. — Как-то всё у них не по-русски!» Поэтому при случае он спросил своего друга:

— Слушай, а что это у тебя за придурок там живёт — в соседней квартире? Чем он занимается?

— А, да это Кейнс!

— Кто?

— Кейнс. Кликуха такая. На западный манер. В миру — Сергей Васильевич Ватников, известный также как Серёга Ватный. Всю жизнь сидел в каком-то военном НИИ, штаны

протирали. Кандидат наук, типа. Потом как-то раз куда-то там пошёл, где что-то ему вроде как открылось, и он ударился в духовные матери. Какие-то методики пишет, лекции читает, клиентов принимает. Жена от него ушла. Он всё баб водил, прямо домой, говорил, что его земная миссия требует реализации магических сексуальных энергий. Ну, его жене это, в конце концов, надоело, она с младшей дочкой к матери своей переехала. А сын его институт уже окончил, менеджером работает. Вечерами же Кейнс какие-то занятия проводит, ученики у него, медитируют они там, что ли, или ещё чего делают... Ты знаешь, я в этой фигне не разбираюсь. Шизик, короче! — рассказал всю известную ему правду друг.

Но Михаила это не успокоило. Внезапно к нему в голову пришла идея, как испытать подозрительного соседа. Идею он почерпнул у Н. В. Гоголя. Самого Гоголя он, естественно, не читал, но от кого-то слышал, что один из героев гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» заподозрил своего тестя в том, что тот не православный, а колдун, когда увидел, что тесть не пьёт водку. Причём оказался совершенно прав — всё подтвердилось в точности. Этими соображениями он и поделился со своим другом.

Друг заинтересовался. Хотя он не особенно верил в разные эзотерические штучки, но иметь соседом колдуна, да к тому же неправославного, на всякий случай не хотелось. И они решили позвать соседа выпить с ними водочки.

Кейнс всюду ездил на машине, поэтому выследить его было несложно. Дождавшись, когда его вишнёвый ВАЗ-2112 припарковался у тротуара, с трудом втиснувшись между двумя другими автомобилями, друг Михаила приоткрыл входную дверь, как будто собирался вынести мусорное ведро, и при появлении соседа с притворной радостью сказал:

— Здорово, Кейнс! — и добавил с ехидцей: — Что это у тебя так звякает в пакетах?

Кейнс поднимался по лестнице, держа в каждой руке по два рамсторовских пакета, битком набитых всякой снедью и позвякивающими бутылками.

— Да вот, затариться немножко решил. У меня сегодня день свободный, и завтра ещё полдня, так что займусь готовкой.

— Ну, а звенит-то у тебя что?

— Ну, это... Взял немного для расслабления, там, наливочки, пивка, бальзамчика целебного...

— Так давай к нам! У нас тут много чего есть! Жена в Анапе, а ко мне друг из Тульской области приехал! Охотник!!!

— Давай. А когда?

— Да мы прямо сейчас начинаем! Ты как, готов?

— Готов! — бодро ответил Кейнс. — Сейчас только к себе зайду на минуту и к вам!

«Жидовская морда! — подумал Михаил, который подглядывал за разговором из прихожей. — Нет бы сразу к нам! А сейчас ведь выложит большую часть жратвы к себе в

холодильник, а к нам принесёт от воблы хвост!»

Через несколько минут в дверь постучали. На пороге стоял Кейнс. Опасения Михаила подтвердились — большая часть содержимого пакетов осталась у Кейнса в холодильнике. Правда, и меньшая часть была внушительна — пяток бутылок пива, клюквенная наливка, четвертушка коньяка, плавленый сыр, колбаса, селёдка, холодец, какие-то импортные сыры, похожие на верёвки...

Представившись Михаилу, Кейнс прошёл на кухню и сел на предложенное ему место. Выглядит он весьма опрятно. Сухощавый мужчина, лет пятидесяти, аккуратно подстриженный, с симпатичной бородкой, которая, как и голова, была наполовину седая. Одет он был в красную летнюю рубашку, по которой были разбросаны мелкие тёмные узорчики. Она была безупречно выглажена. Михаил обратил также внимание на его ухоженные руки и подумал: «Собака! Стопудово никогда в жизни не работал, а всё по библиотекам слонялся да бумаги со стола на стол перекладывал!» Но Кейнс, казалось, не замечал этой подспудной неприязни и добродушно смотрел на Михаила сквозь дорогие очки с тонкими пластиковыми линзами.

— Начнём, пожалуй? — призывно спросил друг Михаила и радостно потёр руки.

— Ты что будешь? — спросил Михаил у Кейнса.

— Да я наливочки для начала! Смотри, какая бутылка! Словно светится изнутри!

— А что же водочки?

— Да водочку я особо не пью... — мягко сказал Кейнс. — Энергетика у неё тяжёлая...

Михаил со своим другом многозначительно переглянулись. Похоже, их проверочный план начинал действовать. «Надо ещё на него поддавить! — подумал Михаил. — Если не поддастся, то значит точно — неправославный колдун, а если уговорим — то значит всё в порядке, может, просто здоровьем слаб или ещё чего!» Он уже было открыл рот, чтобы сказать агитирующую фразу, как тут его неожиданно опередил друг.

— Ты знаешь, Мишка, а ведь и я водку не буду! Сейчас ведь начнём, потом не остановимся, а мне завтра на работу с утра, и с запахом у нас нельзя приходить! Хватит уже того, что меня из мусарни выгнали!

Михаил осёкся. Неожиданный демарш друга показался ему предательским.

— А как же я?! — возмутился он. — Что же, я один водку буду пить?

— А вот Кейнс с тобой выпьет! — предложил друг и добавил, уже обращаясь к Кейнсу: — Тебе ведь завтра не на работу, так?

— С утра нет. У меня завтра вечером занятия с группой.

— Ну вот! — обрадовался друг. — Налить тебе?

— Ладно, бог с вами, — неохотно согласился Кейнс. — Наливай, но только немного!

— Другой разговор! — обрадовался Михаил, наливая Кейнсу из холодной, запотевшей

бутылки. «Посмотрим, — думал он, — может, и вправду не колдун! Поглядим, как он дальше пить будет!»

Дальше пошло веселее. Вначале разговор шёл на общие темы, что позволило лучше познакомиться — обсуждали автомобили, женщин, политику. В охоте Кейнс, правда, ничего не понимал и компетентной беседы поддержать не мог, зато Михаил бессовестно хвастался, не опасаясь, что его уличат в передёргивании. При этом он вместе с другом внимательно наблюдал за тем, как Кейнс пьёт водку.

Водку Кейнс пил, и, если верить Гоголю, выходило, что в неправославных колдунах он не состоит, однако пил как-то аккуратно, каждый раз настаивая, чтобы ему наливали меньше половины рюмки. Это настораживало. «Может, он неправильный только наполовину? — задумался Михаил. — Скажем, на самом деле — православный. Но при этом всё-таки колдун?» Сомнения начали развеиваться после того, как с какого-то момента Кейнс откупорил бутылку пива и им принялся запивать водку. «Не, всё-таки на нашего похож! — расслабился Михаил. — Ничего, сейчас посмотрим, как интеллигентнiшко под стол падает!»

Друг Михаила пил исключительно принесённую Кейнсом клюквенную наливку и, когда бутылка закончилась, удалился спать, объяснив, что завтра он на целые сутки заступает на дежурство. «Ну вот, остался я один с этим Кейнсом! — посетовал про себя Михаил. — А ведь неизвестно, кто он такой! Бухает, как

русский мужик, и ничего ему не делается! Тут скорее сам под стол упадёшь! А может, всё-таки он колдун?» Последняя мысль насторожила Михаила, и он решил, что настало время деликатно поинтересоваться, чем же всё-таки Кейнс занимается.

Крякнув, он наклонился к Кейнсу, доверительно хлопнул его рукой по плечу и, дыша перегаром, громко сказал:

— Кейнс, сука!!! Так ты чем всё же занимаешься?! Я что-то ни хуя не пойму!

Кейнс ничуть не обиделся на такое панибратское обращение.

— Ни в каких структурах я больше не работаю. Теперь я полностью посвящаю себя духовным практикам! — елейным голосом объявил Кейнс.

— Ну, а делаешь-то ты что? — не унимался Михаил.

— Делаю? Разное. Изучаю эзотерические учения, развиваю свои паранормальные способности, учу этому других. Понимаешь, фишка тут в том, что, меняя свой духовный облик, можно менять свою жизнь, своё окружение. Словом — судьбу! Творить свой мир, иными словами!

— А что такое духовный облик? — спросил Михаил. — Как его увидеть? Каков он, например, у меня?

Кейнс не ожидал такого вопроса и надолго задумался. Глядя на раскрасневшуюся морду склонившегося над ним Михаила, он с трудом мог думать о духовном облике последнего.

Поняв, что благозвучная идея навряд ли придёт к нему в голову, он решил попытаться направить разговор в другое русло.

— Да, а ещё мы снами занимаемся! Практикуем западную концепцию управления осознанным сновидением! — сказал Кейнс и с детским восторгом посмотрел на Михаила.

Михаил отшатнулся.

— Чем занимаетесь? — испуганно переспросил он.

— Управлением осознанными сновидениями! — повторил Кейнс и подумал: «Интересно, теперь он спросит, какие у него сновидения, что ли?»

— То есть, это... Во сне чем-то там управляете? Или самими снами?

— Да, Миша, именно. И даже больше. Суть в том, что исполненная вдохновения работа над сюжетами сновидения позволяет корректировать сюжетную линию судьбы сновидящего! — высказался Кейнс и улыбнулся ангельской улыбкой.

Он был очень рад интересу к его занятиям и считал своим долгом просветить Михаила, однако, увидев, как на его красной роже выпучились глаза, осознал, что сформулировал свою мысль не лучшим образом.

— Короче, есть способ изменять сон так, что будет меняться и твоя реальная жизнь! — поправился он.

— В натуре?! — усомнился Михаил.

Был затронут вопрос, который очень его беспокоил, но он сомневался, стоит ли раскрывать

свою тайну перед малознакомым человеком, которого к тому же он распознал как еврея.

— Да. Видишь ли, мы живём одновременно в двух мирах — мире бодрствования и мире сновидения. В первом чуть больше — примерно две трети своей жизни, во втором — одну треть. Но эта треть не менее важна. Оба мира тесно связаны между собой. Есть такая история про китайского мудреца Чжуан-Цзы, который во сне увидел себя бабочкой, но не мог понять, то ли это Чжуан-Цзы снится, что он бабочка, то ли бабочке снится, что она — мудрец Чжуан-Цзы. Сегодня все знают, что происходящее с тобой наяву отражается в твоих снах. Но не все знают о том, что происходящее с тобою во сне отражается наяву! Отсюда и появляется возможность влиять на одно через другое. С практической точки зрения нас в первую очередь интересует переход от сна к реальности, хотя и обратная дорога интересна — ведь, приобретя определённые навыки, можно смотреть сны по заказу, встречаться во снах с интересными людьми! Я, например, с Лениным по набережной гулял! Пиво пили! А при движении от сна к реальности происходит примерно следующее. Если у тебя есть проблемная ситуация в жизни, то значит есть и соответствующая ей проблемная ситуация во сне. Обнаружив эту вторую ситуацию и проработав её, ты разрешишь и первую. Улавливаешь?

Михаил улавливал. Может, он и не понимал сказанное в деталях, но явно ощущал, что они приблизились к самой сути его проблемы.

Решившись ничего не утаивать и воспользоваться вдруг открывшимся ему шансом, он спросил:

— А что делать, если во сне проблема есть, а наяву — нет?

— Это интересно! — ответил Кейнс. — А какая у тебя проблема?

— Сейчас расскажу. Только ты мне ответь по-честному: ты не колдун?

— Я? Какой же я колдун? Я — экстрасенс, парапсихолог, член Международной академии энергоинформационных наук!

— Ну ладно! — махнул рукой Михаил и начал рассказывать Кейнсу свою историю про охоту на слонов.

Кейнс внимательно его слушал, поглатывая пиво прямо из горлышка. Михаил закончил как раз к тому моменту, когда пиво иссякло, и Кейнс, отставив в сторону пустую бутылку, потянулся за следующей.

— Интересная история... — задумчиво сказал он. — Слушай, а ведь видно не зря мы встретились! Это тебя Господь ко мне направил!

«Главное, чтобы не дьявол!» — подумал Михаил и спросил:

— Ты можешь посоветовать, что мне с этим делать?

— Могу!

— А когда?

— Да хоть сейчас! И не просто посоветовать! Мы можем провести с тобой ритуал тонкой магической настройки на твоё сновидение! Потом ты пойдёшь спать, вызовешь это

сновидение и замочишь, наконец, проклятого слона! Всё, больше такие сны не будут тебя беспокоить! А одновременно в твоей жизни тоже решится какая-то важная проблема, произойдут важные изменения! Не беспокойся, это проверено, я уже десяткам людей помог! Мы раскроем тайну твоего сновидения!

— Давай! — согласился Михаил.

— Ну, тогда пойдём ко мне!

Они встали, потянулись и пошли к выходу. Кейнс попутно прихватил со стола несколько бутылок, сказав, что они им ещё пригодятся.

В квартире у Кейнса был идеальный порядок. Разувшись, они прошли, но не на кухню, как ожидал Михаил, а в большую комнату. Сразу бросалось в глаза, что эта комната предназначена не для проживания, а для чего-то другого. Мебели практически не было, пол и стены были укрыты коврами с изысканными рисунками, по всему периметру стояли огромные аудиоколонки, на стенах были закреплены подсветники и ещё какие-то непонятные штуки.

— Ты тут дискотеки, что ли, устраиваешь? — спросил Михаил.

— Какие дискотеки, охуел?! — отозвался Кейнс. — Это специальное помещение для духовной работы! Я тут и занятия провожу, и медитации. Сейчас я предлагаю заняться динамической медитацией. Слушай меня внимательно! Для начала попробуй дышать особым образом. Вот на этом папирусе, — он протянул Михаилу какую-то покоцанную бумагу, — написан ритм. Когда видишь вот этот знак — плавно

вдыхай, когда этот — резко выдыхай, при той паре знаков, соответственно, наоборот: вдыхаешь резко, а выдыхаешь плавно! Где нет знаков — задерживай дыхание. Будешь делать это под музыку, но сначала потренируйся под этот ритм.

Он нажал несколько кнопок на пульте, и из колонок раздались неравномерные щелчки.

— При каждом щелчке переходи к следующему знаку, выдыхай и вдыхай, как я тебе сказал! — продолжил Кейнс и стал наблюдать за действиями Михаила.

— У-у-у-у-х... Ху!!! У-у-у-у-х... Ху!!! Ух!!! Ш-ш-ш... ха...! — старался Михаил.

— А хорошо у тебя получается! — обрадовался Кейнс. — Видимо, потому что поперёд водочки накернил! Она помогает отключить стандартные шаблоны. Кстати, в перерывах можешь прикладываться! — он показал рукой на стоявшие у стены бутылки, которые они принесли с собой. — Это не повредит!

Михаил потянулся к пузырю.

— А я пока благовония воскурю и объясню тебе, что будем делать дальше!

— Давай воскуривай свою благовонию! — прокричал Михаил, садясь на пол и отхлёбывая пива.

— Не свою, а тибетскую! — поправил его Кейнс, назидательно подняв вверх палец.

Он поджигал какие-то ароматные палочки, задувал на них пламя, а они источали дым, продолжая тлеть. Палочки он рассовывал в некоторое подобие стаканчиков, закреплённых на

стенах вместе с подсвечниками. Теперь Михаил понял, для чего были нужны эти штуки.

Закончив с благовониями, Кейнс зажёл свечи и, выключив электрический свет, подошёл к Михаилу. Мерцающий свет свечей делал его лицо возвышенным и торжественным. Михаил ожидал, что сейчас последуют дальнейшие магические инструкции, но Кейнс вдруг сказал:

— А дай-ка мне бутылочку портвешку! Накачу стаканчик!

Удивлённый Михаил передал ему бутылку портвейна и стакан и спросил:

— И не боишься ты столько всего в одном брюхе мешать? Башка с утра трещать не будет?

— Да нет, мне это не мешает, — благодушно ответил Кейнс, наливая в стакан красную жидкость. — Теперь слушай. Как будешь готов, я включу специальную психотронную музыку. Ты начнёшь дышать, как только что пробовал, стараясь следовать неравномерному ритму и делать вдохи-выдохи с различной интенсивностью. При этом ты должен двигаться, а именно — совершать любые движения, которые тебе захочется. Слушай своё тело! Конечно, биться головой о стену не надо, но и заботиться о том, как ты двигаешься, как ты выглядишь, тоже. Делай свободные движения, которые доставляют тебе удовольствие. Усёк?

— Вроде да... — не очень уверенно ответил Михаил.

— Тогда начинаем! — торжественно сказал Кейнс. — Да, дышать и двигаться нужно не менее двадцати минут. Можно больше, если тело потребует. О времени не беспокойся, я слежу. Целиком сосредоточься на выполнении упражнения! И самое главное: скорее всего, в процессе ты увидишь какие-то образы. Не пугайся их, просто наблюдай. Приучи себя спокойно быть рядом. Это пригодится тебе для управления сновидением! Ну, поехали.

Михаил вышел в центр комнаты и приготовился дышать. Кейнс нажал кнопку на пульте ДУ. Потянулись секунды волнительного ожидания. Кнопка была нажата, но музыка всё не звучала. Вместо этого Михаил почувствовал почти беззвучное движение воздуха. Казалось, пространство сдвинулось и завибрировало, и только после этого пришли первые звуки. Какой-то явной мелодии не было, был именно набор звуков, гармонирующих между собой, в которые периодически вторгался то шум морской волны, то отдалённый удар грома, то каркающие голоса птиц. Постоянным фоном шло какое-то космическое гудение...

У Михаила возникло чувство, что вибрирующий звук проник вовнутрь, полностью поглотил его тело и завладел им. Казалось, магическая музыка звучит изнутри него, заставляя дрожать каждую клетку. Он был поражён.

— Что, прёт?! — закричал радостный Кейнс, видя его реакцию. — А хули ты хотел — одних сабвуферов восемь штук! И специальная звуко-

изоляция, чтобы соседям было не слышно! А то ведь ночь уже!

Михаил хотел возразить, что соседям всё равно слышно, хотя, конечно, следовало признать, что большую часть изоляция отсекала, иначе другим жильцам просто пришёл бы конец.

— И против тараканов помогает! — неожиданно добавил Кейнс. — Они от звука в щелях лопаются и до квартиры не доползают! Ну ладно, давай дуй!

И Михаил пришёл в движение. Сначала он двигался плавно, даже робко, но постепенно увеличивал амплитуду. Одновременно возрастала и динамичность психотронной музыки. В такт ей он расплывался всё сильнее. Через некоторое время он уже перемещался по всей комнате, размахивая руками и чудно закидывая ноги, будто купаясь в волнах, истекающих из колонок.

«Вышел на режим!» — подумал Кейнс и ошибся. Михаил продолжил разгон. Скоро он скакал просто как сайгак, причём по хитрой траектории — вероятно, ему начали видиться образы, и он менял направление, чтобы не столкнуться со своим видением, которое было для него абсолютно реальным. И при этом старательно продолжал выполнять неравномерное дыхание, хотя, вероятно, уже не осознавал этого.

«Как бы он в азарте копыта не отбросил!» — скоро подумал Кейнс и решил, что по первому разу можно «разбудить» Михаила и не

дожидаясь истечения двадцати минут. «Разбудить» нужно было мягко, а для этого требовалось какое-то время перемещаться рядом с ним. Сделать же последнее было непросто, так как двигался он с большой скоростью и по хаотичной траектории. Потерпев неудачу в первой попытке, Кейнс отошёл к стене и стал подскакивать на месте, пытаясь встроиться в ритм Михаила, поймать его такт. Когда это более или менее удалось, он, подобно второму сайгаку, помчался за ним и через два-три круга уже скакал рядом. Затем он попробовал мягко взять Михаила за плечо. Не сразу, но ему это удалось, и он начал процедуру пробуждения.

Пробуждение прошло без происшествий. Михаил стал сбавлять темп и скоро остановился вовсе, а остановившись, повалился без сил на пол. Кейнс подтащил его к стене и прилонил к свободному месту.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Уф-ф-ф! Уф-ф-ф! — ежом сопел Михаил в ответ. Казалось, он смотрел сквозь Кейнса.

Тогда Кейнс дотянулся до бутылки с пивом, открыл её и дал Михаилу. Тот не понял, что это такое, но, вероятно, подчинившись моторным рефлексам, схватил и выпил залпом почти до дна. Посидев ещё пару минут в прострации, он начал постепенно приходить в себя. Но на лице его читалось всё большее беспокойство, он напряжённо оглядывался.

— Кто это? Кто это? — он нервно затряс Кейнса за руку.

— Где?

— Здесь! Вокруг! Ты видишь! Какие-то духи, скелеты в капюшонах, а ещё жирафы!!!

— Жирафы — это очень хорошо. Это в тему! — совершенно серьёзно ответил Кейнс. — Не бойся. Видишь ли, мой друг, эти образы порождаются твоим сознанием. А раз сознание твоё, то, значит, ты имеешь полную власть над ними. Попробуй поуправлять ими — это тебе очень пригодится в осознанном сновидении.

Какое-то время Михаил молчал, а после обиженно сказал:

— Я велю духам уйти, а они и жирафов за собой уведят!

— А если ты велишь жирафам остаться?

— Тогда и духи тоже остаются!

— Ладно, не переживай! У тебя и так прекрасные результаты для начинающего! Отпусти их всех, пусть идут! Нам пора завершать динамическую медитацию! — и Кейнс потряс его за плечи.

— Да... нехило мне вставило! — через несколько минут сказал Михаил, окончательно вернувшись в привычное состояние сознания. — А что я весь мокрый? Что я делал-то?

— Ты двигался, танцевал энергетический танец!

— И как? Я ведь танцевать-то не умею.

— Здесь уметь не обязательно — тут вступают в права тайные знания! Короче, сплясано было нехуево — я тебя еле догнал! Выпить хочешь? Коньяк ещё нетронутым остался!

Михаил молча протянул руку к коньяку. Кейнс помог ему открыть четвертушку и разлил

её напололам в два стакана. При этом Кейнс ещё подтянул к себе бутылку пива.

— Ты что, армянский коньяк пивом запивать собираешься? — изумился Михаил.

— А что? Вот, смотри! За твой успех на эзотерическом фронте!

Он протянул стакан, чокнулся с Михаилом и, хлебнув коньяку, присосался к пивной бутылке.

«Ну вы, блин, даёте! Гоголь явно чего-то не догонял!» — подумал про себя Михаил.

— А теперь пора спать! — сказал Кейнс, посмотрев на часы. — Наступает следующий этап — важнейшая часть работы! Когда ляжешь в кровать, попытайся прокручивать в своём воображении желаемую сцену: как ты приезжаешь в Африку, начинаешь охотиться на слонов. Это привлечёт к тебе нужный сон. Ещё лучше, если ты начнёшь засыпать в процессе этого. Это не так сложно. Ты увидишь, как в твоей воображаемой картине появляются всё новые и новые образы, которые ты не воображал, как действие закручивается само по себе. Ты уже понимаешь, о чём я говорю, после того как видел образы в динамической медитации. Главное — не провалиться в обычный сон. Если утратишь осознание, тебя увлечёт поток, как это бывает в хаотичных снах, и ты не удержишь тему. Только что охотился на слонов — а вот уже бухаешь в военной части! Так что попробуй! Не расстраивайся, если не получится с первого раза. Очень важно не корить себя и не раздражаться. Что получится — то и

получится. Просто продолжай прокручивать в голове сценку. Кстати, сейчас уже глубокая ночь, скоро утро. А ближе к утру легче войти в осознанное сновидение.

— Если у тебя получится, — продолжил Кейнс, — и в своём сновидении ты попадёшь на слоновью охоту, то помни, что сновидение твоё и хозяин в нём ты. Поэтому ты можешь всем управлять по своему желанию. Например, приказать убегающему слону остановиться, замереть и так далее. Или представить, что у тебя в руках вместо охотничьего ружья — мощный гранатомёт, и оно моментально превратится в него!

— Нет, — прервал Кейнса Михаил. — Это будет не круто. Скажут — придурок, завалил слона из гранатомёта. Надо из ружья, чтобы как у всех было!

— Хорошо, дело твоё. Хоть шилом его заколи! Тут открывается поразительный простор для творчества! Сегодня ты сделал шаг в направлении чудесного мира!

Кейнс радостно похлопал Михаила по плечу, как хлопают победителя соревнований. Они вышли на лестничную площадку, Кейнс подождал, когда Михаил справится с дверью соседа, и, лишь убедившись в том, что он зашёл в квартиру, закрыл свою дверь.

Спотыкаясь о расставленные в коридоре ботинки, так как не нашёл выключателя, и матюгаясь по этому поводу, Михаил продвигался к своей комнате. Экстаз динамической медитации и азарт открытия нового постепенно

испарялись, и на Михаила стремительно наваливалась усталость. «Сейчас упаду на кровать и сразу провалюсь в сон! — подумал он. — И осознать себя во сне не получится! Нет! Я не поддамся! Я настоящий крутой мужик, а значит, должен убить слона!» — возразил он сам себе, садясь на кровать.

Однако, несмотря на усталость, Михаилу не спалось. Он лежал, укрывшись пододеяльником без одеяла, и пытался войти в своё сновидение, как учил его Кейнс. Получалось не очень, а когда процесс уже начинался, что-то его обязательно прерывало. Вот Михаил тщательно вообразил себе, как он, собрав денег, покупает путёвку в Африку на сафари, как летит в самолёте, прибывает на место... — и тут под окном срабатывает чья-то сигнализация и его опять выбрасывает в реальность! В следующий раз под окном проезжала рычащая машина, водитель которой сдуру думал, что он спортсмен, и потому поставил себе прямоточный глушитель и так далее, и тому подобное. Либо, наоборот, Михаил замечал, что он сваливается в неуправляемый сон, когда вдруг вместо Африки обнаруживал себя удящим карасей на поросшем камышами пруду...

В общем, пришлось ему нелегко. За окном уже рассвело, а он всё пытался войти в осознанный сон про слонов, но не получалось никак. К тому же начинала болеть голова. Михаил встал, выглянул на улицу, где уже оживало утреннее московское движение, отпил с полбутылки пива и вернулся на кровать. Почувствовав на своём

лице прохладный ветерок из открытого окна, он немного расслабился и наконец провалился в сон.

Сон был что надо. Во сне тоже было утро. Вчера Михаил прилетел в Намибию и разместился в гостинице. На сегодня была намечена первая охота. На душе было светло и радостно — наставлял кульминационный момент его охотничьей жизни. Михаил быстро оделся, умылся и стал искать свой карабин. Но найти его не удавалось. «Что за чёрт! Куда же я его дел! — сокрушался он. — Наверное, мне всё это снится! И опять сбрабатывают какие-то мои заморочки, вот и возникает препятствие! А ну-ка, велю карабину немедленно найтись!» И действительно, как только он дал такую команду, в одном из шкафов он обнаружил зачехлённый карабин и патроны к нему.

Тщательно убрав карабин в сумку — по приезде их предупредили, что не надо ходить по городу, размахивая оружием — Михаил двинулся к выходу. Вопреки обещанному, внизу отеля его никто не встречал, и он решил найти самостоятельно дорогу к заповеднику, где они должны были охотиться. Некоторое время побродив по улицам, он заметил указатель, на котором было что-то написано и нарисован жираф, и пошёл в сторону стрелки. Направление было верным, и скоро показался заповедник. Однако сходу пройти не получилось. Охрана возмущалась и требовала предъявить охотничью лицензию, которую они на местный манер называли билетом. Михаил тоже

возмутился — ведь он и так отвалил кучу денег за тур, так неужели нельзя было включить лицензию в стоимость! Правда, лицензии продавали тут же, на месте, в специальной кассе, так что делать нечего — пришлось купить. Покупая, Михаил строго спросил кассира, есть ли у них слон, и расплатился, только получив утвердительный ответ.

Войдя в заповедник, он понял, что купил лицензию не зря. Столько животных в одном месте он никогда ещё не видел! Просто рай для охотника! Обезьяны, жирафы, павлины... Будто специально они были собраны в одном месте, что не могло не радовать душу охотника. «Эх, сейчас бы прицелиться в павлина и — бабах! Только перья летят! Или вот обезьяна крутится на дереве со своим семейством — сейчас бы как врубить ей прямо в грудак!» — предавался Михаил охотничьим мечтам, представляя, как убитая им обезьяна под вопли ужаса её детёнышей падает с дерева. Но даже азарт не смог сбить его с пути — сегодня он пришёл за слонем, так что обезьяны пусть подождут своей очереди.

Искать слона пришлось довольно долго, несмотря на то что по заповеднику были расставлены указатели с картинками, в каком направлении можно встретить какое животное. «Здорово это они сделали! — думал Михаил. — Под Москвой так же рыбаков развлекают — платишь деньги и рыбачишь на специальном пруду, который буквально кишит рыбой! Но здесь покруче будет!»

Наконец он достиг своей цели. В отдалении, среди зелени, он увидел слона. Слон никуда не спешил и спокойно пожёвывал какие-то листья. Михаил аккуратно подкрался поближе. Тут он увидел, что слон отделён от него решёткой. Сначала это его возмутило, но после того, как он вспомнил, чем закончился предыдущий сон с охотой на слонов, Михаил даже обрадовался: «Не иначе это моё подсознание меня подстраховало!»

Медлить нельзя — необходимо было пользоваться представившимся случаем. «Всё-таки не обманул меня Кейнс!» — думал Михаил, доставая из огромной спортивной сумки карабин. Расчехлив его и проверив зарядку магазина, Михаил прицелился сквозь решётку. Слон и ухом не повёл. «То ли не видит меня, то ли людей не боится! — решил Михаил. — Ну ничего, сейчас ты узнаешь, что такое русский охотник!». Слон стоял к нему боком и продолжал спокойно жевать. Промахнуться было сложно.

«Бах! Бах! Бах! Бах!» — грянули первые выстрелы. Михаил боялся, что, как это случилось с ним раньше, сейчас что-то изменится и слон вдруг растворится, исчезнет. Но слон не исчезал. Напротив, в его боку появилось четыре дыры, из которых вниз заструилась кровь. Он повернул голову в сторону Михаила. На его морде, казалось, было написано удивление и растерянность. «За что?» — будто спрашивал он.

Но Михаил был настоящим охотником. Он снова поднял ружьё и, раз уж слон повернулся к нему, всадил две пули прямо в лоб, чуть выше

хобота. Слон начал медленно оседать, а после рухнул на землю. «Есть!!! Я сделал это!!!» — заорал Михаил так, что на деревьях задрожали листья. Восторг переполнял его. Мечта охотника сбылась!

«Дядя, зачем ты сделал это?!» — послышался вдруг плачущий детский голос. «Сука!!!» — рывкнул где-то голос мужской. Михаил хотел обернуться на голоса, но не успел. Какой-то парень в гражданской одежде набросился на него сзади и повалил на землю, в это время другой парень вырвал из рук карабин и выбросил за решётку. «Хватит, пора просыпаться!» — подумал Михаил. Однако проснуться не получалось. Кто-то из нападавших въехал ему по морде, причём ощущения были невероятно реалистичными. «Сон, прочь!» — дал себе приказ Михаил и всё-таки проснулся.

К его изумлению, он обнаружил себя не в кровати, а на асфальтовой дорожке, лежащим лицом вниз. Сверху его оседлали двое и скручивали ему руки за спиной. Вокруг стояли женщины и плачущие дети. Дети орали: «Правильно, папа! Правильно, папа!» Кто-то из сидящих на нём мужиков громко крикнул: «Звоните в милицию! И охрану зоопарка позовите!» Несколько женщин схватились за телефоны. Михаил подумал, что он проснулся как-то неправильно, закрыл глаза и попытался снова уснуть. Похоже, в его охоте на слонов снова что-то не удалось...

В отличие от него Кейнс проснулся поздно, практически в середине дня, причём бодрым

и полностью протрезвевшим. Он сладко потянулся и улыбнулся солнечному лучу, пробивающемуся через занавеску. Срочных дел у него не было, группа учеников собиралась прийти только вечером, поэтому он сел в машину и поехал в Макдоналдс, а оттуда — на пляж, где и провёл остаток дня, купаясь и загорая. Домой Кейнс вернулся вполне отдохнувшим и зарядившимся энергией. Уделив немного времени подготовке к предстоящему занятию, он включил телевизор и расслабился на диване. «Как, интересно, там Мишка поживает? — подумалось ему. — Сумел ли он своё намерение реализовать?»

Ответ пришёл быстрее, чем можно было ожидать. По Первому каналу как раз начинались шестичасовые новости, и с первых же слов диктора расслабленное состояние Кейнса развеялось, и он припал к экрану.

«В московском зоопарке сегодня произошло вопиющее событие, — озабоченным голосом сказал диктор. — Утром в зоопарк проник неизвестный мужчина, подошёл к вольеру со слонами, вытащил многозарядный карабин и расстрелял в упор слона по кличке Бонифаций. Несмотря на героические усилия ветеринаров, от полученных ранений слон скончался.

Кровавая сцена шокировала посетителей зоопарка, большинство из которых было с детьми. Стрелявший был обезврежен возмущёнными родителями и передан наряду милиции. В настоящий момент он даёт показания.

Показания эти сбивчивы. Пока удалось установить лишь то, что негодяя зовут Михаил Васильевич Постов, он работает егерем в охотничьем хозяйстве Ухлопшино Тульской области. Мотивы агрессии до сих пор не ясны. Задержанный то утверждает, что спал, то говорит, что считал, будто находится в Африке на сафари, куда специально купил путёвку с целью поохотиться на слонов. По третьей версии оказывается, что лёг спать, увидел сон про охоту в Африке, а как оказался в московском зоопарке, не имеет представления.

Факт нахождения в нетрезвом состоянии задержанный отрицает, утверждая, что на самом деле находился в изменённом состоянии сознания, возникшем у него в результате погружения в динамическую медитацию. На вопрос, зачем ему понадобилось стрелять в слона, Постов ответил, что является охотником, а значит, убивать животных — его любимое развлечение и тяга к убийству сохраняется в нём независимо от состояния сознания. Проверка документов подтвердила, что он действительно является членом Союза охотников России с двадцатилетним стажем.

Задержанному предстоит пройти психиатрическую экспертизу, а родители, чьи дети стали свидетелями убийства, по распоряжению мэрии могут бесплатно обратиться к детскому психологу Московского центра медицины катастроф».

— У-у-х-х!!! — выдохнул Кейнс, когда сюжет закончился. — Ё!!! Во даёт герой-охотник!!!

Сука!!! Теперь ведь скажет, что я его динамической медитации обучил! Похоже, надо мне залечь на дно недельки на три! А после узнаю через своих людей в спецслужбах, как там дело развивается!

Кейнс созвонился с одной своей знакомой, которая жила на даче в Калужской области, и она согласилась приютить его. Быстро собравшись, он сел в машину и набрал номер старосты группы. «Ты знаешь, мой друг попал в беду, поэтому я должен срочно уехать! — сказал он. — В ближайшие три недели занятий не будет, а после будем собираться в другом месте, у меня ещё одна квартира есть!»

Уже выезжая из двора, Кейнс подумал: «А ведь действительно сбылась Мишкина мечта — стал самым известным охотником России! Нет более известного, чем он, и надолго запомнится! Но сбылась как-то кривовато, он ведь наверняка не так хотел... Может, правильно говорят, что в России западные технологии не работают, не та у нас ментальность?»

**БИТВА
ЧАРОДЕЕВ**

— Ё!!!

— Ё!!!

— Ё!!!

— Ё!!! — громко кричал, прыгая по сцене, тощий парень в синей футболке и с волосами до плеч.

В такт ударам барабана он подпрыгивал, смешно задирая вперёд ноги, и в этот момент с силой хлопал себя руками по джинсам, одновременно выкрикивая: «Ё!». Михаил Игоревич посмотрел на своего коллегу из Москвы. Похоже, концерт в сельском клубе тому не нравился, и пора было уводить его отсюда.

Они вышли на улицу. Было прохладно — лето ещё не вступило в свои права.

*Мы с приятелем вдвоём
Весело живём!
Нас недавно поместили
В сумасшедший дом!!! —*

доносились им вслед перепевки из известной группы «Сектор газа». Приехавший из Москвы товарищ Михаила Игоревича — Иван Арноль-

дович Жобоц — с неудовольствием поёжился и оглянулся.

Совхозный клуб был построен в 1935 году, о чём гордо возвещала белая каменная надпись на фасаде. Может быть, поэтому он единственный среди окружающих зданий выглядел более-менее претенциозно и внешне напоминал, скорее, исторический памятник — с колоннами, лепниной и прочим. Жёлтые облупленные стены только усиливали ощущение древности, и казалось, будто это не сельский клуб, насквозь пропитанный прениями на партсобраниях, а особняк какого-нибудь аристократа, в стенах которого читали Данте и играли на рояле.

Вокруг лавочек около клуба кучковалась сельская молодёжь. Отовсюду слышался пьяный гогот, на земле валялись пустые бутылки, куча окурков, какие-то бумаги, пачки из-под сигарет. Внезапно над головами пролетела тёмная пивная бутылка и с грохотом разбилась обо что-то в темноте. «Здесь, пожалуй, небезопасно! — отметил про себя Иван Арнольдович. — Легко или морду набьют, или бутылкой по чайнику заедут!»

Его местный коллега беспокоился в меньшей степени. Во-первых, его тут хорошо знали и побаивались. Во-вторых, обладая кое-каким гипнотическим даром он в случае необходимости мог остановить по меньшей мере одну пьяную компанию на расстоянии. Случайное же попадание по голове было маловероятно, к тому же летящую бутылку можно было услышать по

свисту, который она издавала при полёте. Тем не менее они решили удалиться.

Правда, в этом районе был и другой человек, менее известный, чем Михаил Игоревич, но побаиваться которого было куда больше оснований. Именно из-за него всё и началось. Как звали этого человека, никто точно не знал. Он был известен под именем Зелигер, но почти наверняка это имя было не настоящее, а псевдоним, который он себе взял, обратившись в язычество. У Зелигера было вполне русское отчество — Петрович, и, казалось бы, по деревенской традиции его и должны были бы все знать как Петровича, но большинство почему-то боялось к нему обращаться столь панибратски. Зелигер был высоким человеком, лет шестидесяти, худощавым, но очень крепким, носил длинную седую бороду и длинные же седые волосы, опускавшиеся ниже плеч. Он активно и с удовольствием занимался сельским хозяйством: держал свиней, кур, овец, индюков и даже корову. А ещё брал бычков на откорм. Кроме того, Зелигер выращивал огурцы, помидоры, кабачки, патиссоны, тыкву и самое главное — картошку. Из-за неё и разыгралась история, лёгшая в основу данного рассказа.

По странному совпадению, коих так много в нашей жизни, его соседом как раз и был Михаил Игоревич — местный целитель и экстрасенс. Михаил Игоревич весьма расходился с Зелигером на идеологическом поле. Зелигер считал, что язычество — древнейшая русская религия, в которой заключены духовные основы

русского народа, и отвергал христианство. На его взгляд, христианство было импортировано в Россию всего тысячу лет назад и с исторической точки зрения представляет собой всего лишь временную, пришлую прослойку, которая так и не смогла пустить духовных корней. Кроме того, он не любил евреев, а христианство рассматривал как всецело еврейскую религию, одну из модификаций иудаизма. Таким образом, обращение России в православие означало для него захват родины сионистами.

Иной точки зрения придерживался Михаил Игоревич. Он отстаивал христианство и уж тем более не признавал обвинений в сионизме, так как сам был наполовину евреем. Поэтому они порой подолгу спорили вечерами, подойдя к разделявшему их участки забору каждый со своей стороны. Михаил Игоревич доказывал, что православие есть оплот мудрости и добра, а Зелигер крушил и высмеивал его доводы. «Посмотри на ваших иерархов! — говорил он. — Стоят как на подбор! С огромными брюхами, будто беременные все! Не иначе это от строгого поста и праведной жизни бывает! Иное дело язычники! Мы сохраняем истинную связь с природой, с родной землёй, нашей матерью и кормилицей! Мы знаем подлинную жизнь! нас не обманешь жидовскими мифами!»

Спорить с Зелигером было трудно. В течение каких-то сорока минут он успевал вспомнить историю Руси с момента её зарождения, привести кучу доводов насчёт русского характера, рассказать о всемирном сионистском

заговоре, многократно задать риторический вопрос «Почему русский человек должен поклоняться еврейскому Богу?» и т. д. и т. п. Когда аргументы метафизического плана исчерпывались, Зелигер переходил на бытовую тематику, рассказывая про огромные коттеджи и шикарные автомобили православного духовенства, которые он знал наперечёт, будто лично следил за каждым иерархом.

Михаил Игоревич старался не остаться в долгу и как мог контраргументировал, но не всегда успешно. Ему это было объективно сложнее. Если Зелигер в прошлом был учителем истории, то Михаил — инженером по газовому оборудованию, и его профессиональное образование никак не помогало ведению культурной дискуссии. Так, в прошлый раз Зелигер победоносно завершил спор словами: «Вот ты — целитель, экстрасенс! Как же ты можешь быть православным? Как можешь ты призывать ко Христу? Ведь твоя церковь таких, как ты, анафематствует! Послушай ваших вещателей — диакона Кураева или того же Дворкина! Им дай волю — они не только все ваши книги сожгут, но и тебя на костре поджарят! Если ты хоть немного понимаешь православную церковь, то знаешь, что быть экстрасенсом, астрологом, целителем и тому подобным и одновременно православным — совершенно и решительно невозможно!!! Это тебе любой священник подтвердит!»

Однако настоящий конфликт возник у них вовсе не на идеологическом поле, как можно

было бы ожидать, а на поле картофельном. Их дома стояли на окраине села, поэтому земли было более чем достаточно. За большими яблоневыми садами, соток по тридцать в каждом, они нарезали себе продолговатые участки, где и сажали картошку. Выращивать картошку было очень выгодно — посадка, окучивание и уборка осуществлялись автоматически, совхозной техникой и совхозными же механизаторами, которых они недорого нанимали «слева». Продажа тоже не отнимала много времени — сдача урожая происходила оптом в магазин. Таким образом, без чрезмерных усилий и накладных расходов каждую осень можно было класть в карман кругленькую сумму.

Но возникла проблема в разграничении полей. Этой весной тракторист спьяну распыхал небольшую межу, их разделяющую, и с тех пор Зелигер и Михаил Игоревич вовсю чесали репы, размышляя, где же проходит граница. Каждый из них подозревал другого в стремлении залезть на полметра на его территорию.

Надо отметить, что большого смысла в этой дискуссии не было, так как позади их участков всё равно была ничейная земля, которую можно было распахать сколь угодно далеко. Но спор тем не менее разгорался всё сильнее. Теперь вечерами, проходя мимо их домов, соседи могли слышать не непонятные для них дискуссии на религиозные темы, а вполне ясную аргументацию.

— Видишь ли, Зелигер, распахивая твоё поле, тракторист выбрал неправильный угол,

в результате, если мы посмотрим с крайней точки около сада, то увидим, что линия твоей пашни постепенно, сантиметр за сантиметром, уходит на моё поле и к концу его уже вливается в него почти на два метра! — убеждал соседа Михаил Игоревич.

— Нет, Михаил, ты не прав, — возражал Зелигер. — Смотри, всё как раз наоборот. Тракторист, действительно, немного ошибся, но, если смотреть вот с этой точки в направлении вон того дерева, ты ясно увидишь, что крайняя линия постепенно уходит влево, на моё поле. В результате это часть моего поля остаётся невспаханной, а на твою территорию вообще никто не залезал!

Они могли ходить по участку и спорить подолгу, порой до темноты и до хрипоты, причём к концу спора их изначальная корректность порой исчезала и с полей доносились крики «Ты, сука, охуел!»; «Не ебёт!!!»; «Хули ты понимаешь, мудозвон!» и так далее.

После того как было вспахано и второе поле и оба они были обработаны боронами и культиваторами, разобраться стало совсем сложно. Перед соседями лежал неровный четырехугольник мягкой свежеработанной земли размером порядка 100 на 200 метров. И его надо было поделить поровну. Взаимное доверие было утрачено, отступать никто не хотел и для страховки старался приписать себе лишнюю землю... А сажать картошку уже было пора.

И вот тогда Михаилу Игоревичу и пришла в голову мысль пригласить к себе в гости Ивана

Арнольдовича — целителя и экстрасенса из Москвы. «Я всё равно обещал пригласить его в гости, — думал Михаил Игоревич, — заодно выполню своё обещание, а вместе мы проведём какой-нибудь ритуальчик, объединим свою силу и заставим эту патлатую сволочь подвигнуться с моего поля!» Так Иван Арнольдович и оказался в гостях у Михаила Игоревича.

Ивану Арнольдовичу было слегка за пятьдесят. Он был невысокого роста, с брюшком, лысоват. Бывший работник одного из министерств, большую часть своей жизни он провёл в конторских трудах, ничего не зная о колдовстве, магии, экстрасенсорике и тому подобных вещах. Однако когда в разгар перестройки в России появилось огромное количество эзотерической литературы, Иван Арнольдович заинтересовался, стал читать разные книжки, посещать кружки и курсы, и в конечном итоге ему открылась новая жизнь: он получил диплом целителя, стал выступать с лекциями, принимать больных, обрета, таким образом, достаточный кусок хлеба.

Иван Арнольдович был осторожным человеком и, услышав красочную историю о Зелигере, задумался. Вероятнее всего, насторожился и Зелигер, который со своим природно-звериным чутьём не мог не распознать в московском госте человека, владеющего кое-какими парапсихологическими инструментами. И хотя, посмотрев сквозь щель в заборе на Ивана Арнольдовича, Зелигер охарактеризовал его как «мешок соплей», он как будто бы затаился — близко к

забору не подходил, а домашние дела организовывал таким образом, чтобы не оказываться на улице одновременно с соседями. В результате те его почти не видели.

Со своей стороны, Иван Арнольдович предложил своему другу пригласить ещё какую-нибудь ясновидящую. Силы ясновидения самого Ивана Арнольдовича хватало только на диагностику ауры и энергетического тела конкретного человека, видеть потенциальное развитие событий ему было сложно. Михаил Игоревич немного подумал и предложил съездить в большое село Боголюбово, где жила наследственная ясновидящая Мария Пожарская. Она славилась своей силой и беспринципностью — за деньги готова была решать любую задачу. Следующим утром они сели в старый уазик Михаила и поехали.

Ясновидящая была очень толстой женщиной за сорок, с гигантским бюстом и чёрными волосами. Она тепло поздоровалась со своими гостями, так как была знакома с обоими и, выслушав проблему, вызвалась попробовать помочь. Но не напрямую, а косвенно.

— Смотреть непосредственно на Зелигера очень тяжело, — сказала она. — Такое ощущение, что продираешься сквозь напрочь заросший чем-то колючим дикий лес. Ни черта не видно, и только кажется, вот-вот на тебя обрушится что-то хищное и свирепое. Поэтому лучше спросим у Оракула — есть у меня и такая штука. Оракул почти никогда не ошибается, но свои советы он даёт в образной форме, их

придётся расшифровывать самостоятельно. При этом для сеанса хорошо бы иметь какую-нибудь вещь, принадлежащую Зелигеру, на худой конец — кусочек его забора. Если сможете достать до завтра, то давайте вечером всё и организуем.

На том и порешили. Они вернулись домой, по пути размышляя, что бы такое привезти ясновидящей от Зелигера. Это казалось им непростой задачей, но по приезду она легко разрешилась. Увидев издали, что Зелигер пошёл к лесу, чтобы отвязать и загнать в хлев овец, Иван Арнольдович неожиданно ловко пролез в щель в заборе и попятил стоявшую у сарая метлу. «Подметать двор сегодня и завтра днём он не будет, так как собирается дождь, — объяснил он своему другу. — А после вернём метлу на место».

Вечером они приехали к ясновидящей вместе с метлой. Михаил Игоревич захватил ещё бутылку хорошего коньяка, так как ясновидящая отказалась брать с него деньги, сказав, что при случае тоже к нему обратиться. «Коньяк придётся кстати! — объяснил он Ивану. — Выпить она любит!»

После довольно долгих приготовлений они вошли в специальную комнату. Интерьер был весьма необычен. Задрапированные чёрным бархатом стены, различные магические предметы и фигурки вдоль них, маленький столик в самом центре под огромным красным абажуром, похожим на перевернутый таз... И подсвечники, подсвечники...

Мария погасила электрический свет и минут пятнадцать читала заклинания, водила руками, обращалась к различным стихиям и силам... В полутьме играл свет свечей, преломляясь во вращающихся хрустальных магических кристаллах и давая причудливые отблики. Дым от воскуренных благовоний струился замысловатыми извилинами и отбрасывал ещё более замысловатые тени. Всё это, вкупе с тихой, но очень качественной медитативной музыкой, произвело на гостей сильное впечатление, практически вогнало их в транс. В их головах уже не крутились мысли типа «а сабвуфер у неё неплохой», они просто сидели и созерцали завораживающую игру. Наконец вращение световых лучей остановилось, и колдунья торжественно сказала:

— Иван, подойди и посмотри!

Иван Арнольдович подошёл и увидел, что вращение магических кристаллов остановилось и луч света, пройдя через один из них, упал на некую небольшую скатерть, на которой повсюду были вышиты какие-то номера.

— Вижу, — сказал он. — И что?

— Читай! — приказала колдунья.

— Сто семьдесят два — сто двенадцать, — прочитал Иван Арнольдович, ожидая объяснений.

— Хорошо, — ответила колдунья и встала из-за стола.

— Это ключ к ответу Оракула, — объяснила она. — У меня есть несколько Оракулов, этот — зодиакальный. Цифры — это специальный код.

Она подошла к какому-то хитрому предмету у стены, напоминавшему колесо обозрения в миниатюре. В центре колеса располагалась довольно большая голова какого-то ужасного вепря с распахнутой клыкастой пастью. Вместо кабинок на колесе висели фигурки, изображавшие все знаки зодиака. Мария без опасений сунула руку в пасть к вепрю, вытащила оттуда какую-то карточку и, взглянув ещё раз на номер на скатерти, изрекла: «Сто семьдесят два соответствует знаку Стрелец, сто двенадцать — восемнадцать градусов!»

Далее она протянула руку к фигурке, изображающей Стрельца. Оказалось, что она сделана, как шкатулка, и в ней тоже лежат карточки. Взяв карточку за номером 18, ясновидящая вернулась к столу и торжественно прочитала:

*О, сколько в мире разных сил!
О, как всеведущ был Господь,
Сколь чудный мир он сотворил!
Сколь многим душу дал и плоть!*

*Но и из тьмы явился Дух,
Он сеял смуту и раздор,
Он одного делил на двух
И возжигал меж ними спор.*

*И так продлится сквозь века
И до скончания времён,
И битва вот уже близка,
И будет кто-то побеждён!*

*Луна осветит мир в ночи
И демон демона узрит,
Они скрестят свои мечи,
И злоба глупость сокрушит...*

Мария закончила читать и торжествующе посмотрела на слушателей.

— Э-э-э... И как же это понимать? — спросил растерянный Иван Арнольдович.

— Подумай, — ответила она. — Ты ведь не с улицы человек, сам специалист. Я говорила, ответы Оракул даёт неоднозначные, чаще всего расплывчатые. Но зато каждый может найти в ответе свой собственный смысл, предназначенный исключительно для него. Во всяком случае, ты видишь, что ответ Оракула посвящён конфликту, а значит, мы попали в цель.

— Да, там явно говорится, что схлестнутся сволочь и дурак, причём сволочь победит! — вставил фразу Михаил Игоревич.

— В первую очередь там говорится о Боге и Дьяволе, о вечной борьбе добра со злом! — возразила ясновидящая. — А концовка, действительно, необычная — но иначе и не могло быть. Как же ты будешь расшифровывать примитивные тексты, где всё написано по шаблону? Где ты в них найдёшь послание, адресованное только тебе?

Приехав домой, Михаил Игоревич и Иван Арнольдович долго думали над тем, что же могло означать высказывание Оракула именно для них. Наконец, обсудив с десятка два версий и вылакав по пузырью портвейна каждый,

они пришли к выводу, что правильным пониманием будет следующее: дурак и язычник Зелигер, кое-как разбирающийся в истории, но мало смыслящий в геометрии, не сумел правильно поделить поле, чем разозлил двух вполне достойных людей. И вот теперь они, разозлившись, решили выступить против него и должны победить.

Сойдясь на этой версии, товарищи приняли решение действовать. Отправление ритуала назначили на полночь пятницы. Ритуал был сложен. Они поставили энергетическую защиту на дом, сад, огород и поле Михаила Игоревича, создали мощный энергетический клин, сдвигающий границы Зелигерова поля подальше, отправили последнему массу внушений и т. д. и т. п. Под конец Иван Арнольдович, истово ненавидевший всех неправославных, решил дать Зелигеру по третьему глазу и дал. Но даже и этим не ограничился. Сосредоточившись, он взмахнул как будто волшебной пашкой, нанеся удар по астральному образу Зелигера, и почти сразу почувствовал, что весь негатив, всё раздражение, напряжение и тому подобное ушли из него. И в теле, и на душе он ощутил такую божественную лёгкость, что стал буквально пританцовывать. Уже не было никаких сомнений — ритуал завершился успешно, а вся гадость ушла к Зелигеру. «Ну вот, теперь будет знать, сука, как православие отвергать!» — злорадствовал Иван Арнольдович.

Они тихо, старясь не издать ни звука, вошли в дом, убрали магические причиндалы

и немедленно пошли спать, не попив даже чаю. «Праздновать завтра будем, посмотрим сначала, что получилось!» — сказал Михаил Игоревич.

Следующее утро было совершенно обычным и даже приятным. Весеннее солнце протянуло лучи к свежим, недавно распутившимся листьям, небо было голубое и чистое, небольшой ветерок создавал комфортную прохладу. Зелигер не показывался. Михаил Игоревич и Иван Арнольдович удовлетворённо переглядывались.

Зелигера не было видно в течение всего дня.

— Уж не преставился ли? — забеспокоился Михаил Игоревич.

— А хорошо бы! — сказал Иван Арнольдович. — Всегда приятно, когда антихристианская сволочь сдохнет, особенно — не без твоего участия.

— Ну что ты! — попытался успокоить его Михаил Игоревич. — Христианин не должен так говорить! Это же грех. Христианин должен быть гуманным, нести в мир добро и любовь!

— Это на сытом западе о добре и любви говорят! — возразил ему товарищ. — А у нас, в России — всегда борьба! Сволочь нужно бить! Чем сильнее, тем лучше! Если не будешь сражаться за веру, то и от веры ничего не останется. Истинно верующий всегда в бою! А книжки всякие про добро и грехи пусть богословы читают!

Михаил Игоревич не стал спорить с товарищем и занялся своими делами. Зелигер

появился только к вечеру. Оказалось, он с раннего утра ездил на дальнее пастбище, где и пробыл весь день. Поставив трактор около хлева, он налил своей живности воды в поилки и ушёл в дом, откуда этим вечером уже не выходил. «Чувствую, сработало!» — радовался Михаил Игоревич.

Он предложил своему товарищу следующим утром поехать в райцентр, посетить воскресную службу в главном православном храме города, возблагодарить Господа, а затем, прогулявшись по рынкам и магазинам, отметить свою победу над Зелигером. Михаил Игоревич ещё не знал, как именно отступит с его поля Зелигер, но не сомневался, что чары подействовали и развязка близка. Необычно скромное поведение соседа свидетельствовало именно об этом, иначе и быть не могло.

Так они и поступили. Честно отстояв всю службу и даже исповедавшись и причастившись, они пошли по магазинам.

— Ты на исповеди про Зелигера-то говорил? — спросил Михаил Игоревич Ивана Арнольдовича.

— Говорил, конечно, но не напрямую, а так, в образной форме. А то ведь эти черти проклянут и мигом из храма выставят! Не понимают пока они нас!

— Ничего, скоро будут понимать. Истина своё возьмёт, — успокоил товарища Михаил Игоревич и перекрестился, обернувшись на храм.

— А пока будем пользоваться тем, что есть! Если мы и согрешили, то теперь грехи наши отпущены, и мы чисты, яко агнцы! — заключил Иван Арнольдович.

Прослонявшись большую часть дня по торговым заведениям и основательно загрузив уазик покупками, они приехали к одной старушке, что жила на центральной улице исторической части города. Михаил обещал провести с ней сеанс исцеления, что и сделал почти сразу, как выпрыгнул из уазика на землю.

Маленькую терраску бабки от улицы отделял дощатый забор двухметровой высоты, так что происходящего на улице не было видно. А вот слышно было хорошо. Когда по улице ехал грузовик, в серванте звенела посуда, а в разговоре приходилось делать краткую паузу. Впрочем, наших героев это нисколько не беспокоило.

На часах было пять вечера. Михаил Игоревич и Иван Арнольдович сидели на террасе и глушили вискарь, купленный первым в честь праздничного случая. Виски им нравился, и на душе было легко и весело. Хозяйка дома, шустрая старушка, всё сетовала, что ей нечего подать на стол уважаемым гостям, но тем не менее организовала и целое блюдо варёной, рассыпчатой картошки, и банку отличных солёных огурцов, и квашеную капусту, и чёрный хлеб, и маринованные грибы. Мясного, правда, у неё не было, но гостей это не опечалило.

Бабушка была одной из давних клиенток Михаила Игоревича. Он исцелял её от многих старческих болезней, и на какое-то время ей становилось легче. Правда, скоро опять болезни возвращались, и вновь требовался сеанс. Сын, работавший в речном пароходстве, жил у жены, в силу выездной работы навещать мать часто не мог, и у неё не всегда были деньги, чтобы расчитаться с Михаилом Игоревичем. Поэтому периодически он помогал ей бесплатно либо с очень большой скидкой, принимая в качестве оплаты ту же банку грибов, например. Бабушка была очень благодарна и на все лады расхваливала доброго экстрасенса всем вокруг, в результате чего к нему прибывала и более платёжеспособная клиентура.

И вот сегодня Михаил Игоревич снова заехал к ней, заодно используя её дом для краткого отдыха. Правда, отдых кратким не получился. Они с товарищем легко уговорили на двоих пол-литра виски и вдруг поняли, что только после этого им по-настоящему захотелось выпить. Бабка была тут как тут — она вытащила из какого-то укромного места ещё пол-литра неплохого самогона и застолье продолжилось. Когда и эта бутылка кончилась, Михаил Игоревич сказал, что пора ехать в деревню.

Однако открыв калитку и выглянув на улицу, он увидел, что на перекрёстке, через который им предстояло проехать, стоит ГАИ. Вернувшийся в это время сосед бабки сказал, что ГАИ стоит и на объездной дороге — типа, облаву устроили, и выехать из города, минуя

их, невозможно. Услышав это, бабка предложила переночевать у неё, а поехать утром, когда ГАИ уедет. Конечно, можно было попросить того же соседа, чтобы сел за руль и провёз их через пост — за пузырь он легко согласился бы, но Михаил Игоревич решил остаться. В отличие от Зелигера, у него дома не было большого количества требующей постоянного ухода живности, а та, что была, спокойно потерпела бы до утра.

— Тогда надо ещё, что ли, накатить! — бодрым голосом предложил он Ивану Арнольдовичу.

— У меня для вас и ещё есть! — вставила бабка.

— Да нет, что ты! И так по пузырю на рыло уж выпили! Куда ещё! — изумлённо возразил Иван Арнольдович. — Хотя... Кто его знает. Давай так. Водку, самогонку и прочее пить больше не будем. Лучше я сейчас схожу за пивком, шлифанём немного — и пойдём спать.

— Пивком шлифануть? Что, хорошая идея. Это я люблю! Ураган! — удовлетворённо отозвался Михаил Игоревич. — Ну, сходишь тогда? А я пока пойду помогу «матери» постели постелить.

— А где магазин-то? — спросил Иван.

— Знаешь, те магазины, что тут рядом, в воскресенье почему-то только до семи работают. Но там, — он показал рукой в сторону темнеющих деревьев, — около парка, есть круглосуточный. Местные всегда там бухлом затариваются.

— Ну ладно, я пошёл, — сказал Иван Арнольдович и, скрипнув калиткой, сделал шаг на улицу.

Свернуть с шумной улицы на аллею, ведущую к парку и магазину, было приятно. Свежая прохлада деревьев ласково окутывала разгорячённое тело, и Иван Арнольдович от удовольствия начал насвистывать нехитрую мелодию. Свистеть у него получалось очень противно. Если бы вокруг были прохожие, им наверняка захотелось бы заткнуть уши. Но вокруг никого не было.

Скоро аллея закончилась, и Иван Арнольдович повернул направо, за деревья. Его взору открылся ярко освещённый, просто сверкающий магазин, у которого стояло несколько автомобилей. После темноты свет ослепил его.

Вдруг его окликнул рахитичный подросток лет шестнадцати.

— Отец, поди на минуту! — жалобно попросил он.

Иван Арнольдович взглянул на него, попробовав разобрать выражение лица, но против света не смог этого сделать. Тогда он подошёл к пацану поближе.

— Нет, лучше вот сюда, здесь удобнее! — тонким голосом проговорил он и, мягко взяв Ивана Арнольдовича под руку, отвёл ещё чуть в сторону с дороги, к деревьям.

«Что им надо?» — подумал Иван Арнольдович, но спросить об этом не успел, ибо в ту же секунду из-за деревьев выскочил здоровенный

амбал и со всей силы врубил Арнольдовичу в челюсть свинцовым кастетом.

Иван Арнольдович ощутил удар страшной, неопишуемой силы. Всё захрустело, казалось, голова его сейчас развалится, как яичная скорлупка. Сразу после этого сознание его отключилось, и он рухнул на землю, заплёванную окурками и усыпанную битым бутылочным стеклом зелёного цвета.

— И-га-га! — радостно заржал появившийся из-за деревьев ещё один парень, но его грубо оборвали.

— Ржать потом будешь! — рявкнул громила. — Давай обшаривай карманы, быстро, я в пиджаке ищу, ты в брюках!

Легко избавив тяжело дышащего Ивана Арнольдовича от всех материальных ценностей, криминальная тройца исчезла за деревьями, с тем чтобы через некоторое время появиться около ночного магазина.

Ивана Арнольдовича нашли довольно скоро, минут через сорок. Один местный житель пошёл за пивом, а заодно решил выгулять свою псину. Она-то и наткнулась в кустах на распластанного экстрасенса и начала его обрехивать. Вид, надо сказать, он имел удручающий. Разбитая в лепёшку и разрезанная в лоскуты об зубы губа, несколько выбитых зубов, валяющихся вокруг, неестественно свёрнутая челюсть...

В общем, оказался Иван Арнольдович в больнице. После срочных медицинских мероприятий он отрубился под действием снотворного и всю ночь спал спокойно, ещё не зная о

том, как тяжело лечить столь серьёзно сломанную челюсть, как много времени на это уйдёт. Не знал он также, что ограбившие его ребята с ним совсем рядом — только не в больнице, а во дворе одного из частных домов, которыми была застроена другая сторона улицы. Всю ночь напротив корпуса разносились их весёлые крики, слышался задорный молодой мат и песни группы «Сектор газа».

Дело в том, что две подруги учащихся ПТУ при механическом заводе окончили медучилище, и пэтэушники решили отпраздновать это событие. Денег у них не было, поэтому они решили грабануть кого-нибудь в парке. Им подвернулся Иван Арнольдович, а денег у него оказалось намного больше, чем можно было бы ожидать у среднестатистического местного, поэтому и пиршество они закатили грандиозное.

В это время Михаил Игоревич сладко спал. Ожидая пиво и своего товарища, он прилёг на кровать, его сморило, и раскрыл глаза он только утром. Задремала и принимавшая их бабка, так что Ивана Арнольдовича до утра никто не хватился.

На следующий день, узнав о случившемся, Михаил Игоревич навестил своего товарища, но тот ничего ему не объяснил, так как не умел говорить, не двигая челюстью. Возвращаясь домой, Михаил думал: «Может, подойти к Зелигеру и прямо обвинить его, что он специально подослал жлобов, чтобы они разбили рыло моему товарищу? Хотя нет, нельзя. Обвинив

его в этом, я сразу раскрою все свои планы. Ибо если я не собирался с помощью Ивана наехать на Зелигера, то какие основания у того иметь что-то против моего товарища, а у меня, соответственно, его в этом подозревать? Да и вообще, логично было бы дать кастетом по рылу мне, а не ему. Кроме того, Зелигер и видел-то его мельком один раз, он что-то не появляется последние дни. Если я ему брошу в лицо такие слова, он наверняка очень удивится, а потом будет смеяться надо мной». И Михаил Игоревич решил не обвинять Зелигера.

Тем не менее вечером, заметив соседа, он поздоровался с ним через забор. Зелигер ответил, и между ними завязалась аккуратная беседа. Проблемные темы никто не затрагивал. В какой-то момент Зелигер спросил:

— А где твой друг-то? Уехал? Ты его на вокзал возил?

В ответ Михаил Игоревич рассказал Зелигеру всю историю. Выслушав его, Зелигер вдруг расхохотался, причём так весело, добродушно и заразительно, что стало смешно и Михаилу Игоревичу. Поначалу он пытался сдерживаться, но после прекратил попытки и тоже стал хохотать. Проходившие мимо деревенские увидели, как весело и по-доброму смеются два проклятых колдуна и решили, что они помирились. Впрочем, это было недалеко от истины.

Отсмеявшись, Зелигер сплюнул и сказал:

— Мешок соплей!

Михаил Игоревич промолчал.

— Слушай, — добавил Зелигер, — а мне ведь этот твой друг приснился в пятницу. Будто бы он всё ходил по моему огороду, а потом как бросит в меня каким-то очень колючим шариком, типа теннисного мяча с иголками. Ну, я представил на себе брезентовые рукавицы, аккуратно шарик поймал, сдвинув руку назад, чтобы принять его помягче, да запустил ему обратно. Тот исчез и больше мне не снился.

«Ого! — подумал про себя Михаил Игоревич. — Стало быть, это Зелигер почувствовал и отразил атаку Арнольдовича, но сам об этом не догадывается. Всё-таки у природных людей невероятное чутьё! Звери!». Но тут его мысль прервал Зелигер:

— Слушай, сосед, но картошку-то пора уже сажать. Давай как-нибудь договариваться. Например, видишь те два дерева в самом конце поля? Вот если между ними вбить кол и от него провести прямую линию, то как раз получится середина.

— Вообще, может быть, — задумался Михаил Игоревич. — Давай попробуем.

— Давай попробуем сейчас! — сказал Зелигер.

Они пошли на конец поля, вставили между деревьями какую-то палку и воткнули палки по прямой линии. Полюбовавшись на свою работу, они посмотрели и так и сяк — каждый остался доволен. Во всяком случае примерно поле было поделено поровну, а если где-то и было немного неровно, то при таких размерах это всё мелочи. Михаил Игоревич и Зелигер

радостно пожали друг другу руки. Проблема была решена.

— Может, завтра вместе съездим на моём тракторе в лес, срубим колья да вобъём их посередине? И будет граница, чтобы впредь не путаться? — предложил Зелигер.

На том и порешили.

— Кстати, тебе я вижу, поправиться бы надо! — усмехнулся Зелигер. — Ну, после вчерашнего! Проблему мы решили, давай это обмоем!

— Давай! — сходу согласился Михаил Игоревич.

— Только это. Я вот тут вчера книжку про НЛО читал. Интересная! Но ещё такая мысль есть. НЛО можно и иначе расшифровывать, например, так: НЛО — надо литром ограничиться!

Они опять весело захохотали.

— Ну что ж, литром и ограничимся. У тебя пол-литра есть? — спросил Михаил.

— Есть!!!

— И я свою сейчас принесу!

Так Михаил Игоревич помирился с Зелигером. В дальнейшем они вновь спорили только на идеологические темы. Деревенские ворчали: «Стоят, мол, паразиты, о православии трепятыся. Нет бы лоб перекрестить да пойти в огород поработать!» Но увлечённые дискуссией соседи не обращали на них внимания.

Об Иване Арнольдовиче тоже быстро забыли, будто его и не было. Ему же эта история запомнилась надолго. Даже через полгода,

уже совершенно вылечив челюсть, но ещё не вставив зубы, Иван Арнольдович не уставал удивляться, подходя к зеркалу: странным казалось ему собственное лицо без четырёх нижних зубов и с половинкой пятого. «Нет, ну ничего себе за пивком сходил!» — говорил тогда он себе. Михаил Игоревич несколько раз звал его опять к себе в гости, но тот так и не приехал.

**ДАЖЬБОГ
И СЕКСУАЛЬНАЯ
МАГИЯ
(ЧУДОТВОРНЫЙ ТЕАТР)**

В лучшей школе района было тихо — наступили весенние каникулы. Но расслабиться удалось не всем. В этой школе был собственный мини-театр, которым учителя очень гордились. А через месяц их ждало волнующее мероприятие — предстояло дать представление на праздновании дня города. Для школы было очень важно выступить блестяще — не так часто выдавался случай показать себя во всей красе перед местной властью и населением. Поэтому симпатичная молодая завуч, блондинка лет тридцати, курировавшая этот проект, целиком была погружена в подготовку к предстоящему выступлению. Сделать предстояло немало. И если репетиции были ещё впереди, то о технических средствах нужно было думать уже сейчас — ведь хорошие декорации и качественное музыкальное сопровождение надо готовить заранее.

Последним она как раз и собиралась заняться. Поставить предполагалось «Бременских музыкантов» — вещь весьма музыкальную. Использовать чужие фонограммы не хотелось, поэтому директор выхлопотала помощь у группы местных, не бременских, музыкантов,

которые вечерами исполняли в ресторанах разные шансонообразные песни. Господа артисты понимали, что со школы много денег не возьмёшь, да к тому же учитывали, что лучшая школа района пользуется бесспорным расположением городских властей, поэтому согласились подготовить альбом бесплатно — ну, разве что по традиции каждый был вознаграждён пузырьком. Предполагалось, что дети сами будут петь не все «арии» — это было бы для них слишком сложно, а только некоторые. Остальное же должны были спеть артисты, а дети своей игрой иллюстрировали бы, о чём поётся.

Завуч прошла в актовый зал, где стояла аппаратура, в сопровождении тощего, как жердь, школьного хозяйственного инженера. Он взял диск, который в воскресенье записала группа в местном ДК, и пустил воспроизведение. В компании с ещё несколькими учителями, завуч расположилась в кресле и приготовилась слушать. Грянула музыка. Ребята играли здорово. Но когда они запели, среди учителей начали раздаваться смешки, а лицо завуча стало таким бледным, что сидевший рядом учитель химии — высокий мужчина в очках и с аккуратной бородкой, не переставая смеяться, спросил:

— Ольга Александровна! Что с Вами?!

— Но это же ужас! — с неподдельным ужасом ответила она.

— Да, молодцы, дали под штангу! — подавив смешок, но всё ещё улыбаясь, вступила в разговор другая учительница.

А дело было вот в чём. С точки зрения вокального искусства исполнение было безупречным. Но пели артисты такими пьяными и прокуренными голосами, что не заметить этого было невозможно в любом случае, а уж когда таким образом исполнялись детские песни, то это просто вызывающе резало слух:

Почётна и завидна наша роль!

Да наша роль!

Да наша роль!

Да наша роль!

Не может без охранников король!

Когда идём — дрожит кругом земля!

Всегда мы подле, подле короля! Ик!!!

— Что-то ритм они взяли слишком убыстрённый! — пытаюсь отвлечь внимание Ольги Александровны, сказала молодая учительница биологии.

— Да, и с бас-гитарой переборщили! Какой-то «металл» получился! — добавил учитель химии.

— Нет, что вы! Это решительно, решительно не подходит! — наконец придя в себя, вскрикнула молодая завуч. — Это вообще детям показывать нельзя, а уж о том, чтобы включать в публичное представление, и речи быть не может!!!

— Ну, давайте другие композиции послушаем! — предложил инженер и нажал на кнопку. — Может, они лучше будут!

Но другие композиции оказались хуже. Причём с каждой следующей эффект усиливался. Как мудро предположил учитель химии, артисты пришли в студию уже поддавленные, а обнаружив презентованный им коньяк, приступили к его употреблению и продолжали клясть на протяжении всей работы. Эту версию косвенно подтверждало и то, что в конце последней песни на заднем фоне был слышен звук падающего тела, сопровождаемый звонком пустых бутылок.

— Боюсь, затея с музыкальной пьесой у нас не пройдёт! — грустно констатировала завуч.

— Так не беда, давайте другую подберём! Устроим праздник весны! — слышались утешительные возгласы.

— Действительно! — обратился к завучу пожилой учитель истории. — Вот, например, 6 мая — день Даждьбога. Древнейший русский праздник!

— Так что повод есть! — поддержал его подполковник, преподаватель военной подготовки, который тащил на себе все материальные заботы детского театра и был уверен, что слово «праздник» является синонимом слова «повод».

— А кто такой этот ваш Даждьбог? — осторожно спросила Ольга Александровна, стесняясь своего невежества. — Что и кому он даёт?

Учитель истории оживился.

— Даждьбог, он же Сварожич — это бог плодородия и солнечного света, живительной силы. Первопредок всех нас! — воодушевлённо произнёс он. — Согласно «Слову о полку Игореве»,

славяне — дажьбожьи внуки! По славянским преданиям, Дажьбог вместе с Живой возродили мир после Всемирного Потопа. А Солнце, которое древние славяне звали Ярило, почитается как лик Дажьбога. Так что предлагаю вместо заезженных «Бременских музыкантов» поставить какое-нибудь историческое действие из жизни древних славян-язычников! Таким образом, мы не только сыграем пьесу, но и познакомим народ с историей нашего отечества!

Поскольку других предложений не последовало, идея историка была принята. Народ потянулся к выходу.

— Но нужно ведь срочно писать сценарий! — крикнула завуч.

— Хорошо, мы подумаем! — откликнулись учителя. — А вы бы пока общий план накидали, а мы его тогда разовьём!

Ольга Александровна хотела спросить у историка какую-нибудь книжку на эту тему, но он уже исчез.

— Анатолий Иванович! — обратилась она к подполковнику. — Вы на машине?

— Конечно!

— Может быть, вы меня подвезёте до большого книжного, что на улице Ленина, — надо бы про языческих богов и их праздники что-то посмотреть!

— С удовольствием! — согласился подполковник, который был равнодушен к молодому завучу. — Давайте вместе чего-нибудь подберём! Только я сейчас в компьютерный класс на минутку загляну — мы с Серёгой, — он

показал на учителя химии, — копии снимем с этого диска, классно ребята поют!

Дальше дело закрутилось довольно быстро. Более или менее разобравшись в языческой системе, обозначили общую схему выступления. Предполагалось организовать его в виде исторической зарисовки о том, как наши предки-славяне приветствовали Дажьбога, призывая таким образом весну и Солнце. Подполковник, будучи знаком с неким Зелигером — известным в районе язычником, личностью сильной и таинственной, привёз от него несколько настоящих идолов, которые тот согласился одолжить на время проведения представления («Ну и свирепые у них рожицы!» — удивилась Ольга Александровна).

Отрепетировать представление оказалось проще, чем «Бременских музыкантов». Правда, поначалу дети путались в непривычных именах славянских богов, но, когда число последних сократили до минимума, эту трудность преодолели. К тому же не надо было петь, а только водить хороводы да восславлять богов-защитников.

Правда, возникло ещё одно осложнение. Отец Михаил, входивший в оргкомитет празднования дня города как представитель РПЦ, увидев в программе празднования запись «Из истории России. Праздник Дажьбога. Постановка детского театра Школы-гимназии № 1», возмутился и изрыгнул с десятков непечатных слов. Программа ещё не была утверждена, но уже была согласована, и сходу взять и вычеркнуть

из неё запись было нельзя. Поэтому священник решил срочно поговорить с директором школы. Почти бегом он спустился из здания городской администрации, запрыгнул в свой новый «рено» и, смело игнорируя правила дорожного движения, помчался к школе.

Но было поздно. Директор уже ушла, а Ольга Александровна испугалась беседовать с разъярённым батюшкой. В результате главный удар принял на себя подполковник. Он, не снимая военной формы, гордо воссел за стол в учительской, а завуч вместе с другими организаторами представления спряталась в смежной комнате и слушали, что будет.

Между подполковником и святым отцом завязалась непростая дискуссия.

— Православие — единственная истинная религия! — доказывал батюшка. — А остальные — все до единой — ложные!!! Мы должны с младенчества нацеливать детей на православие и воспитывать нетерпимость к чужим культурам! А уж язычество — наш смертельный враг!

Подполковник сначала пробовал выстроить дискуссию мирно:

— Нетерпимость к чужим культурам — ладно. Хотите — воспитывайте. Но ведь это — культура своя! Это наша история! Не американская и не китайская! Это история славянского народа!

— Да, это так, — нехотя согласился батюшка. — Но, поскольку мы теперь православные, то, рассматривая историю, должны

делать вид, что никакого язычества не было, а когда это не удаётся, описывать его в уничижительном свете, чтобы вызывать отвращение. Вспомни, как при социализме попов описывали! Ведь в образовании главное — воспитать человека, а не дать ему истину! Вы же собираетесь показать, как будто язычество — это хорошо!

— Причём тут хорошо-плохо? Мы собираемся показать максимально похоже на то, что действительно было у наших предков.

— Похоже не надо! Говорю тебе, народу истина не нужна! Народ нужно воспитывать в православном духе, а не учить истине! И ложь будет во спасение!

— Послушай, но ведь обсирать язычество — значит глумиться над историей Руси! — не соглашался патриотически настроенный Анатолий Иванович. — Да и к тому же мы светское образовательное учреждение, а не церковный департамент! И почему ты делаешь вывод, что «воспитать человека» можно только таким путём, какой указывает церковь? Разве церковь в лице своих служителей является образцом? Разве, глядя на них, мы видим образцы гуманности, человечности и терпимости? Своим примером не пробовали воспитывать? — возразил подполковник.

— Очень жаль, что вы «светское учреждение»! — батюшка снова начал выходить из себя. — Но если дела в государстве пойдут так, как сегодня, то скоро мы с вашей светскостью разделаемся! Всё будет построено по

церковному образцу, а любые другие верования, кроме православия, запретят! Одна страна — одна религия! Чё тут думать!

— Что-то тебя понесло! — осторожно высказался Анатолий Иванович.

— Понесло?! Хорошо, скажу коротко — категорически протестую!!! Требую отменить историческую постановку!!! Вместо неё можете, например, спеть пару псалмов!

— Знаешь, это мне Огурцова напоминает!

— Какого Огурцова?

— А фильм такой был, «Карнавальная ночь» называется. Там тоже повестку вечера редактировать пытались!

— Глумишься надо мной? — взвизгнул отец Михаил. — Ещё раз повторяю: требую отменить постановку, а сценарий порвать немедленно! Отвечай!!!

— Я тебе отвечу коротко, по-военному: ПОШЁЛ НА ХУЙ!!! — невозмутимо изрёк подполковник.

Батюшка встал со стула, взмахнул руками, как будто хотел заехать подполковнику по морде, но, воздержавшись и от рукоприкладства, и даже от матерной тирады, сказал:

— Бесовское отродье! Многогрешная гнида! Гореть тебе в геенне огненной! Там будет плач и скрежет зубовный!!!

И удалился, хлопнув дверью.

Анатолий Иванович продолжал спокойно сидеть за столом. «И откуда это у души — зубы?» — процитировал он вслух мысль Пелевина. Но тут дверь снова открылась, и из-за

неё показалось перекошенное от злобы лицо бабушки.

Анатолий Иванович подумал, что святой отец, вероятно, услышавший его последнюю фразу, призвав превеликое благомудрие своё, сейчас как-то разъяснит этот казус с зубами, но тот что было сил крикнул:

— СУКА!!!

И ещё сильнее захлопнул за собой дверь. Послышался конский топот по лестнице — бабушка стремительно спускался вниз.

— Ушёл, можно выходить! — сказал Анатолий Иванович испуганным коллегам.

В конечном итоге в назначенный час представление состоялось. Полукругом по сцене были расставлены идолы славянских богов. Самое почётное место, как бы в президиуме, занимал главный бог — Перун. По обе стороны от него стояли богиня вечной жизни Джива и богиня плодородия Макошь, далее «заместитель» Дажьбога, тоже бог солнца — Хорс, а также бог свирепого ветра и плохой погоды Позвизд. Зачем Зелигер дал им последнего, никто так и не понял, но раз есть — надо использовать.

Сам Дажьбог находится в центре полукруга, и ему воздавались различные почести. В какой-то момент все затихли, а одна из девочек вышла вперёд и с чувством продекламировала: «Славим Дажьбога! Да будет он нашим покровителем и заступником! И покровителем плодов на полях! Он траву даёт скоту нашему во все дни! И коровы умножаются, и умножаются зёрна в житницах! И мёду он не даёт забродить!

Он бог Света! Славьте Сварожича, отрекающегося от Зимы и текущего к Лету! И ему мы славу поём, поскольку он — отец наш!»

Услышав эти слова, наблюдавший за лицедейством отец Михаил стал пунцовым от злости. Если бы он был собакой, то оцетинился бы с ног до головы и зарычал. Но поскольку собакой по меньшей мере в прямом смысле он не был, то ему оставалось лишь скрежетать зубами. Даже матом выругаться было нельзя, так как вокруг было много общественности, немалая часть которой была уверена, что православные священники не матерятся.

Впрочем, присутствующие не обращали на батюшку никакого внимания. Гораздо более заметным оказалось резкое изменение погоды, которое произошло за время детского выступления, длившегося не более пятнадцати минут. Изначально погода была пасмурной, однако поднялся ветер, облака на небе раздвинулись, и, точно откликаясь на наивные просьбы детей, выглянуло яркое солнце. Полированный Дажьбог на сцене торжественно засверкал деревянной лысиной.

Народ обрадовался, однако греться ему предстояло от силы с полчаса. Затем небо снова затянулось тучами, пошёл дождь, а дальше разразилась мощная весенняя гроза, что осложнило проведение праздника. До вечера погода продолжала меняться с калейдоскопической быстротой, удивляя многих, так как такая динамика была совершенно не свойственна этим местам. А поскольку накануне прогноз погоды

обещал «без осадков», в конечном итоге большинство народу пришло домой основательно промокшим, так как зонтов с собой никто не взял.

Стихия не успокоилась и ночью, и, когда следующим утром, в понедельник, учителя пришли на работу, они увидели, что огромное древнее дерево обрушилось на провода, в результате чего школа оказалась обесточенной. Занятия пришлось отменить, вызвали ремонтную бригаду. Когда бригада приехала и уже занималась восстановлением линии, на третьем этаже откуда-то потянуло дымом. Оказалось, загорелся электрический обогреватель. Вызвали пожарных, пожар удалось быстро потушить. Угол комнаты довольно сильно обгорел, но книги не пострадали. Командир пожарного расчёта, сидя в кабинете у директора школы, доложил, что пожар произошёл из-за короткого замыкания в цепи электронагревателя.

— Но ведь он же был выключен! — удивилась директор. — Сейчас тепло!

— Выключен был, а из розетки не вынут! — разъяснил пожарный. — Хотя и редко, но бывает, что происходит замыкание в режиме «standby», поэтому на всякий случай следует отключать электроприборы из сети, когда ими не пользуются! — назидательно продолжил он.

— Но ведь электричества в школе не было! Там же дерево упало, и столб завалило! — всплеснула руками директор.

— Не было бы электричества — не было бы и пожара! — ответил командир расчёта таким тоном, чтобы дать понять о своём нежелании продолжать дискуссию о невероятных вещах. — Во всяком деле главное — простота, прозрачность и порядок! Подпишите вот здесь! — он протянул какую-то бумагу.

Директор взяла у него документ, чтобы расписаться, и в это время в воздухе раздался какой-то шелест, завершившийся громким «бенц!». Это икона, привешенная в кабинете директора почти под самым потолком, почему-то сорвалась с крепления и спланировала точно на голову пожарного. А он был в каске.

— Ой!!! — вскрикнула директор.

— Ничего-ничего, — ответил пожарный, снял каску и протёр рукой стриженную ёжиком голову. — Видите, как полезно носить каску даже в, казалось бы, безопасных помещениях! — сказал он, но было непонятно, то ли он шутил, то ли действительно считал, что изрекает весьма ценную мысль.

Больше ничего страшного в школе в тот день не происходило, однако это были лишь первые звенья в цепи таинственных событий, начавшихся после представления. Сильнее всего досталось организаторам.

В театральную творческую группу входило всего пять человек — сама Ольга Александровна, учитель химии Сергей Игоревич, учительница литературы Светлана Сергеевна, учительница биологии Нина Викторовна и,

естественно, подполковник Анатолий Иванович. Нина была самой младшей в группе, ей едва исполнилось двадцать пять. Самым старшим оказался подполковник, которому перевалило за пятьдесят, Сергею было в районе сорока, а Светлане и Ольге — около тридцати. Но различия в возрасте им не мешали — всех их объединяла любовь к театру, за исключением, может быть, Анатолия Ивановича, который более тяготел к Ольге Александровне. Она же первая и столкнулась с неведомым. Дело было так.

В качестве поощрения школе за выступление театрального кружка на празднике города администрация презентовала билеты на представление театра, приехавшего на гастроли из Питера. Билеты достались всем учителям, кто хотел пойти, но в первую очередь, естественно, организаторам кружка.

Представление закончилось довольно поздно и незамужней Ольге Александровне пришлось возвращаться одной. «Волга» Анатолия Ивановича находилась в ремонте, проводить же Ольгу Александровну до дома пешком подполковник не мог, так как такие маневры могли вызывать подозрения его жены. Нельзя сказать, что ходить по ночному городу было очень уж опасно, но периодически случалось всякое. Например, ещё в студенческие годы под праздник её подруга возвращалась в город пешком с дачного участка. Дорога проходила через несколько деревень, в каждой из которых подругу изнасиловали. «Очень уж простой народ у нас

живёт! — думала Ольга Александровна. — Ну, всё просто! Сказал — сделал, выпить есть — выпил, бабу захотел — набросился. Никакой саморефлексии! Да притом ещё и гордятся своей простотой!»

С такими невесёлыми мыслями она свернула на дорогу, ведущую мимо гаражей. Внезапно с лаем к ней побежали собаки. Собак она не боялась, так как считала, что любит животных, и те это ценят. Они и вправду ценили но, вероятно, лишь днём, а не ночью. Ольга обернулась и увидела, что спрятаться некуда: с одной стороны — забор, с другой — стена гаражей, а бежать назад бесполезно — четвероногое бежит куда скорее. Ситуация становилась угрожающей. В районе уже были случаи, когда собаки загрызали людей насмерть. Бороться же с ними было сложно. Не так давно около школы стая собак покусала девочку, а когда её отец пришёл с ружьём и перестрелял всю стаю, защитники животных подняли такой скандал!

Ольга попыталась ласково заговорить с псами, но те, казалось, только больше от этого возбуждались. Распределившись полукругом, рыча и сверкая в лунном свете зубами, они подступали всё ближе. Ольге хотелось разрыдаться от чувства беспомощности и незащитности. И в этот момент она увидела ещё более ужасающую вещь. Точно напротив неё из кирпичной стены гаражей вышла ещё одна собака. Она была абсолютно чёрной, с жёлтыми, как будто светящимися в темноте, глазами. Глаза эти не предвещали ничего хорошего. Собака медленно, по-

кошачьи мягкими шагами двинулась к Ольге, которая не могла оторвать от неё взгляда.

Другие псы также повернулись к гостю. Судя по всему, чёрная собака была чужаком и к этой команде не принадлежала — стая разразилась лаем и рычанием с новой силой, будто кто-то на некоем управляющем пульте резко перещёлкнул тумблер, увеличив уровень собачьей агрессии. Однако чёрный пёс продолжал спокойно двигаться в сторону Ольги, не обращая никакого внимания на обрехивающих его собратьев. Те уже перешли практически на визг, и в какой-то момент вожак, не выдержав, бросился на пришельца, пытаясь вцепиться ему в горло.

Завязалась драка. Чёрного пса завалили на землю. Он отбивался отчаянно, но казалось, конец его был близок. Ольга хотела побежать, но подумала, что, расправившись с этим псом, собаки в азарте также разорвут и её, а, убегая, она только раззадорит их. Больше ничего подумать она не успела, потому что увидела, как из кирпичной стены выходят ещё три собаки, точь-в-точь похожие на первую и, соответственно, друг на друга. Они спокойно двинулись к грызущейся своре и через секунду вступили в собачий бой. Что интересно, чёрные псы дрались совершенно беззвучно, но хладнокровно и яростно. «Пожалуй, теперь самое время бежать! — решила Ольга. — Это быстро не закончится!»

Когда она уже была далеко, от гаражей всё ещё доносился визг разгромленной гаражной стаи. Больше она там не ходила и так никогда

и не узнала, что в тот вечер с гаражной стаей покончено было навсегда.

Этот случай произвёл на неё большое, прямо-таки неизгладимое впечатление. Ольга Александровна никогда не предполагала, что ей придётся умереть в подворотне, в тщетном сопротивлении отбиваясь от собак, один за другим отрывающих куски её плоти. И хотя смерть не состоялась, сама возможность её, едва не реализовавшаяся, продолжала ужасать. Несколько утешало то, что её спасли какие-то неведомые защитники, но облик этих защитников был, пожалуй, ещё более угрожающ, чем облик самих агрессоров. Душевное состояние усугублялось и тем, что рассказать о пережитом было некому. Мать испугается, соседи сочтут за ненормальную. Однако и молчать было невозможно, поэтому, имея в виду и другие странные события, время от времени случающиеся в школе после городского праздника, Ольга Александровна предложила театральной группе собраться после уроков и обсудить происходящее без посторонних. Благо, такой сбор не привлёк бы к себе особого внимания, поскольку при актовом зале была отдельная комната, где хранился реквизит и обычно происходили творческие дискуссии.

Уговаривать никого не пришлось, и часа в четыре все пятеро участников сидели за столом. Взглянув на их лица, Ольга Александровна догадалась, что им тоже будет, что рассказать, хотя начать первыми они не решаются. Тогда после краткого обсуждения

школьных происшествий она рассказала свою историю с собаками. Народ оживился. Выяснилось, что и вправду у каждого произошло минимум одно мистическое событие, чаще всего нехорошее.

— А у нас перед домом за ночь вырос дуб — метра три высотой! — сказала Светлана, которая жила в красной кирпичной пятиэтажке. — Бабки с утра собрались, очень удивились. Хотели даже в газету позвонить, но потом подумали: как докажешь, что за одну ночь вырос-то — на нём же не написано.

— А теперь он как? — спросила биолог.

— Полдня простоял, потом засох. А на следующее утро смотрим — уже одни сухие ветки на земле валяются, как не было никакого дуба.

— А у нас свинью током убило! — вставила слово Нина, которая жила в частном доме.

— Как это? — удивился технически продвинутый Анатолий Иванович.

— Сама удивляюсь. В хлеву розетка была. Всю жизнь она там, никогда проблем не было. Да и от пола почти в метре. Как Хавронья умудрилась пяточком в розетку ткнуть — представить себе не могу! Но мать с утра приходит, свинья наша мёртвая валяется, как будто в рыло молнией ударило!

— ХА-ХА-ХА!!! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!! — расхохотался подполковник, запрокинувшись назад на стуле, так что захрустело дерево.

— Анатолий Иванович! — укоризненно сказала Ольга. — Ну что тут смешного?!

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!!!!!!

— Вы бы лучше про себя рассказали! Или у вас ничего не произошло?

Подполковник посуровел.

— Произошло, — сказал он. — В пятницу поехал я на дачу, а жена в субботу собиралась прибыть, на автобусе, — издалека начал Анатолий Иванович. — Ну, взял, как положено, пивка литра три-четыре, вечером хорошо посидел сам с собой. А ночью потребовалось мне на двор выйти. Вышел я в сад, стою и вдруг вижу — ходит между яблонь огромный человек. Лица я его не разобрал — чёрная такая фигура. Но ростом он был метра три или даже больше. Рукой запросто до верхушки яблони достанет! А ходит так — туда-сюда, словно что-то обронил и теперь ищет. Или как будто заняться совсем нечем. Признаться, испугался я. Чувствую, что нечеловеческий это какой-то человек. А он меня заметил и в мою сторону повернулся. Я бежать со всех сил, а сам думаю: вход в дом с другой стороны, и, если он за мной бросится, успеет ли догнать? Но не успел, а может, и не гнался. Я в дом спрятался, ружьё достал, сажу, курю... Так вот до рассвета и просидел.

Все молчали. Чтобы разбить напряжённую тишину, подполковник спросил учителя химии:

— А у тебя что было? Рассказывай!

Чувствовалось, что рассказывать Сергею Игоревичу не хочется, но, не выдержав на себе вопросительных взглядов, он всё-таки начал:

— Пошёл я с другом бухать...

— В пятницу? — уточнил подполковник.

— Ну почему только в пятницу? — обиженно возразил Сергей Игоревич. — Мы в среду пошли. Дома жена ругается, поэтому выдвинулись на пустырь, туда, где завод арматуры, там через болото мостки перекинута, мы на одном из островков себе местечко и облюбовали. Ну, хряпнули основательно, за жизнь поговорили. Чувствуем, холодает уже, да и стемнело. Короче, пошли домой, но другой дорогой. Там уже не мостки, а мостик подвесной из досок через ручей. Вышли мы на этот мостик, и тут друг мне говорит: «Дай зажигалку, моя делась куда-то!» Я про себя думаю: «Нашёл ты место, придурок, мостик качается, доски на нём разъезжаются, того и гляди вниз полетишь». Но всё же сунул руку в карман, нашёл зажигалку, поворачиваюсь — а друга нет! Думаю, свалился, сука! Но лететь там метра четыре-пять до воды, так что плюх должен быть солидным... Да и мост бы трянуло от мгновенной разгрузки! Ничего этого не было, а друг исчез! Я уж искал его, искал — всё бестолку! Пришёл домой, страшно стало. Я же знаю, как менты работают — теперь стопудово скажут, ты друга замочил, и будут избивать, пока не сознаешься!

— А он так и не нашёлся? — со страхом в голосе спросила Светлана.

— Слава богу, нашёлся! На следующее утро он проснулся в посёлке Бычково, что километрах в двадцати от города. Спал прямо на центральной площади у магазина. Честной народ, что в магазин шёл, его полностью обчистил: мобилу украли, деньги, часы сняли. Так что

билет он купить не мог и пешкодралом двадцать вёрст назад шкандыбал! К следующему вечеру появился только, слава богу, живой!

— А вот интересно, какому именно Богу слава? — спросил Анатолий Иванович. — Зелигер ведь говорит, что их много. Стало быть, если благодаришь, надо указать, кого именно. А всех скопом благодарить как-то беспонтово, не прокатит, боюсь...

— Между прочим, — вмешалась Нина, меняя тему, — директору уже доложили, и мне известно, кто именно, что все проблемы происходят оттого, что мы якобы устраивали тут мистические оргии, плюс в последний момент придумали заменить всем известных «Бременских музыкантов» на какое-то языческое действо, причём было подчёркнуто, что последнее произошло исключительно по вашей, — она показала на Ольгу Александровну, — инициативе!

— Так! — угрожающе сказал Анатолий Иванович.

— Правда, директор не поверила и прогнала доносчицу, потому что является закоренелым материалистом и верит только в то, что может реально пощупать руками, — добавила Нина.

— Хоть это хорошо, — вздохнул подполковник. — Но доносчице мы всё равно при случае отомстим! А вот интересно, если директор, к примеру, не может руками атомы пощупать или электромагнитные волны, она в них тоже не верит? — спросил он, снова переводя разговор в философское русло.

— А как же она может быть материалистом? — удивилась Светлана. — У неё же столько образов в кабинете висит! Одним даже пожарному, как я слышала, по кумполу заехало!

— Образа у неё висят потому, что сейчас мода такая! А сама она ни во что не верит! — пояснила Ольга Александровна, более посвящённая в дела руководства.

— Да пёс с ней! — громко сказал Сергей Игоревич. — И хорошо, что не верит! Нам ещё проблем по административной линии не доставало! Имеющиеся бы разрулить!

— Ага! — согласилась Светлана. — Вот батюшка-агрессор, что к нам приходил в школу ругаться, наверное, сейчас радуется.

— Сейчас уже, наверное, не очень, — сказал всеведущий подполковник. — Я тут на днях был в пожарной части и пил там с её командиром. Так он мне рассказывал, что с отцом Михаилом что-то приключилось, и он в больнице лежит, в травматологии.

— Небось напился да с колокольни дрепнулся! — предположила Нина, и все рассмеялись.

По странному стечению обстоятельств она почти угадала. В тот день в храме события развивались так.

«А где отец Михаил?» — спросила пожилая прихожанка у злобного вида бабки, слонявшейся туда-сюда без дела. «Вон он, спускается, сапогами гремит!» — недовольным тоном ответила бабка, указывая на дверь, за которой была лестница, ведущая на колокольню.

Однако секунду спустя раздался вскрик и, судя по последовавшим звукам, стало ясно, что отец Михаил гремит по лестнице уже не только сапогами, а всем своим телом, буквально не щадя живота своего. Прихожанка и бабка замерли и с испугом глядели на приоткрытую дверь, из-за которой стремительно приближался звук.

Ихоцепенение прервал страшный удар, чуть было не сорвавший дверь с петель. Примчался отец Михаил. В растрёпанной рясе, с окровавленным лицом, он пролетел ещё метра два и, охая, распластался на полу. Заметив на себе изумлённые взгляды, он произнёс: «Поскользнулся, сука!!!» — и потерял сознание.

— А ведь вроде тверёзый! — растерянно сказала прихожанка.

— Да, сегодня с утра он практически не пил! Ну, разве кагору, что от утреннего причастия остался! — подтвердила бабка.

Пришлось вызывать скорую. В больнице врачи определили, что батюшка сломал ногу, получил вывих плеча и сотрясение мозга. «Да тебе, перелётный мой друг, теперь месяца два на колокольню не вскарабкаться!» — сказал склонный к ехидству доктор, вводя отцу Михаилу обезболивающее.

Но вернёмся к совещанию в подсобке.

— Думаю, надо обратиться к Зелигеру! В конце концов, это ведь он нам идолов своих давал! Пусть объяснит, что происходит! — сказал подполковник. — Поехали прямо сейчас! Сейчас вечер, он должен быть дома!

Не прошло и получаса, как бежевая «Волга» подполковника остановилась напротив ворот Зелигера. Тот был дома. Приветливо улыбаясь, он вышел к своим гостям. Но взгляд его был лукавый — видимо, он догадывался о причине их визита.

— Что-то у нас из-за твоих идолов проблемы начались! — строго сказал подполковник, оказавшись во дворе.

— Ага! — ответил Зелигер. — Ты ещё скажи, что и идея всё это организовать моя была!

— Да ладно вам! — вмешалась Ольга Александровна. — Проблемы действительно возникли, и, думаю, лучше Зелигера никто не может нам помочь!

— Помочь — помогу! — отозвался Зелигер. — А вот собак на меня навешивать не надо!

При слове «собака» Ольга вздрогнула. Зелигер пригласил их пройти, но не в дом, а в сад, где у него был организован деревянный стол с лавочками.

— На природе оно ведь всегда лучше! — сказал он. — Сейчас я за чаем схожу!

— Ой! Мы ведь второпях даже к чаю ничего не захватили! — растерянно сказала Светлана.

— Ну, у меня, вообще-то, пузырёк в багажнике лежит! — отозвался Анатолий Иванович.

— Пузырёк — это хорошо! Но после! — сказал Зелигер. — Сначала о деле поговорим — ведь оно действительно серьёзное!

Когда чай был организован, он выслушал истории своих гостей и начал свой рассказ:

— Вы, я вижу, испуганы. Думаете, что чуть ли не дьявола в свою жизнь впустили.

— А похоже на то! — отреагировала Ольга Александровна.

— Пугаться не стоит, — успокаивающе сказал Зелигер. — Дело тут в следующем. В языческом культе сокрыта могущественная сила, гораздо более могущественная, чем в православии. Ведь именно в языческий период произошло формирование славянских народов как таковых. И по сравнению с эпохой язычества на Руси, тысяча последних лет христианства — это не срок! Это — миг, и значение его невелико!

Зелигер сделал паузу, чтобы отхлебнуть из чашки душистого чаю, и продолжил:

— Вы же действительно сумели прикоснуться к древней силе! И произошло это по нескольким причинам. Во-первых, ваша группа глубоко прониклась идеей, во-вторых, дети, исполнявшие зрелище, были максимально искренне, они играли с чистой душой, а это много значит. Ну и в-третьих, идолы, действительно, были настоящие.

Последнюю фразу Зелигер произнёс потише, чтобы не акцентировать на ней внимание.

— Смотрите! Идея тут такая! — сказал он, не сделав паузы и не позволив, таким образом, задать вопросы. — Вообразите себе: где-то под нами текут великие воды — мощный поток. Но мы его не чувствуем, потому что поток укрыт толстым слоем слежавшегося мусора, наслоениями эпохи, превратившимися в прочную корку. А вы, образно говоря, взяли лом и

пробили эту корку насквозь. Великие воды хлынули в образовавшееся отверстие, подобно гейзеру, и облили собой тех, кто находился поблизости. Кому-то это не понравилось. Но произошло это не потому, что древние силы плохие, а потому, что они — могучие. Но их можно приручить, войти с ними в ритм, наладить контакт.

— Ну, контакт, похоже, мы уже наладили. Каждый день в контакте! — сыронизировал подполковник.

— А вот в ритм, похоже, не вошли... — грустно добавила Ольга Александровна.

— В ритм входят, совершая ритуалы! С проникновением! — торжественно сказал Зелигер.

— С проникновением — куда? — не поняла Нина.

— С проникновением — в смысле, проникнувшись действием, впустив в себя его дух! — разъяснил Зелигер. — Если все вместе устроите искренний ритуал — а в язычестве ритуал очень важен — вы замиретесь с силой и даже отчасти возьмёте её себе. Сила мечется, ибо нескоординирована. Как в анекдоте: в его голову пришла мысль и уже неделю ищет там мозг! Так и сила: вы её выпустили, пробили отверстие, а она не знает, куда приткнуться, и в своих метаниях наводит безобразие. Если же вы примете эту силу, то и безобразия прекратятся, а вы обретёте гармонию, и у вас откроются новые способности! Однако современного человека трудно пробить, поэтому ритуал должен быть ярким, необычным!

— А какие у вас есть ритуалы? — спросила Нина.

— Ритуалы есть самые разнообразные. Хотя более важным является наше отношение. Понимаешь, ритуал — это просто способ войти в особое состояние и, если нужно, заявить миру о своём намерении. Тогда мир ответит, и желание твоё сбудется. Погоду на ближайшие дни обещали тёплую, так что в нашем случае можно организовать выездной ритуал и задействовать все стихии!

Увидев, что все ждут дальнейших пояснений, Зелигер продолжил:

— Всего есть четыре стихии: огонь, вода, воздух и земля. Мы можем поехать в какой-нибудь глухой уголок, где есть пруд или речка, разжечь огромный костёр, совершить вокруг него танец, потом ритуальное омовение, ну и так далее, возможны варианты. Для достижения единства с природой ритуал совершается в обнажённом виде.

Описание ритуала вызвало оживление у театральной группы.

— А свальным грехом это не закончится? — спросила Светлана.

— А раздеваться обязательно? — с подозрением в голосе задала вопрос Ольга Александровна.

— Обязательно! — ответил Зелигер, уклоняясь от ответа на вопрос Светланы. — Дело в следующем. События происходят серьёзные. Уж кто-кто, а ты-то лично в этом убедились! И чтобы совладать с ними, нужен такой же

серьезный ответ! В действительности работают духовные силы, поэтому для серьезного ответа нам не требуется производить переворота в материальном мире — сворачивать горы, строить пирамиды до небес и прочее. Нужно только, чтобы лично для вас событие было неординарным. Тогда магия сработает.

Ольга Александровна вспомнила, как порой они развлекались в общежитии московского пединститута, и пришла к выводу, что по сравнению с этим предлагаемый ритуал достаточно невинен.

— Ты нам поможешь с ритуалом? — спросил подполковник. — А то сами мы не справимся!

— С радостью помогу, — ответил Зелигер, который действительно искренне радовался, когда ему удавалось кого-то обратить в свою веру. — У меня есть специальное место. Очень глухое. Я там купил дом за шесть тысяч рублей. Он стоит на берегу старого пруда, достаточно чистого. Народу вокруг — никого! Специально выбирал. Для меня это — место силы, там же я провожу духовные обряды.

— «Место силы» — это ведь термин из другой оперы, — сказала начитанная Ольга Александровна, но Зелигер с ней не согласился.

— Не вполне, — ответил он. — Ведь мир изменился, и на смену древнему язычеству пришло неоязычество — а оно учитывает все современные веяния. Понимаешь, вера, религия не могут стоять на месте. Иначе они умирают. Человеку не дана истина в чистом виде, у него есть только представления. А представления

преходящи. То, что было верным тысячу лет назад, сегодня может оказаться нелепостью. Поэтому надо постоянно развиваться, обновляться, двигаться вперёд. И если церковь этого не делает, она тянет людей назад!

Они ещё поговорили на различные таинственные темы. Зелигер был силён в мистике и произвёл на всех очень положительное впечатление. Ритуал решили провести, не затягивая, — пока ещё чего-нибудь не произошло. Договорились поехать в ближайшую субботу, с ночёвкой, чтобы не создавать суеты.

Женская часть группы немного волновалась или же делала вид, что волнуется. Но, как это часто бывает, хозяйственные заботы оттеснили на второй план размышления о необычном ритуале. Шесть человек надо было чем-то кормить, то есть надо было закупаться продуктами, потом собирать личные вещи и постельные принадлежности и т. п. Так что Ольга Александровна вспомнила об особенностях предстоящего действия только в субботу утром, когда собиралась.

Это несколько замедлило её сборы. Ведь раздеться перед коллегами — это не просто сделать некий шаг, к нему нужно ещё и подготовиться, в частности, подобрать красивое бельё, чтобы было не стыдно. Тщательно помывшись, она долго примеряла различные варианты исподнего перед зеркалом, в который раз убедившись, что её внешние данные очень даже неплохие. Тем обиднее было, что в их провинциальном городке по делу ими никто не

пользовался. То есть для коротких встреч найти мужика большой проблемы не представляло, а вот замуж выходить было решительно не за кого. Попадалась либо пьянь, либо придурки, либо решительное сочетание и того, и другого. Немногие приличные мужики, подходящие для создания семьи, либо уже были разобраны, либо уехали в Москву.

От невесёлых мыслей Ольгу Александровну пробудил звук сигнала, прозвучавшего за окном. Это приехал Анатолий Иванович, в этот раз на уазике, в котором уже сидела остальная часть группы. Пришлось быстро одеваться и бежать вниз.

Они заехали за Зелигером, у которого, как ни странно, уазика не было — по грунтовкам он ездил на тракторе, а по шоссе — на «жигулях». Путь до таинственного места занял больше часа — такой плохой была дорога. «А в распутицу сюда вообще не проедешь!» — успокаивал Зелигер до потолка подсакивающих на кочках пассажиров.

На место они прибыли только к половине второго. Одинокая избушка, бывшая когда-то ли домиком лесника, то ли егеря, утопала в яркой весенней зелени. Впрочем, сразу по приезде оказалось не до мистики. Разгрузили машину, проветрили и прибрали избу, стали собирать дрова и хворост для большого костра. За этими делами подошло время обеда, который предстояло организовать из привезённых продуктов. Но наконец всё было сделано. Во дворе постепенно разгорался костёр, рядом

накрытый белой клеёнкой стол ломился от разнообразной закуски. Зелигер достал прохладную бутылку коньяка и разлил: кому в гранёный стакан, кому в алюминиевую или эмалированную кружку — бокалов, естественно, в этом месте не было.

— Разумное в меру возлияние раскрепощает душу и открывает сознание всемирному разуму! — торжественно произнёс он первый тост.

— Только мера у всех разная! — сказала Нина, проглотив коньяк и поёжившись.

— У нас в полку говорили так, — отозвался Анатолий Иванович, с хрустом закусывая свежим огурцом, — настоящий офицер свою норму знает: упал — значит хватит!

Ольга Александровна настороженно посмотрела на учителя химии Сергея Игоревича. Судя по прошлому опыту, он хоть в чём-то пытался походить на настоящего офицера.

— В этот раз придётся норму понизить! — предупредил Зелигер. — Надо помнить, зачем мы тут собрались!

— ДА! Чтобы ритуал провести! — откликнулась Нина.

— Нет, не так! Ритуал — это лишь форма! — мягко поправил её Зелигер. — А мы должны возжечь в себе искру вселенской любви, настроиться на гармонию с миром! Это главное!

Ольге Александровне вспомнилось, чем каждый раз заканчивались для неё мероприятия, начинавшиеся со слов о вселенской любви. Но говорить об этом вслух она не стала.

Ко времени, когда две бутылки коньяка были пусты, костёр уже пылал вовсю. Дров было много, и пламя достигало высоты человеческого роста. Зелигер сказал, что настало время сделать шаг навстречу единству с природой и полностью разоблачиться. Он встал из-за стола, подошёл поближе к костру и, ловко сняв с себя одежду, посмотрел на остальных. Нина, вполне очарованная его мудростью и силой, последовала за ним и без колебаний тоже разделась донага. Подполковник подумал, что на фоне Зелигера, который в свои шестьдесят подтянут и мускулист, он со своим пивным животом выглядит не слишком здорово, но деваться было некуда. Вслед за ними, с некоторыми колебаниями, из-за стола встали остальные: Сергей Игоревич, Ольга Александровна и Светлана — и начали раздеваться. В последний момент Ольге развивающаяся ситуация показалась необычайно абсурдной — вот они, образованные люди, приехали в какую-то глушь с подозрительным местным колдуном и собираются устроить неизвестно что, для чего ей, пользующейся заслуженным уважением завучу, нужно раздеться догола перед коллегами, и в том числе — подчинёнными. Однако рассуждать на эти темы было некогда — она отбросила эту мысль и элегантно движением сняла трусики.

Зелигер повёл всех хороводом вокруг костра. Он ритмично выкрикивал какую-то речовку, а все остальные, держась за руки, следовали за ним, стараясь двигаться в такт задаваемому

ритму. Сначала получалось не очень здорово, но потом дело пошло на лад. Через некоторое время, распевая различные магические рифмовки, они уже вполне непринуждённо смогли совершать свой танец полностью синхронно, как будто всю жизнь этим занимались. И в этот момент Ольга Александровна почувствовала необычайное. Как в детстве, ей одной удавалось раскачать тяжёлые железные качели, совершая ритмичные движения ногами, так и здесь, похоже, им удалось раскачать какую-то неведомую силу. Казалось, огонь не только снаружи, но и изнутри, причём тот, что изнутри, гораздо сильнее пылающего костра. Пот катился градом, а через весь их живой круг проходили явно ощущаемые энергетические импульсы, точно некий вихрь, рождённый в их кольце, теперь стремительно нарезал круги, переходя от участника к участнику через сомкнутые руки и с каждым оборотом увеличивая свою мощь.

Взглянув на других, Ольга Александровна поняла, что и они испытывали нечто подобное. Перед ней, сверкая бледной задницей, решительно сопел подполковник, увлекаая Ольгу вперёд, и сам, в свою очередь, будучи увлекаемым Ниной, которая, естественно, оказалась рядом с Зелигером. Сзади хрипло дышал Сергей Игоревич.

Зелигер, лучше всех понимавший, что происходит, крикнул:

— А теперь — отдохнём, предадимся омовению! Вода чистая, всё проверено, прыгать безопасно! — Он показал в сторону пруда, и они все

вместе побежали по утоптанной траве и с разбегу плюхнулись в прохладную воду.

— Ёб твою мать!!! — не смог воздержаться от восторженного возгласа подполковник.

— Анатолий Иванович! — обратилась к нему плескавшаяся рядом учительница литературы. — Вы своими бранными словами нам всю волшебную силу распугаете!

Вместо подполковника ответил Зелигер:

— Ну, силу-то он, конечно, не распугает. Что это за сила, которую бранным словом можно напугать! Но заземлять возвышенность и пафос, действительно, не стоит. Скажи лучше чего-нибудь другое! У-у-у-х-х-х!!! — показал он пример и с головой нырнул под воду.

Когда народ достаточно охладился, Зелигер подал знак вылезать на берег. На берегу было нежарко.

— А теперь, — серьёзно сказал Зелигер, — следующий этап. Есть такой закон мироздания: что ты даёшь, то и получаешь. Войти в резонанс со вселенской любовью можно, только когда сам транслируешь эту любовь. Вы уже приблизились к этому состоянию, поэтому давайте закрепим его. Для этого достаточно любого нехитрого действия, главное, чтобы оно выполнялось проникновенно. Сейчас давайте пройдем к костру, потому что там теплее, подбросим дров и не спеша, с любовью и нежностью, оботрём друг друга полотенцами!

Бросив в костёр несколько здоровенных брёвен, группа распределилась по парам. Рядом с Зелигером оказалась Нина, не отходившая от

него ни на шаг, подполковник не упустил возможности оказаться рядом с Ольгой Александровной, а Светлана — с Сергеем Игоревичем. Нельзя сказать, что она питала к нему особо тёплые чувства, но Зелигера она боялась, а Анатолий Иванович привлекал её ещё меньше, потому что был пузат, лыс, небольшого роста, курил, бухал и всё время матерился. Впрочем, отправляя ритуал, следовало излучать любовь, а не потакать своим пристрастиям. В этом плане легче всего было восхищавшейся Зелигером Нине.

Обтирание длилось достаточно долго, а когда оно закончилось, Зелигер предложил ещё немного выпить для поднятия тонуса. Все прошли к столу. Выудив откуда-то ещё одну бутылку коньяка, Зелигер откупорил её и разлил каждому в соответствии с личными запросами. Малопьющие Светлана и Нина попросили лишь несколько капель, Ольга Александровна и подполковник — по пятьдесят граммов, а Сергей Игоревич хотел и все сто, но Зелигер отказал, сославшись на то, что ритуал ещё не закончен и пьянствовать не время.

Закусив, Зелигер изрёк: «Продолжим!» — и повёл всех по другую сторону костра. Там он объяснил, что сейчас нужно восславить мир, вселенную и богов. Для этого нужно максимально искренне проникнуться восхищением и благодарностью. Сила действия увеличится, если они образуют фигуру, синхронизирующую и объединяющую их энергетику. Одной из таких фигур является пентаграмма.

Взяв за руки Светлану и Сергея, он поставил их на место нижних лучей пентаграммы, затем расположил Ольгу и подполковника на средних лучах, в верхний же луч отправил Нину.

— А ты куда встанешь? — спросила та.

— А я встану в центр, — ответил Зелигер и шагнул внутрь пентаграммы, которая, не будучи прорисована на земле, со стороны напоминала простой круг.

Оказавшись в середине, Зелигер повернулся лицом на север — это направление как раз совпадало с верхним лучом — и обратился с инструкцией:

— Повторяйте, что я буду говорить! При этом, когда я обращаюсь к миру, надо развести руки в стороны, когда ко вселенной — протянуть их к небу, а когда к земле — направить вниз!

Выдержав небольшую паузу, чтобы все сосредоточились, Зелигер с пафосом произнёс:

— Воздаю хвалу миру, что сверкает пред нами тысячами красок, что согревает нас огнём, кормит плодами своими, поит прозрачную водою!

— Воздаю хвалу вселенной, что даровала нам искру разума, тепло души и истину безусловной любви!

— Воздаю хвалу земле, матери всех людей, и всем богам земным! Да будут они к нам милостивы и щедры!

Далее Зелигер подробно восславил все основные стихии. Закончив, он торжественно обратился к участникам:

— Теперь вы готовы воспринять Эликсир Силы!

— Его пьют? — спросила Нина.

— Нет, — ответил Зелигер, — им натираются.

Он принёс из дома замысловатую бутылку с какой-то жидкостью, вывинтил фигурную пробку и протянул, чтобы люди могли посмотреть и убедиться в безопасности эликсира. В бутылке было что-то похожее на воду с запахом хвои и еловых шишек.

— Это природный настой! — пояснил Зелигер. — Хотя, из чего он сделан, не важно. Сила Эликсира не в химическом составе, который вполне нейтрален, а в той могучей энергетике, которую он несёт. Сейчас нам надо будет, разбившись по парам, тщательно и с любовью натереть друг друга Эликсиром. Это очень важный этап, после которого каждый из вас восстановит естественный контакт с силами природы, который мы почти утратили в современной цивилизации! Вам откроется неисчерпаемый источник, откуда вы сможете пополнять свою энергию!

Зелигер взял наиболее ровный пенёк, поставил на него бутылку и жестом пригласил к себе Нину. Подполковник протянул руку к Ольге Александровне. Вдохновлённые зажигательной речью своего лидера участники действия принялись поочередно отливать волшебного Эликсира из бутылки на ладони и мягко натирать друг друга. Зелигер пояснил, что натереть нужно обязательно всё тело.

Данный процесс увлёк участников. Анатолий Иванович мягкими, ласкающими движениями втирал Эликсир в бархатистую кожу Ольги Александровны, начав сверху вниз. Пройдя плечи и шею, он спустился до груди, где несколько задержался, потом стал продвигаться дальше. Ольга никогда не рассматривала подполковника в качестве сексуального партнёра, однако, в свою очередь, и у неё появился интерес, когда в процессе обтирания она убедилась, что Анатолий Иванович выделяется не только пузом, но и весьма, весьма незаурядным мужским достоинством.

По сути, натирание эликсиром превратилось в особого рода прелюдию, к концу которой пробудить в друг друга страсть удалось всем участникам ритуала. Эликсир уже закончился, а народ всё ещё предавался «обтиранию».

Заметив это, Зелигер, на время оторвавшись от Нины, выступил с новым тезисом:

— Мы приблизились к силам природы! И одновременно ко вселенской любви! Эти два направления поддаются симбиозу — наилучшим образом он выражается в любви телесной! Предавшись ей, мы декларируем намерение окружающему миру, на которое он обязательно откликнется! Особенно сильной получается декларация, если предаться любви непосредственно на земле! Это настоящее единство с природой!

— А полотенце хотя бы постелить можно? — спросила Ольга Александровна, косясь на замусоренную землю.

— А как насчёт предохранения? Презервативы? — обеспокоилась Светлана.

— Полотенце можно! Это единства не нарушит, — ответил Зелигер. — А вот с презервативами сложнее. В сеансах со знакомыми, личными людьми мы их не используем. Заразных среди нас нет, а излить семя мужчинам лучше в землю — это тоже сильный и древний магический ритуал!

У подполковника уже не было сил слушать. Он мгновенно расстелил полотенце на земле и, деликатно подхватив Ольгу Александровну на руки, расположил на нём, после чего пристроился сверху и аккуратно вошёл в неё. Другие пары последовали их примеру, и на следующие пятнадцать минут поляна у костра превратилась в импровизированный храм любви.

Через какое-то время по завершении ослабленно лежащий на полотенце Зелигер вновь выдвинул тезис:

— У нас прекрасно получается отправлять ритуалы! Вы даже не представляете себе, какую революцию мы произвели на тонком плане! Вырываясь за удушающие стереотипы обыденной жизни, мы даруем себе свободу! А там, где свобода — там и сила, и здоровье, и удача! Вы убедитесь в этом в самое ближайшее время!

— А та сила, что мы растревожили, теперь успокоится? — спросила Ольга Александровна.

— Должна успокоиться! — ответил Зелигер. — Хотя считать, что мы вот так, на раз, сможем ей управлять, было бы гордыней. Ибо никто из живущих не постиг тайну мира сего!

Во всяком случае, она наверняка станет теперь более дружелюбной.

— Как бы в этом убедиться... — вступила в разговор Нина.

— А у тебя ещё одна свинья есть? — спросил подполковник.

— Да, есть хряк.

— Так вот ты его в тот же сарай помести и посмотри, если огонь небесный в рыло его не поразит, значит сила стала более дружелюбной! ХА-ХА-ХА!!! — сказал подполковник и расхохотался.

Непонятно, почему трагическая гибель свиньи его так веселила, но смеялся он столь заразительно, что все участники присоединились к нему. Лёгкость и веселье вдруг захватили их, и причиной тому были вовсе не свиные проблемы, а новое, необычайное состояние, распутившееся у каждого внутри. Груз повседневных забот, прессинг рутинных дел, какие-то обиды, огорчения, разочарование, наконец, просто усталость, которые подспудно довлели над ними, внезапно улетучились, даровав необычайную лёгкость и ощущение безграничной свободы. Каждый почувствовал себя подобно человеку, который долго сидел в скрюченной позе и наконец получил возможность распрямиться и потянуться. Ольга больше не спрашивала Зелигера, успокоится ли сила. Пришедшее к ней ощущение гармонии с миром подсказывало, что и с силой налажена гармония. Она чувствовала, что сила, ещё недавно казавшаяся ей чуждой, на самом деле вовсе

не противостоит ей, а является как бы продолжением её самой, доказывая единство мира и человека. Проблема была не в силе, а в уровне её собственного осознания. Теперь он изменился, и казалось, изменился и мир вокруг. И даже показалось странным: как это раньше она могла жить без энергетических практик?

**ПОЛУНОЧНЫЕ
БРАТА**

Это был уголок практически нетронутой природы, какие с годами встречаются всё реже. Единственная рукотворная вещь — пруд — нисколько не нарушала натуральности картины и даже, напротив, придавала ей законченность и полноту. У горизонта садилось солнце, и ярко-красный закат освещал замершие невдалеке деревья, спокойную воду пруда и заросли камышей вдоль берегов.

Был абсолютный штиль. Про такие вечера говорят: в воздухе звенела тишина. И действительно, в данном случае недостаточно было определить тишину просто как отсутствие звуков — в буквальном смысле ощущалось её физическое присутствие. Наверное, нечто аналогичное можно было почувствовать, если бы некий бесплотный дух вдруг материализовался и предстал во всей своей телесной полноте.

Казалось, власть тишины абсолютна и никто не в силах её нарушить — она сковала все предметы, растения, заперла ветер в невидимой клетке, и даже рыбы не смели выпрыгивать из воды, охотясь за мошками. Но вдруг тишину пререзал смачный хлопок — это сидящий на берегу со своим товарищем психоаналитик

из Москвы ловко открыл зажигалкой пивную бутылку, и пробка с шелестом отлетела в густую траву. Он передал открытую бутылку другу, и через секунду раздался второй смачный хлопок. Психоаналитика звали Анатолий.

— Ну-с, начнём, пожалуй! — торжественно сказал он, и они чокнулись зелёными бутылками. На их лицах было написано радостное предвкушение последующего перехода к более крепкому зелёному змию.

Аналитик сделал несколько глотков и поставил бутылку на землю, с удивлением глядя на своего товарища, который, запрокинув голову, продолжал хлебать до тех пор, пока содержимое полностью не иссякло. Затем он швырнул пустую бутылку далеко в сторону, удовлетворённо крякнул и вытер рот рукавом.

Товарищ психоаналитика психоаналитиком не был. Не был он и просто аналитиком, и это становилось совершенно очевидно после первого же взгляда. Старая, местами рваная, местами потёртая телогрейка, которую он носил почему-то и летом, угрожающего вида кирзовые сапоги, толстые тёмно-синие тренировочные штаны с отвисшим задом и пузырями на коленях, а также совсем уж неожиданная в августе покоцанная ушанка, местами с настолько засаленным мехом, что он не только блестел и лоснился, но и слипался в колтуны, не позволяли опознать в нём не только представителя гуманитарной интеллигенции, но и интеллигенции технической. Всё перечисленное вкупе с седой щетиной на испещрённом красными

прожилками лице, к которому более подходило слово «харя», выдавало в нём мужика, который в деревне родился, в деревне вырос, прожил всю жизнь и там же умрёт. Мужика звали Михаил.

Впрочем, даже если кто-то решил бы одеть Михаила в хороший костюм-тройку, отмыть, побрить, повязать модный галстук и категорически велеть не произносить ни слова, всё равно окружающих навряд ли бы удалось обмануть — в лице Михаила было что-то настолько простое, грубоватое и в то же время наивное, что любой сразу же узнал бы в нём переодетого крестьянина. Взгляд Михаила напоминал взгляд ребёнка. Казалось, он видел вокруг себя много необычного, но мало что из него понимал.

Можно было бы предположить, что Михаил поехал с психоаналитиком на рыбалку, чтобы получить сеанс психологической помощи, максимально приблизившись к природе. Но это было не так. К психоаналитику Михаил не обращался. Не потому, что у него не было денег для оплаты столь дорогостоящих услуг, и не потому, что он не осознавал в себе наличие проблем, решение которых требовало задействования такого рода специалистов. Михаил просто не знал, что такое психоаналитик, и уже поэтому не смог бы к нему обратиться.

Насколько странным бы это ни показалось, но Анатолий и Михаил принадлежали к одному роду. Столь различные направления жизни двух родственников были заложены более ста лет назад. Когда-то бабка Анатолия уехала в город, где вышла замуж за аспиранта, который

двадцать лет спустя стал профессором в университете. У них родились дети, также сделавшие академическую карьеру. Примерно то же произошло и с внуками: Анатолий стал психоаналитиком, защитил диссертацию, работал на кафедре и в коммерческой клинике, успел попрактиковаться в различных культурах, даже в Тибете, а параллельно имел весьма успешную частную практику. Его брат служил в МИДе дипломатом.

В свою очередь, у бабки была сестра, которая из деревни отказалась уезжать наотрез — в её понимании это противоречило русскому православному духу и традиционному укладу жизни. Она вышла замуж за колхозника, у них родились двое детей. Однако старшая дочка умерла во младенчестве от какой-то не понятой сельским фельдшером болезни, а младшего сына убили в драке, когда ему было двадцать лет: он пошёл в другой посёлок, где его по ошибке приняли за неместного. Муж умер сразу же после своего пятидесятилетия от цирроза печени. А вот сама бабка никак не умирала и в результате оказалась в трудной ситуации — сил нет, денег нет, помочь некому, здоровье никакое. В такой ситуации жить ей было трудно — даже принести ведро воды от колодца уже было не по силам. Деревенские помогать отказывались, ссылаясь на свои проблемы. Хотя и могли наносить воды за бутылку самогона, но где ж с таким здоровьем нагнать самогонки на все случаи жизни.

Единственное, что её выручало, это двоюродный племянник Михаил, который недорого

купил у неё половину дома и поселился там вместе с женой, освободив таким образом свой дом для выросших детей и внуков. Михаил в меру сил помогал бабушке по хозяйству. Но медицинской помощи он оказать, естественно, не мог. Тут-то они и вспомнили о городских родственниках и решили, отставив гордость в сторону, обратиться к ним. Родственники откликнулись и, благодаря своим многочисленным связям и прочному материальному положению, показали бабушку врачам, а после устроили в хороший дом престарелых, где она была обеспечена должной заботой и обслуживанием, подкрепляемым визитами родственников и соответствующими доплатами.

Поскольку компенсировать такую заботу бабушка ничем не могла, она решила подарить свою часть уже не нужного ей дома Анатолию и его брату, что и было оформлено. У обоих уже были дачи, но теперь появилась прекрасная возможность иногда отдохнуть и от дачи, и от семьи, порыбачить, пособирать грибы и попариться в бане. Михаил тоже был доволен, так как он очень не хотел, чтобы половина дома была бы продана чужим людям. Вот так столь разные родственники, которые при других условиях вряд ли смогли бы общаться друг с другом, оказались рядом. Надо отметить, что они довольно быстро нашли взаимопонимание.

Анатолий любил рыбалку, хотя рыбу ловить толком не умел. Его привлекала не возможность бесплатно покушать рыбки. Рыбалку он

рассматривал как способ вырваться из полутёмного кабинета, на время забыть о пациентах, вечно грузящих его своими проблемами, отдохнуть, посидеть у воды, погреться у костра и хорошенько выпить. В отличие от него Михаил умел ловить рыбу и практически всегда приносил жене хороший улов. Принести в семью рыбы была вполне серьёзная цель его рыбалки. Кроме того, здорово поддаться он любил не меньше, а может быть, и больше Анатолия.

В тот раз и был один из таких выездов на природу. Анатолий приехал на только что приобретённом «Ниссане-Икс-Трейл», который в городе почитали за джип. И хотя специалисты называют такие джипы «паркетниками», намекая на покрытие, по которому они способны успешно передвигаться, родственнички решились поехать на этой машине на самые дальние пруды, почему-то получившие в народе прозвище «Чёртовы». С чисто географической точки зрения Чёртовы пруды было не слишком далеко — всего каких-то тридцать километров. Но вследствие того, что на расстоянии в 20-25 километров вокруг них не было ни одной дороги с твёрдым покрытием, а местность была испещрена оврагами, в этом районе было всего несколько жилых домов и, соответственно, не было никаких недостатков, связанных с перенаселением и наплывом дачников.

В пути Михаил, последние тридцать лет работавший водителем молоковоза в совхозе, внимательно осмотрел машину и попробовал её на ходу. По сравнению с ГАЗ-53 «ниссан»

выглядел просто чудом техники, хотя казался Михаилу излишне роскошным.

Приехав, родственники-друзья удобно расположились у самого берега и, закинув садки, решили пока подкрепиться покупной закусью. Первое время погода была отличная. Но скоро начал собираться дождь.

Собирался он долго, а пошёл, как всегда, внезапно. Обрушивавшаяся с неба вода превращалась на земле в бурлящие грязные потоки, которые хотя и не грозили смыть всё на своём пути, но, пенясь и хлюпая, решительно пролагали себе дорогу в низину. Костёр залило, и уголья погасли. Анатолий и Михаил полагали, что такие дожди долгими не бывают, поэтому ждали, спрятавшись в машину и на всякий случай поднявшись от берега на пригорок. Но дождь прекращаться не собирался. Анатолий сидел за рулём и смотрел на уходящую вдаль грунтовую дорогу, колеи которой превратились в стремительно бегущие ручьи, и на поле, засеянное кормовыми травами, на которое косыми струями лил дождь, от чего трава клонилась к земле. Скоро поле начало казаться пятнистым, так как местами трава полегла полностью, а местами осталась стоять.

Капли грохотали по крыше и капоту, стекали по стёклам и навевали на Анатолия невесёлые мысли. «Дорогу всё больше размывает, — думал он. — Овраги сейчас затопить может... И даже если проехать, в принципе, удастся, продвигаться мы будем очень медленно. При средней скорости в 4 км/ч 22 километра до ближайшего

грейдеру мы одолеем за 5,5 часов. Хотя, с другой стороны, если дождь сейчас кончится, то к утру, глядишь, просохнет».

Они прождали сорок минут, но дождь не только не прекратился, но даже не ослабел. Подумав немного, друзья решили отменить мероприятие и двинуться в обратный путь, надеясь, что дорога не успела промокнуть очень глубоко, а на следующий день съездить на озеро поближе. Но двинуться оказалось непросто. Преодолев метров триста, сверкающий «ниссан» остановился, беспомощно меся колёсами грязную жижу. Пересевший за руль Михаил, используя особые приёмы, которыми он, как деревенский водитель, хорошо владел, смог продвинуть машину ещё метров на сто, но дальше дело не пошло. К тому же выяснилось, что большая часть этих приёмов не может быть использована с автоматической коробкой передач.

Не будем подробно вспоминать всех дальнейших перипетий и всех грозных слов, которые прозвучали над залитыми водой колеями, всех свирепых мыслей, умчавшихся в ментальное поле. Намучившись и перемазавшись с ног до головы, Анатолий пришёл в отчаяние. У него буквально опускались руки. Михаил же был от отчаяния далёк. «Ничего, — успокаивал он своего родственника. — Еды у нас много, бухла — и того больше. Какая разница, где бухать — на дороге или на берегу. Мотор работает, в машине тепло. К утру немного просохнет, мы её откопаем, пойдём ещё порыбачим, а к вечеру совсем

уж высохнет, тогда и поедем домой. А может — и ещё на одну ночь останемся. Тебе ведь в этот понедельник не на работу?»

На том и порешили. Когда друзья совсем уж собрались готовиться к трапезе и ночлегу, они внезапно услышали шум. Это по размытой колее пробиралась старая красная «нива» местного жителя — хорошего знакомого Михаила. Местный работал трактористом на гусеничном ДТ-75, который хранил возле дома. После недолгого разговора он уехал, вернулся на тракторе и отбуксировал «ниссан» к своей избушке.

Но дальше возникла новая проблема. Ночевать у местного было негде, так как к нему на выходные приехала дочь с двумя детьми. В сарае тоже приличного места не оказалось. Оставалось только вернуться к прежнему варианту — ночёвке в машине — но после внезапного поворота событий он уже перестал казаться привлекательным. И тут хозяин, ощущая благодарность за подаренный ему литр водки и сто рублей, предложил:

— У меня там ещё один дом есть, пустой. Недалеко, километров пять отсюда. Я вам ключи дам, за час дойдёте. К тому же дождь уже кончился!

— Ты бы нас на тракторе отвёз! — предложил Михаил.

— А на тракторе не смогу! Там в кабине только одно свободное место, вдвоём вы не поместитесь. Да и не быстрее это будет! Гусеницами грязь месить! Что тут идти-то! По прямой короче выйдет!

Друзья подумали и согласились. Действительно, пройти какие-то пять километров, зато ночевать в полноценном доме.

— Там всё у нас есть, — сказала хозяйка. — Разве что лишней посуды нету, не держим, чтобы не украли. Вот, возьмите эту кастрюлю, — она протянула Анатолию огромный ковш с длинной ручкой, — пригодится. Только назад не забудьте принести, как за машиной придёте.

И друзья, сложив самое необходимое, то есть бухло и закуску, в рюкзаки, двинулись в путь, который тогда казался им коротким.

— А откуда у тебя ещё один литр водки был? — спросил Михаил Анатолия. — Неужели ты думал, что мы столько выпить сможем?

— Да нет, просто когда я выезжаю в сельскую местность, я всегда кладу в багажник две бутылки самой дешёвой водки, чтобы, если что, рассчитаться с деревенскими, — ответил Анатолий.

— Да, это точно, мы любую водку выпьем! — сказал Михаил и почему-то радостно рассмеялся хриплым голосом.

Они шли напрямую через поле. Ведущим был Михаил. Так получилось, что хозяин долго и подробно объяснял им, как найти именно его дом в той деревне — дело в том, что домов там штук десять, но ни в одном никто не живёт. На этом фоне объяснения, как найти саму деревню, оказались весьма лаконичными. Впрочем, Михаил знал дорогу. Изначально он выбрал правильный и наиболее короткий путь, но придерживаться его оказалось непросто.

Многочисленные овраги после ливня оказались затопленными водой, которая ещё не успела стечь в низины. Отдельные овражки можно было перейти лишь в болотных сапогах, а иные — только переплыть. Были среди них и такие, что вполне могли засосать в трясину неосторожно ступившего в них человека. В результате маршрут у друзей оказался далеко не прямым, и через два с половиной часа ходьбы до цели им всё равно оставалось чуть меньше половины пути.

— Давай отдохнём, что ли! — предложил Анатолий. — Смотри, вон там на краю поля древние дубы! Под ними можно расположиться и перекусить.

— Правильно! — поддержал его Михаил. — Выпить и перекусить!

И они направились к деревьям.

Огромный, в несколько обхватов, ствол дуба был немного наклонным и рос из небольшого возвышения, поэтому земля под ним была не настолько мокрой, как в других местах. Там они и расположились, расстелив на земле плащи.

Ох, как хорошо, наконец опустить тело и расслабиться, после того как намучались, толкая машину из грязи, как больше двух часов шли в неудобных сапогах по мокрой траве! А если ещё при этом можно сразу же достать из рюкзака купленные заранее чебуреки, да бутылочку коньячка, да ещё несколько банок пива...

После двух первых пятидесяти грамм, одного чебурека и одной банки пива Анатолию

совершенно расхотелось куда-то идти. Наоборот, хотелось лечь прямо здесь и заснуть крепким сном. Но спать было не время, хотя отдохнуть часок-другой Михаил согласился. И друзья принялись есть чебуреки, пить коньяк и запивать его пивом.

Полевое застолье располагало к оживлённой беседе и скоро Анатолия перестало клонить в сон. Временный отдых затянулся. Когда бутылка коньяка была допита вкупе с шестью банками пива, Анатолий встал и, покачиваясь, потянулся, затем выбрался из-под дерева и прошёлся туда-сюда. Оказавшись на открытом пространстве, он смог осмотреться и испугался: мало того, что на улице довольно быстро темнело, так ещё и откуда ни возьмись начал подниматься туман. Понаблюдав за природой, Анатолий осознал, что туман сгущается гораздо быстрее, чем темнеет на улице. Он позвал Михаила и, когда тот вылез из-под дуба, спросил его, предварив свою речь замысловатой матерной комбинацией:

— Смотри! Ну что делать-то будем? До темноты успеть трудно, а если сейчас туманом всё заволочёт, то, глядишь, заблудимся, либо деревню не найдём, либо дом в ней!

— Ну, если уж мы найдём деревню, то и дом там найдём. Да и с деревней особых проблем быть не должно, я всё же тут вырос. Но вот свалиться в болото можно, — ответил Михаил, в глубине души также опасавшийся заблудиться.

— А если мы здесь прямо переночуем? Вон сена натаскаем из стога, наверняка оно в

середине сухое? Как думаешь, насколько здесь безопасно?

— Ну, переночевать-то можно. Ходят, конечно, тут и кабаны стаями, и волки. Рысей мало, перебили их в основном, хотя иногда попадаются, но они людей не трогают. А других хищников вроде и нет. Давай рискнём! Сложно только будет костёр развести, сухого хвороста не найдёшь, а одно сено жечь не будешь, да и стог это чужой.

В результате они решили рискнуть и переночевать под дубом, а чтобы не замёрзнуть без костра, продолжили бухать, тем более что бухла оставалось ещё много и выпить его хотелось.

Через какое-то время на землю спустился полумрак, насквозь пронизанный туманом. Теперь Анатолий, сидя под деревом, периодически бросал взгляды вдаль, и хотя там ничего не было видно, в нём пробудилось и начало расти подозрение. Дело в том, что ему начали чудиться странные вещи. Казалось, местами туман сгущался и в нём будто бы находились какие-то тёмные фигуры, издалика похожие на людей. Вкупе с поскрипыванием старых деревьев, слышавшимся в абсолютной тишине, картина выглядела весьма зловеще. Когда Анатолий пробовал вставать и подходить ближе, фигуры рассеивались, и он просто оказывался в плотном тумане. Михаил с непонимающим видом наблюдал за перемещениями своего родственника. Он не мог разглядеть в тумане ничего странного и подозревал, что его друг

просто перебрал и, прохаживаясь, пытается отогнать дурноту.

Анатолий же, действительно, выпил лишнего, но проблем со здоровьем не ощущал. Проблемы для него, скорее, были в таинственных фигурах, которые появлялись всё ближе и во всё больших количествах. Ему казалось, что они с товарищем попали на какой-то бал теней, где тени двигаются в каком-то своём странном танце, не обращая пока внимания на незваных гостей. Вдруг одна из теней отделилась от хора и стала довольно быстро приближаться к ним. В отличие от остальных, которые были тощими, эта тень имела несколько другую форму — пониже и потолще. Она двигалась странными, танцующими кругами. Когда тень приблизилась ещё, Анатолий разглядел тёмную фигуру с коротким туловищем, которое венчала немалых размеров голова, как бы без лица. Тут тень оставила свои танцующие движения и напрямую направилась к Анатолию. Он очень испугался, вскочил на ноги, и, схватив огромный ковш, что вручила им хозяйка, со всей силы двинул по прищельцу. В глубине души он ожидал, что ковш провалится в туманное облако, однако тот, попав тени в голову, явно врезался во что-то тяжёлое и прочное, едва не вырвавшись из рук.

«БО-О-М-М-М!!!» — тишина взорвалась от мощного звука, словно ударили в колокол, а тень моментально растворилась. Растерянный Анатолий стоял неподвижно, а ковш в его руке продолжал гудеть, медленно затихая.

Изумлённый Михаил, который в этот раз вполне разглядел тень, беспомощно открыл рот, пытаясь вымолвить матерное слово, но оно будто застряло в горле и никак не выходило на свет божий.

И тут оба они увидели, что в середине поля туман как будто стал подсвечиваться изнутри. На открытом пространстве он и раньше был немного светлее, но теперь, казалось, внутри него постепенно разгорается холодный, сероголубой неоновый свет. Его интенсивность быстро увеличивалась и скоро стала ослепительно яркой. Образно выражаясь, в поле перед ними стала как будто стена света. Когда их глаза адаптировались после темноты, они увидели, что перед ними и впрямь была стена. Из чего она была сделана — неизвестно, но этот материал сверкал и светился сам по себе. Стена была высокая — в высоту метров восемь. Присмотревшись, друзья увидели, что её поверхность неоднородна — примерно в середине из стены выступали два мощнейших квадратных столба, не менее метра в поперечнике. Та часть, что была между ними, напоминала закрытые створки.

Остатки тумана теперь будто отталкивались от стены, освобождая близлежащее пространство, в результате скоро друзья смогли увидеть её достаточно чётко. Зато ничего остального уже не было видно, потому что отторгнутый стеной туман собрался на периферии, плотно отгородив их от остального мира. По завершении материализации стены земля будто вздрогнула

и створки начали медленно и бесшумно растворяться.

— Врата!!! — изумлённо прошептал Анатолий.

— Ворота! — вторил ему Михаил.

Когда ворота открылись, из-за них хлынул совсем уж ослепительный свет и друзьям пришлось зажмурить глаза. Тем не менее Анатолий успел обратить внимание, что этот свет имел холодный оттенок — был белым, но слегка отдавал в голубизну. Но больше его удивило не это. Логично было бы ожидать, что при такой интенсивности свечения они скоро начнут поджариваться, однако жарко не было. Холодно тоже не было, скорее, свет мягко ласкал их, нежно и в то же время быстро просушивая пропитавшуюся влагой одежду.

Прищуриваясь, Анатолий начал пробовать открыть глаза — ему очень хотелось рассмотреть происходящее. Постепенно это удалось, и он увидел, что за открывшимися воротами простирается бесконечное белое пространство, а прямо в центре, недалеко от врат, располагается белая же лестница, похожая на мраморную. На вершине этой лестницы в десяток-полтора ступеней была площадка, а на ней возвышался большой трон из неизвестного белого материала, искусно украшенный хитрой резьбой. Возле трона стояла молодая высокая женщина в сияющих одеяниях, простирившихся до самого пола. Аккуратно расчёсанные каштановые волосы женщины волнами спадали на плечи, а лоб

и голову обхватывало белое кольцо, по всей видимости, украшенное драгоценными камнями. Женщина взглянула на Анатолия и сделала пару шагов вперёд, спустившись на две ступеньки.

Первым позывом Анатолия было отпрянуть и скорее бежать назад — туда, где за туманом должны были быть кусты, дуб, остатки выпивки и закуски. Но он поборол это желание и, подумав, что с его стороны требуется какой-то ответный жест, сделал один шаг вперёд. Михаил при этом остался стоять на месте. Он только сейчас попытался открыть глаза.

Анатолий был ошеломлён и не знал, что делать. Женщина же не давала ему никаких намёков на возможные варианты. Она просто стояла и внимательно рассматривала Анатолия и его спутника. Лицо её по-прежнему оставалось совершенно спокойно, но казалось, что глаза смеются, созерцая их внешний вид.

Анатолий обвёл себя взглядом. Вид у него, действительно, был не парадный. Помятый, весь в грязи, местами уже высохшей и превратившейся в ошмётки, он отличался от Михаила лишь тем, что его одежда была относительно новая.

Тем временем пауза затянулась. Надо было что-то делать, и Анатолий решил первым пойти на контакт. Ему пришло в голову, что обратиться к женщине нужно максимально торжественно.

— Скажи мне, кто Ты? — изрёк он с пафосом, но к ужасу своему в конце фразы не смог

сдержатъ предательскую пивную отрыжку, причём рыгнул так громко, что откуда-то ему откликнулось эхо.

— Я — Лунная Богиня! — спокойно ответила женщина приятным голосом.

Анатолий хотел задать следующий вопрос, но его неожиданно опередил очухавшийся Михаил.

— Лунная? Богиня? — изумлённо спросил он. — Такого не бывает! Бог — он обязательно мужиком должен быть и обязательно с бородой. Вот у нас, у православных — Бог с бородой, он в церкви на каждой стене висит! И у мусульманов Аллах ихний тоже с бородой. А вот Папа Римский — без бороды, я по телеку видел. Неистинная, значит, у них и вера!

Анатолий повернулся и изумлённо посмотрел на Михаила. Он никак не ожидал от того таких умозаключений. Но Лунную Богиню они не рассердили.

«Бог один, провайдеры разные!» — подумал Анатолий про себя.

— Это верно, — спокойно сказала Богиня, глядя на Анатолия.

Она прочитала его мысли, но не стала их повторять, так как третий собеседник всё равно не знал слова «провайдер».

— Бог один, — продолжила она. — Но путей к нему много. Каждый человек идёт своей дорогой, она зависит от его предпочтений и индивидуальных качеств души. Но это не означает, что все пути равноценны. Среди них есть и такие, что очень длинны и тернисты!

Анатолий опять хотел что-то сказать, но его вновь опередил Михаил, проявлявший неожиданную смелость, которая, вероятно, была либо следствием испуга, либо выпитого спиртного.

— Как это много путей? Дорога к Богу одна — идёшь прямо в село Габудищево, там у колбасного магазина развилка, поворачиваешь налево и аккурат попадаешь в православный храм! А там уж всё как положено: вошёл — шапку сыми, перекрестись, говори шёпотом, свечку поставь, денег положи... А ежели креста нет — то разве это Бог?

— Так в Бога ли ты веришь или в идолов? — спросила в ответ Лунная Богиня. — Кому поклоняешься ты — кресту, иконе деревянной или Господу? И если ты поклоняешься Господу, то зачем тебе раскрашенная деревяшка? Или блестящая железка? А если они нужны не тебе, а твоему Богу, то что это за Бог? Не мелковат ли он, если его беспокоят такие пустяки? Думаешь, Богу важно, как ты перекрестился, где стоял, снял ли шапку? И истинно ли верующий тот, кто подменяет общение с Богом общением с подобной мишурой?

На эти вопросы у Михаила не было ответов, и он наконец заткнулся, дав возможность сказать Анатолию.

— Так всё же — кто Ты? И почему беседуешь с нами? — спросил он.

— Я — одно из проявлений Великого, Вездесущего, Совершенного Единого Бога, один из Путей к Нему. Если ты пойдёшь за мной, то, поверь, тебя ожидает не самая длинная и не

самая трудная дорога. Как и другим Проявлениям, мне поклоняются люди на земле, но их намного меньше, чем христиан или мусульман, да и живут они в других краях. Впрочем, я не призываю тебя идти за мной. Выбор всегда остаётся за тобой.

— А почему ты пришла ко мне? Или, точнее, к нам? — сказал Анатолий, махнув рукой на своего товарища.

— Видишь ли, это самый сложный вопрос. В жизни есть немало того, что ты в состоянии заметить, но не в состоянии понять. Ведь твоё земное сознание ограничено, оно сложилось в определённых условиях и в определённую эпоху. Сознание оперирует характерными для этой эпохи ценностями, представлениями и даже более того: твоя рациональность и системное мышление тоже не являются универсальными — они всего лишь плод сегодняшнего времени и меняются от эпохи к эпохе. Поэтому не спрашивай об этом, у меня нет такого ответа, который ты мог бы сейчас воспринять. Просто ты видишь чудо. И в этом твой шанс. Цени чудеса, ибо они направляются перстом Божиим и являют свет на твоём пути, но не возгордись, получая их! А что касается ближнего твоего — сам он не заслужил встречи со мной, но так как общается с тобой, то перепадает и ему. Ведь на наших ближних отражается и наша тьма, и наш свет.

— Ну, хорошо, — ответил Анатолий, который уже начал успокаиваться и к нему стала возвращаться способность чётко мыслить и

рассуждать. — Допустим, Ты — это проявление Бога, который по благоволию Своему или по каким другим причинам решил дать знак. Но почему именно в такой форме, в смысле, в виде Тебя?

— Это объяснить просто. Помнишь, не так давно, в этом году, ты был на очередном Всемирном психотерапевтическом конгрессе в США?

— Да, помню.

— Ты остановился в большом отеле недалеко от центра, а этажом выше жили немецкие участники Конгресса?

— Ну, да.

— И вот однажды, когда ты возвращался из пивной, на лестнице упал пьяный профессор из Германии?

— Что-то такое припоминают.

— Профессор уронил книгу, ты поднял и подал ему. Эта книга была про Лунную Богиню, то есть про меня. Вот адресок и прописался в подсознании.

— А, теперь понятно...

— Понятно, конечно, — улыбнулась Лунная Богиня. — Хотя, как психолог, ты должен был бы задать вопрос, почему именно ты оказался рядом, когда немецкий профессор уронил именно эту книгу? Не думаешь ли ты, что это случайность?

— Нет, я чувствую, что это неспроста. Видимо, есть во мне тайная связь с Тобой.

Лунная Богиня ничего не ответила, но улыбнулась.

— Хорошо, а почему мы именно сейчас смогли тебя увидеть? — задал новый вопрос Анатолий.

— Это как раз несложно, — отозвалась Богиня. — Во-первых, место подходящее: никто не мешает, не отвлекает, нет ненужных раздражителей, таинственная атмосфера. Попробовал бы ты настроиться на общение с Божеством, когда едешь с работы по Садовому кольцу! Во-вторых, вы с Михаилом, говоря вашим языком, нажрались, блядь, как свиньи, контроль вашего обыденного разума ослабел, и восприятие стало подвижнее.

Анатолий, услышав последнюю фразу из уст Богини, оторопел, зато Михаил встрепенулся в ответ на знакомое слово и влез в разговор.

— А как ты можешь доказать, что ты — Богиня, а не привидение? — задал он бестактный вопрос.

— Доказать ничего нельзя. В обыденном разуме нет места для чудес. Истину ты можешь почувствовать «сердцем». Обратись к своей душе, спроси её, и ты получишь верный ответ. Ну, что ты чувствуешь?

Михаил задумался и сказал:

— В брюхе бурлит...

— Ну ладно, — улыбнулась Лунная Богиня. — У нас мало времени. В ближайшее время к тебе в руки совершенно случайно снова попадёт книжка обо мне, — обратилась она к Анатолию. — В этот раз ты возьми и обязательно её прочитай. Если проникнешься и признаешь меня — сможешь при случае

обращаться ко Мне с просьбами. Если же обратишь ко мне других людей — то за каждого будет тебе награда. А если отступишься от меня — то не будет тебе за это наказания, ибо твоя воля жить, как ты хочешь, и выбирать путь свой. А сейчас я хочу преподнести вам свой дар. — Голос Лунной Богини стал более строгим: — Сейчас вы оба можете пройти сквозь врата, задумав при этом какие-нибудь желания. Они исполнятся.

— А сколько желаний можно загадать, три? — оживился Михаил.

— Почему три? С истинным Божеством не торгуются. Поэтому загадывай, сколько хочешь.

— И все сбудутся? — недоверчиво переспросил Михаил.

— Все. С абсолютной точностью. Стоит тебе пройти через врата, как задуманное тобой бесповоротно свершится. И поэтому будь предельно аккуратен: если неправильно загадаешь, то желание неправильно сбудется. Бывало даже, что неправильно загадавшего разрывало буквально в ошмётки! — сказал Лунная Богиня и слегка рассмеялась.

Было неясно, что её развеселило — то ли воспоминания о том, как круто когда-то разнесло незадачливых претендентов, то ли мысль о том, что Михаил очень хорошо подходит для производства ошмёток — из него они вышли бы очень натуральными. Услышав это предостережение, Михаил ступшевался, и в разговор вступил Анатолий.

— Такая постановка вопроса не может не настораживать... — мягко сказал он и снова громко рыгнул. — Как бы дело выглядит весьма рискованным, чем смущает нас.

— А ты не смущайся, — приободрила его Лунная Богиня. — Есть несколько простых правил. Главное — загадывай только то, что ты сейчас можешь почувствовать, и явно представить себе, что желаемое уже исполнилось. Не загадывай желание, если у тебя есть только мысленное представление, а почувствовать его реализацию ты не можешь. И не загадывай слишком глобального, так как ты не можешь знать всех последствий. А то, говорят, мужик один загадал, мол, «хочу быть молодым, богатым и ничего не делать» и сидит теперь в одиночной камере, так как в Ходорковского превратился! Впрочем, у тебя есть ещё несколько секунд, чтобы подумать!

— Я готов! — ответил Анатолий и сделал шаг вперёд.

— И я! — встал рядом Михаил.

— Слишком много не загадывай! — посоветовала Богиня Михаилу и продолжила: — Ну что ж, если готовы — так входите.

Одновременно с её словами негромко зазвучала торжественная органная музыка, и друзья двинулись по направлению к вратам.

Анатолий не мог внимательно следить за тем, что происходит вокруг. Он всецело старался сконцентрироваться на своих желаниях. Как назло, когда надо было срочно вспомнить несколько основных, они стали путаться в его

голове. Казалось, всё закрутилось одновременно. Место доцента на кафедре, публикация его новой книги, всеобщее признание, руководящая должность в частной клинике, здоровье родных и близких... В конце концов, он выбрал те желания, на которых мог ясно сосредоточиться в тот момент, и отбросил остальные.

Как он миновал врата, он не помнил, потому что пришёл в себя, лишь когда споткнулся о первую ступень лестницы, ведущую к трону Богини. Тогда Анатолий испуганно посмотрел вверх на неё, затем обернулся на Михаила, который остановился поодаль. В этот момент он заметил, что врата за ними медленно закрывались. Заметил и Михаил. Они оба, как заворожённые, наблюдали за плавным движением створок, пока те не закрылись полностью.

— Что пугаетесь? — рассмеялась Лунная Богиня. — Думаете, что в западню попали? — она опять засмеялась. — Всё в порядке! Ваши желания уже исполнились, хотя сейчас вам в это и не верится. Однако, чтобы у вас не поехала крыша, в вашем мире крупные желания материализуются не сию секунду, а через некоторое время — не раньше, чем через неделю. Мелкие сбудутся сразу.

Воцарилась пауза. Анатолий опять стоял и не знал, что делать. Надо было как-то поблагодарить Богиню, но обычные слова благодарности казались слишком банальными. Он мысленно попросил её позволить ему поцеловать подол её одеяний и, ощутив согласие, сделал пару шагов вверх по лестнице и приложился

к подолу. «Удивительная ткань, — успел подумать он. — Почти невесомая, мягкая, и запах весенний!» Склонив голову, он отступил и встал у подножия лестницы.

Неожиданно Лунная Богиня сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась, немного не доходя до конца.

— Принимаешь ли ты меня, Анатолий? — решительно сказала она, впервые назвав его по имени.

— Принимаю! — сходу ответил он. Да и как можно было не принимать, когда вот она — стояла прямо перед тобой, а возражать-то страшновато.

— Тогда возьми ещё вот это, — она протянула ему какой-то маленький предмет.

Взяв его, Анатолий увидел, что это серебряный перстень с небольшим светло-голубым камнем. Он вопросительно посмотрел на неё.

— Это мой небольшой презент на случай, если ты, обдумав всё ещё раз в своём мире, действительно, решишь принять меня. Тогда он превратится в чудодейственный талисман, который принесёт тебе удачу, охранит, согреет и накормит тебя. Если же решишь отступить от меня, он утратит свою силу. Тогда продай и пропей его, ибо всё равно в скором времени потеряешь.

«А если я напьюсь и потеряю его, не отступаясь?» — испугался Анатолий. Лунная Богиня, прочитав его мысли, ответила:

— Не отступившись, ты не сможешь его потерять. Даже если это случится, он вернётся

к тебе в той или иной форме. Ибо сам по себе перстень — всего лишь кусок серебра с камушком. Важно другое. Он представляет собой знак, указующий на связь со мной — Явленным Воплощением Единого Совершенного Бога, для которого нет невозможного и нет ограничений. Так что идите и подумайте! — сказала она, обращаясь уже и к Михаилу. — На сегодня достаточно. Сейчас возвращайтесь под своё дерево и ложитесь спать, и никто — ни зверь, ни человек — вас не тронет.

Вэтот момент ослепительно белое пространство под ними стало сворачиваться, подобно ковру, вовлекая и стены, и врата. Анатолий и Михаил ещё раз взглянули на Лунную Богиню, она улыбнулась в ответ и внезапно вместе со своим троном оказалась метрах в пяти над землёй. Белые рулоны исчезли под троном и лестницей, после чего они вместе с Богиней как будто превратились в белый светящийся шар, который стремительно взмыл в небо и, прочертив сквозь небосвод стремительную черту, как будто бы рухнул за горизонт.

— Как внутри земли ушла, — сказал Михаил, почёсывая подбородок.

— Да нет, это она за горизонт закатилась, — возразил Анатолий. — Ну что, велено было спать, так пошли, что ли...

Что удивительно, свет над полем ещё оставался, хотя и слабел с каждой секундой. Неофиты добрались до своего дуба и, почувствовав смертельную усталость, рухнули на свои плащи и моментально провалились в глубокий сон.

Они проспали до десяти часов утра. Что удивительно, оба проснулись абсолютно бодрыми и здоровыми. Этот факт удивил друзей, поскольку по предыдущему опыту можно было бы ожидать дурного самочувствия. Анатолий недоверчиво встал. Ему казалось, что он не до конца ещё проснулся и сейчас ощущение лёгкости пройдёт и голову стиснет тупая боль, а тело охватит слабость. Но ничего этого не происходило. Он походил туда-сюда, потянулся и так и эдак — всё было в порядке. Разминаясь, случайным движением руки он провёл по карману и понял, что там что-то лежит. Он сунул руку в карман и вытащил оттуда серебряный перстень с маленьким синим камушком. Перстень был очень качественным и, вероятно, весьма дорогим.

Внутри у Анатолия похолодело. Он был уверен, что этой ночью видел необычно яркий сон, который помнил достаточно хорошо, как тут вдруг предметы из сна появляются в реальности! Отвернувшись от Михаила, Анатолий рассмотрел перстень и ещё раз вспомнил «сон». Теперь он склонялся к мысли, что возможно, это случилось и наяву, по меньшей мере в пограничном состоянии сознания. Во всяком случае, вполне осязаемый перстень служил весомым тому доказательством.

Михаил тоже ничего не говорил о произошедшем вчера. Сложилась занятная ситуация — им обоим было интересно мнение другого, но они оба делали вид, что ничего не произошло, так как боялись выставить себя в

глупом положении. Разговаривая о житейском, они к середине дня вернулись домой, так и не затронув основной темы.

Лишь только они вышли из машины, к ним подбежала жена Михаила — толстая баба Маша.

— Ты знаешь, Мишка, ваша автоколонна заняла первое место по итогам перевозок в прошлом году, итоги только сейчас подвели! В результате совхоз назначил награды. Нам досталось два телёнка — бычок и тёлочка. Они даже сами их привезли, я за тебя расписалась! Так что теперь у нас, почитай, три коровы! А грамоты будут на следующей неделе вручать, в клубе!

Михаил и Анатолий замерли в удивлении. Баба Маша не догадывалась, что удивляются они совсем не щедрости совхоза, а чему-то другому. «Похоже, сон начинает подтверждаться!» — подумал про себя Михаил. «Этот дурак, естественно, попросил корову, даже сразу двух!» — подумал Анатолий.

Когда вечером того же дня Анатолию позвонили из издательства и сообщили о своём согласии опубликовать его книгу, он понял, что сон сбывается и для него. Поэтому когда в понедельник у него опять зазвонил телефон и ему предложили новую должность, он уже не так удивился, но обрадовался.

Нервно походив из угла в угол по избе, он лёг на свою кровать и стал рассматривать, как в углу потолка паук ткёт большую, удивительно красивую паутину. «Так всё же это был не сон!

Или даже если сон, то реальный!» — думал он. «Ну, уж нет, никуда я не отступлюсь, раз это так вознаграждается! Напротив, найду и изучу книжку, разберусь, кто она такая, эта Лунная Богиня, обращусь к ней и буду обращать людей! В том числе пользуясь своим служебным положением! Работая психоаналитиком, мне будет легче это делать! К чёрту православие, они только на народные деньги жировать умеют!» — решил он. В этот момент у него зазвонил телефон. «Что там ещё?» — подумал он.

— Анатолий Константинович? — спросил вежливый женский голос.

— Да, это я, — ответил Анатолий.

— Вас беспокоят из игры «Телелото». Помните, в прошлом месяце вы направляли нам свою комбинацию цифр?

— Да что-то не припомню, честно говоря!

— Ну как же, Анатолий Константинович! Ведь ваша комбинация оказалась выигрышной! По итогам розыгрыша вам полагается пятьдесят тысяч долларов! И я звоню, чтобы сообщить вам об этом! Мы ждём вас в студии!

**НЕГР МАМБУДА
И МАГИЯ ВУДУ**

Скрипнув тормозами, рядом с ссутулившимся седым человеком резко остановилась ярко-синяя блестящая «Шевроле-Нива» с наглухо затонированными стёклами. Через мгновение её догнал поднятый ею же шлейф пыли от сельской дороги, укрыв и человека, и машину. Подождав пару секунд, чтобы пыль хоть немного развеялась, человек открыл дверь и замер в изумлении: за рулём вальяжно восседал огромный негр, в чёрной футболке с нарисованным на ней ярко-оранжевым дьяволом. Вероятно, чтобы никто не усомнился, внизу картинки была подпись: «The Devil».

Изумление человека можно понять: даже в столице-то негры попадались нечасто, а уж чернокожего на пустынной дороге Тульской области он не встречал ни разу в жизни. Негр, привыкший к такой реакции, широко улыбнулся в ответ, сверкнув белыми зубами.

— А вы меня до санатория не подвезёте? — наконец выдавил человек.

— Да санатории? Это та, что на реке? — спросил негр с африканским акцентом.

Человек кивнул.

— Ващце-то, непо пути мне, — ответил негр, но, увидев в руках человека помятую купюру приемлемого достоинства, согласился: — Ладно, отэц, садьись, но побыстрее — мне надо ехать директора из ресторана забирать.

Человек сел в машину, и «Шевроле-Нива» помчалась по грунтовке. Рядом, на небольшой насыпи, была асфальтовая дорога, но настолько разбитая, что в сухую погоду все водители ездили рядом с ней по полю, так как накатанная грунтовка позволяла держать довольно большую скорость, а по так называемому асфальту нужно было ехать на первой-второй передаче, беспрестанно уворачиваясь от огромных ям.

Кем же был этот случайный пассажир в этой странной машине? Звали его Алексей Ильич Осипов. Он работал главным редактором журнала «Оккультизм и магия» и направлялся отдохнуть и поправить здоровье в санаторий на Оке, куда приезжал каждое лето. В этот раз ему пришлось задержаться на работе, разгребая предотпускные дела, в результате он приехал на день позже, чем указывалось в путёвке. Соответственно, на санаторный автобус, встречающий заезд отдыхающих на вокзале, он не успел, и пришлось добираться самостоятельно. Сделать же это было непросто, поскольку автобус ходил в посёлок лишь трижды в сутки: рано утром, в обед и в семь вечера. Причём дневной автобус не пришёл, вот и пришлось Алексею Ильичу идти пешком. После первых шести километров он выдохся и теперь с наслаждением расслаблялся на сидении, хотя и был

немного испуган высокой скоростью передвижения автомобиля.

А откуда мог появиться негр в Тульской области? Действительно, сами по себе негры не появляются. Он был приезжим. Звали негра Адетокумбо, а история его была такова.

Адетокумбо родился в Намибии, в большой семье — кроме него было ещё одиннадцать детей. В отличие от многих других африканских семей, все дети выжили, так как отец Адетокумбы холопствовал где-то в облуге правительственных структур и через это имел и жратву, и жильё, и машину. Более того, нескольких сыновей он сумел даже пристроить в институты. В их числе был и Адетокумба, но в отличие от старшего брата, окончившего университет в Претории, нашему герою не повезло. Он был направлен учиться в Москву в рамках образовательной программы Правительства Намибии. Однако в конце второго курса финансирование иссякло, и Адетокумбо был отчислен, а вскоре и вовсе оказался на улице, так как за неуплату его выселили из общаги. Возвращаться домой он не хотел, поэтому какое-то время бомжевал по паркам, мечтая как-нибудь перебраться в Западную Европу. Но зимой стало совсем холодно, и он, узнав от случайных знакомых, что в Тульской области много заброшенных деревень, а в совхозах не хватает рабочих рук, двинул туда.

И правда, ему удалось пристроиться в совхоз, где он за смешную сумму купил старый дом, оформил временную прописку и начал

работать на ферме. Впрочем, скоро от ухода за коровами он был избавлен, так как руководство выяснило, что он неплохо умеет водить машину, и директор взял его напарником к своему водителю. Устроиться водителем в совхозе было непросто — количество машин было заметно меньше числа потенциальных кандидатов, но Адетокумбо повезло: имея водителем негра, тщеславный директор совхоза прославился на весь район. В результате о нём говорили больше, чем даже если бы он купил какой-нибудь крутой джип.

Работать водителем Адетокумбо нравилось — он любил кататься. Правда, директор не разрешал «бомбить» на служебной машине, поэтому попутчиков он брал редко и только опрятно одетых, чтобы не пачкали чистый салон. Распроцавившись с Алексеем Ильичом, Адетокумбо развернулся и помчался в райцентр, в ресторан за директором. И в тот момент никто не мог догадаться, что именно эта встреча и положит начало данной истории.

Среди местных жителей Адетокумбо был известен под кличкой Мамбуда. Его так прозвали, потому что деревенским было трудно произнести и даже запомнить его красивое африканское имя, а Мамбудами звали всех негров в песнях группы «Красная плесень». При этом многие были абсолютно уверены, что это и есть его настоящее имя. Действительно, как же ещё могут звать негра, если не Мамбуда?

Социализация Адетокумбо в новом для него обществе проходила довольно успешно,

потому что он много курил и любил выпить. Он быстро нашёл себе дружков, с которыми бухал вечерами. Летом они любили выезжать на природу, куда-нибудь к воде, зимой собирались у Адетокумбо дома или ходили в баню. От возлияния к возлиянию дружеские связи с местными укреплялись, и он быстро стал своим.

В баню можно было ходить в райцентре, можно было в центральной усадьбе совхоза, но дешевле было ходить в собственную баню. По примеру местных и с их помощью Адетокумбо построил себе баньку — добротную, но небольшую, чтобы вышло подешевле. Поскольку он не был обременён ни женой, ни детьми, он мог часто приглашать к себе друзей.

Бывало, накатят, закусят, попарятся, потом плюхнутся в крошечный прудик, что был совсем рядом, и снова сидят, бухают. В предбаннике накурено так, что не видно другой конец стола. Глаза выедаёт, а им хорошо. На столе — водка, пиво, объедки копчёной рыбы, огурцы, помидорчики, а если повезёт, то и мясо.

Адетокумбо сидит в семейных трусах, ослабленно улыбаясь, а сидящий рядом тощий Серёга хлопает его по плечу, немного покачиваясь от выпитого, и говорит, дыша крепким перегаром:

— Вот за что я тебя люблю, Мамбуда, так за то, что ты простой, нормальный парень. Понимаешь, душа у тебя есть! Ты с виду чёрный, а в душе — русский! Нет у тебя этих западных штук — всё рассчитать, распланировать,

продумать, как жидовская морда! У тебя всё просто, как у нас: сказал — сделал, если нельзя, но очень хочется, значит — можно! Захотел выпить — и выпил! От души, без всякого там расчёта! На широкую ногу! Пусть завтра жрать нечего будет, но зато сегодня погулял! Всё честно! Скажи, ну какой жид может себе это позволить! Они ведь всё считают, всё время деньги экономят! Да, деньги у них есть, но души-то нет! А у нас с тобой — есть. И души наши — родственные!

Адетокумбо слушал и улыбался своей бело-снежной, обаятельной улыбкой. Ему, действительно, была близка такая философия. Он не любил думать о будущем, считал, что жить нужно сегодняшним днём, полагаясь на судьбу. Ведь что будет завтра всё равно никому не известно — так и нечего тогда думать. А радоваться нужно сегодня.

Тем более что особых проблем у него не было — как ни странно, в консервативной деревне его приняли гораздо лучше, чем в Москве. Расистские эпизоды были редки. Да и то чаще всего не с местными. Так однажды, когда они, спрятавшись от дождя, бухали в сарае машинного двора, к Адетокумбо пристал гастарбайтер Микола с Украины.

Микола всегда становился агрессивным, когда выпьет, и тот раз не был исключением. Раз за разом он доматывался к чернокожему собутыльнику, что тот зря приехал в Россию — типа, тут и для местных работы нету, и что такие, как он, уже достали.

Адетокумбо долго молчал, стараясь не провоцировать конфликт, хотя ему и мог бы возразить, что и сам Микола приехал с Украины, и, значит, принципиально ничем от него не отличается. Но Микола расхотелся и без возражений. Его критика становилась всё более раздражённой.

— Аунас на Украине негров вообще за людей не считают! — с вызовом сказал он и открыл рот для следующего обвинения, но выдать его не успел — сарай содрогнулся от звука мощнейшей плюхи, и Микола полетел с бочки. Падая, он неудачно ударился виском о срез бревна, валявшегося на полу, и в результате остался лежать без сознания.

— Мамбуда, ты ж гарного хлопца замочил! — с притворным возмущением сказал Юра, выпустившая изо рта густое облако дыма.

— Да всё с ним в порядке, — примирительным тоном сказал Адетокумбо, подойдя к Миколу и для проверки несколько раз несильно пнув его в живот. — Очухается! Тогда ещё врежу!

— Правильно! Так с ними надо! — поддержал Адетокумбо пожилой Петрович. — С хохлами иначе нельзя, а то мигом на шею сядут!

Но такие эпизоды случались нечасто. В остальном же было всё в порядке. Однако с некоторых пор в их весёлой компании начал появляться диакон Троекопытов. Притусовался раз, притусовался два, а после и вовсе зачастил. Диакону было лет сорок пять. Он был худ и сед, с тощей длинной бородёнкой. Но собеседником

был хорошим, выпить любил здорово, поэтому в их тусовке лишним не казался. Приходит, бухло с собой приносит, веселится от души. Единственный момент — деревенские мужики напрочь отказывались верить в искренность диакона, поэтому их напрягал вопрос, что ему нужно. Ясно же, что не просто так появляется. Возникло беспокойство — сбрехнёшь по пьяни что-нибудь лишнее, а он возьмёт и настучит куда... Но скоро замысел диакона был разгадан. Точнее, сам замысел был не его, а настоятеля местной церкви — отца Николая, а диакон был только исполнителем. Дело обстояло так.

Отца Николая Господь призвал к себе на службу особым образом — по так называемой «комсомольской путёвке». Как говорил известный православный миссионер диакон Кураев, таких «комсомольцев» было больше тридцати процентов. В духовные семинарии их направляла советская власть для контроля над церковью и слежения за верующими. Потом многие из них покинули церковь, но многие и остались. Остался и отец Николай, хотя карьеру церковного иерарха ему сделать не удалось. Он не раскатывал по Москве, спрятавшись за тёмными стёклами блестящего БМВ, не носил часов за тридцать тысяч евро, а был лишь рядовым настоятелем рядовой церкви в захудалом провинциальном районе. Покровители из особых государственных инстанций успокаивали его, говоря, что он очень нужен в провинции: если все будут сидеть в Москве, то кто же тогда станет следить за жизнью простого народа,

выведывать на исповеди их помыслы и грехи и сообщать в компетентные органы? Отцу Николаю приходилось соглашаться, к тому же звёздочки на погоны в, так сказать, его «параллельной жизни» ему исправно добавляли.

С учётом специфики его работы совсем не удивительно, что он заинтересовался внезапно появившимся в их районе чернокожим гражданином Намибии. Хорошо было бы его как-то прицепить к приходу. Это, с одной стороны, позволило бы держать его на контроле и выведывать информацию, а с другой — создало бы приходу рекламу: всё же не в каждой провинциальной церкви есть негры-прихожане. Эту задачу и решал диакон Троекопытов.

Троекопытов двигался не спеша, понимая, что форсируя события легко испортить дело. Сначала он сблизился с Адетокумбо и стал для него неплохим собутыльником. Затем разузнал о его взаимоотношениях с религией. Троекопытов больше всего боялся, что Адетокумбо уже успели покрестить в одну из ветвей христианства, присущих колонизаторской Африке — католичество или протестантизм, обе из которых диакон считал ложными, хотя и не мог толково объяснить почему. Оттуда перетащить его в православие было бы существенно сложнее, чем из какой-нибудь местечковой веры. Но, к счастью, Адетокумбо оказался некрещёным.

В процессе общения Троекопытов поставил себя как человека полезного, имеющего разнообразные связи, могущего ввести Адетокумбо в тот или иной круг, а кроме того, доучивал

его русскому языку. Наш негр и так неплохо говорил по-русски, правда, с заметным акцентом. Усилиями же диакона он вполне осваивал специфические особенности русской речи. Ну кто ещё мог бы разъяснить ему такие нюансы, что про вышитый стакан говорят «Накатил!», а не «Накатал!»? Это дополняло его занятия с местной учительницей-пенсионеркой, которой он в качестве оплаты за науку помогал с тяжёлыми работами по хозяйству. Интересно, что ей также приходилось не только разъяснять основы грамматики, но и поправлять Адетокумбо в вопросах, не входящих в школьную программу, учить правильному произношению. Занятно было наблюдать, как, обсуждая посещение сельской дискотеки, она втолковывает ему: «Говорить надо не “даль в ибаль-о!”, а “дал в ебало!”. Повтори: в е-ба-ло! А лучше так вообще не говорить, и в ебало кому попало не давать — мало ли на кого нарвёшься!» Но, конечно, превзойти деревенского диакона в идиоматических вопросах она не могла, поэтому его наука оказалась для Адетокумбо очень кстати. Так начался путь Адетокумбо к православному веру.

Троекопытов со своей задачей справился. Помогла ему и добрая воля Адетокумбо, который, найдя прибежище в российской глубинке, старался максимально вжиться в русскую культуру, и поэтому сам был рад принять православие.

Прагматичный отец Николай решил сделать из крещения шоу, чтобы привлечь

побольше народу, поэтому оно было приурочено к церковному празднику. Настоятель заранее распустил слухи о предстоящем мероприятии, в результате количество народу увеличилось — многие просто хотели посмотреть на «нигера», которого никогда не видели живьём. А уж «нигер» в купели — разве можно было это пропустить!

Правда, было одно «но», которое могло превратить шоу из торжественного в комическое. Адетокумбо матерился нещадно. При этом научить его не материться было сложно. Русский язык ему был не родным, поэтому он не чувствовал никакого отличия матерных слов от обычных, они для него не имели того значения, как для русского. Соответственно, Адетокумбо было очень тяжело их отслеживать. Отец Николай это понимал, и процедуру крещения решили отрепетировать заранее. Репетировали до тех пор, пока Адетокумбо ни научился делать всё идеально.

Некоторая загвоздка вышла с купелью — погружаясь, он каждый раз вскрикивал: «Ух, блядь!!!» — уж очень холодной казалась ему вода. С остальным было проще. Разучили необходимые ритуалы: где встать, когда что сказать и сделать. Оставалось ещё выбрать русское имя, которое будет дано при крещении. Чтобы облегчить Адетокумбо задачу, отец Николай предложил ему выбрать имя, как-то созвучное с имеющимся. Например, Александр. Однако Адетокумбо решил оттолкнуться от имени Мамбуда, тем более что и сам

Николай чаще всего называл его именно так. В результате сошлись на имени Михаил, а на вопрос «почему», Адетокумбо сослался на диакона Троекопытова, который рассказывал ему об Архангеле Михаиле, что тот «типа, крутой чувак, всем пизды наваляль!» Отец Николай был уверен, что диакон описывал архангела иначе, но не стал спорить.

В конечном итоге всё прошло хорошо. Адетокумбо правильно выполнил все необходимые ритуалы, без лишних восклицаний погрузился в купель, правда, явив присутствующим яркочерные, буквально сверкающие трусы, которые надел, видимо, по случаю праздника. На лице его была написана неподдельная радость. Идея отца Николая сработала, оставалось приучить негра регулярно исповедоваться. Шанс у священника был.

Естественно, исповедовал Адетокумбо сам отец Николай. Он расспрашивал неопита о его грехах: злоупотреблял ли спиртным, курил ли траву, прелюбодействовал ли и тому подобное. Адетокумбо был честен и на все вопросы отвечал утвердительно. Казалось, он искренне раскаивался в содеянном. Когда очередь дошла до убийства, Адетокумбо тоже кивнул. Отец Николай обрадовался, но не подал виду. «Нет, не зря мы его обрабатывали!!! — подумал он. — Будет что доложить центру!». Покровительственно прикоснувшись к плечу новообращённого, отец Николай спросил:

— Сын мой! Ты отвечаешь «да»? Правда ли, что ты убил кого-то?

— Да отъец, да! Замочиль, сука!!! — говорил Адетокумбо, чуть не плача. — Точнее не я, а может, и я, не знаю, кто-то из нас!

— Так расскажи же мне подробнее, кто же пал от руки твоей! Ну, или не твоей, — потребовал священник.

— Дъело в Африке было. Шатались мы с братом по окраинам Виндхука, а там в один посёлок, где богатые живут, колдун Вуду приезжал. Мы случайно его заметили. Он к кому-то приезжал, чтобы магией помочь. И задержался там, домой уже вечером ехал. А мы пешком шли. А колдун случайно шину проколол и остановился, менял. А у нас с братом по железному пруту было, на всякий случай, от разной шпаны отбиваться. Грабить-то мы никого не собирались, а тут подумали: едет от клиента, значит, дъеньги есть! Подскочили и давай прутьями дубасить, весь кочан раскроили! Забрали деньги, часы, мобилу, ну и ещё кое-что! Кто из нас убил, не знаю, неизвестно, от чьего удара он подох! — трясясь, рассказывал Адетокумбо.

— Деньги пропили? — спросил священник.

— Конъечно, отец!

— Раскаиваешься ли ты в содеянном?

— Раскаиваюсь, отец! — ответил Адетокумбо, всхлипывая.

— Тебе жалко колдуна?

— Нъет, колдуна мне не жалко, их у нас много! Мне жалко, что я его убил! В этом раскаиваюсь!

Адетокумбо не мог больше говорить и зашёлся в рыданиях. Наблюдавший со

стороны народ начал перешёптываться: «Э, как черномазого-то проняло! Небось, много грехов за ним водится! Они ж там в Африке своей совсем дикие!» А диакон Троекопытов подумал: «Прав был Колян! Это ж какой пример суперский! Вот оно — искреннее христианское раскаяние! При всём народе! Прямо-таки живой образец!»

Отец Николай постарался побыстрее закончить исповедь, решив, что для первого раза хватит. Адетокумбо поднялся с колен и отошёл к образам, где, утирая слёзы, трясущимися руками ставил свечи, крестился и прикладывался к иконам. Но, несмотря на это, душа его была до краёв наполнена радостью. Ещё ни разу в жизни он не ощущал такого колоссального облегчения, как когда священник сказал, что отпускает все его грехи. Адетокумбо буквально ликовал и плакал уже не от сокрушения в грехах своих, но от счастья.

Тот день, действительно, стал для него значимым, и не только из-за исповеди. Адетокумбо испытывал искреннюю благодарность к стране, которая приняла его, и очень гордился тем, что теперь его приняли и в господствующую в этой стране религию. После первой исповеди он почувствовал, что действительно стал православным, а значит — и немножечко русским. Это дело нельзя было не отметить. На обратном пути, бережно неся свежекупленный молитвенник, Адетокумбо зашёл к торговке самогоном и приобрёл сразу трёхлитровую банку свирепого пойла. Однако звать друзей не хотелось.

Адетокумбо чувствовал, что они не поймут его, не разделят его искренней радости, хотя с удовольствием разделят с ним самогон. Поэтому он заранее предупредил их, что сегодняшней вечер проведёт в молитвенном уединении и просил к нему не заходить.

И правда, придя домой, Адетокумбо расставил на столе несколько икон, зажёл свечи и лампадку перед распятием, положил рядом Библию, встал на колени и, махнув для храбрости пятьдесят грамм, открыл молитвенник и принялся на ломаном русском вслух читать молитвы, восхваляя Господа. После каждой молитвы он истово крестился, а после нескольких — накатывал ещё по пятьдесят грамм. Позже он стал молиться собственными словами, отложив книгу в сторону, а когда дошёл до кондиции, сплясал вокруг импровизированного алтаря ритуальный африканский танец с громкими криками — ему показалось, что без этого его обращение к Богу всё-таки будет не полным. В конечном итоге Адетокумбо наладился просто в нулину, так, что даже не смог взобраться на кровать, и полночи проспал на полу, сопя и похрюкивая, но тем не менее обняв своими чёрными руками молитвенник.

С тех пор Адетокумбо довольно регулярно ходил на церковные службы и исповедовался. Правда, ничего интересного отец Николай от него больше не узнал. Грехи его чёрного прихожанина были обычными. Адетокумбо курил, ругался матом, злоупотреблял спиртным, частенько участвовал в драках, из которых,

благодаря своей природной силе всегда выходил победителем. Необычной была только искренность, с которой каялся Адетокумбо. В отличие от подавляющего большинства прихожан, эмоциональный негр всегда сокрушался от души, до слёз. Его детская наивность, непосредственность и неподкупность не могли оставить равнодушным даже неверующего отца Николая. Правда, после исповеди поведение Адетокумбо нисколько не менялось: очистившись от греха, он сразу же обо всём забывал и точно также продолжал грешить до следующей исповеди, нисколько не мучаясь совестью.

Но отец Николай не сдавался и то так, то эдак пытался спровоцировать Адетокумбо на какое-нибудь признание. В конце концов, надо же было что-то писать в отчётах. Но наркотой тот не торговал, убивать больше никого не собирался, а что воровал при случае — так все деревенские воровали. Правда, однажды он сознался в том, что у убитого им колдуна были изъяты не только материальные ценности, но и специальные магические причиндалы.

— А ты ими пользовался? — строго спросил отец Николай.

— Редко. Несколько раз всего! Они помогают! Но только я их и сам боюсь! Это магия Вуду! Самая могущественная магия!

— Так, значит, ты ещё и колдовством занимаешься... В христианстве колдовство считается тяжким грехом! Ты должен навсегда прекратить колдовать! Православным это стро-

жайше запрещено! А эту пакость богомерзкую принеси мне посмотреть!

И Адетокумбо принёс. Правда, не все, а только одну магическую фигурку. Отец Николай внимательно осмотрел её и конфисковал, а остальные повелел сжечь в поганом костре. Адетокумбо ушёл, а отец Николай всё сидел в своей каморке за алтарём, цедил оставшийся от причастия кагор и смотрел на фигурку, расположив её на стопке священных книг. Развита интуиция агента подсказывала ему, что дело тут нечисто и фигурка эта непростая, но понять причину своего беспокойства он так и не смог. В конце концов кагор кончился и отец Николай пошёл домой, но дал себе слово разобраться в проблеме до конца.

Адетокумбо тоже был в раздумьях. Избавляться от магических предметов не хотелось. Видать не до конца проникся священным духом христианства. «Тоже мне, придумали, — рассуждал он, — не воруй, к бабам не ходи, много не пей, да ещё и колдовские причиндалы выбрось! А спрашиваешь, как же проблемы решать — говорят, всё молитвой и постом одолеешь! А попробуй одолей! Неравноценная замена-то получается! Забирать, выходит, забирают, а взамен ничего не дают! Молитвой и постом, бя! А у самих хари лоснятся! От молитвы и от поста, что ли?!» Но и послушаться батюшку было страшно. Поэтому Адетокумбо придумал компромисс: он решил не сжечь магические предметы, а продать их.

Правда, продать их в Тульской области было непросто. Практически никто из местных крестьян ничего не понимал в магии Вуду и, соответственно, не видел ценности в этих предметах. Ехать же в Москву было некогда, да и там потребовалось бы время, чтобы найти покупателя. И тут Адетокумбо вспомнил своего случайного пассажира, которого подвозил до санатория. Тот вроде бы представился как главный редактор магического журнала, и, следовательно, мог заинтересоваться. Адетокумбо обрадовался своей мысли, но надо было торопиться, пока у редактора не кончилась путёвка, поэтому тем же вечером, после смены, он отправился в санаторий.

Алексея Ильича Адетокумбо нашёл на пляже, где тот прогуливался под руку с какой-то женщиной по имени Наталья, которую подцепил на время отпуска. Улыбнувшись своей ослепительной улыбкой, Адетокумбо направился к нему. Магические штуки были у него с собой.

Извинившись, что прерывает беседу, Адетокумбо кратко описал историю своего крещения и вытекающую из него причину своего приезда.

— Неужели священник велел продать магические вещи? — удивился Алексей Ильич.

— Ну, не совсем продать... — смутился Адетокумбо. — Он велел сжечь. Но деньга-то ведь нужна...

— Ну, хорошо, давай отойдём в сторонку, вон к той лавочке, что в кустах, да посмотрим.

Адетокумбо запросил большую цену, мотивируя тем, что вещи эти подлинные, а потому уникальные. Алексей Ильич же торговался, апеллируя к тому, что подлинность их неустановленна, а если они ненастоящие, то красная цена им сто рублей. Как мог доказать свою правоту Адетокумбо? Не скажешь же, что лично убил настоящего колдуна Вуду и забрал у него эти вещи...

Признаться, внешне магические предметы действительно выглядели как б/у. Десятка полтола потёртых фигурок, половина диска, похожего на шестерню, какие-то палочки с узорами, четыре чёрные свечи, замысловато разрисованная пластина... Не зная их истинного происхождения, можно было бы подумать, что это какая-то бижутерия с вьетнамского рынка. Но мысль о том, что это инструменты самого настоящего, африканского колдуна Вуду, приводила Алексея Ильича в трепет. Достать такие в Москве было делом нереальным, поэтому он решил рискнуть. В конечном итоге сторговались за сто долларов.

— А это, действительно, серьёзная штука? — спросила спутница у Алексея Ильича, когда довольный Адетокумбо ушёл. — Не зря ты ему столько денег отдал?

Алексей Ильич не хотел посвящать свою подругу в данный вопрос, поскольку в отношении магии Вуду у него имелись свои совершенно определённые планы. Поэтому он слукавил:

— Ну, понимаешь, если эти предметы настоящие, то они имеют историческую ценность:

ведь найти подлинные магические инструменты Вуду в Москве практически невозможно, одни подделки.

— А как проверить, не подделка ли и эти? Мало ли, может, этот черножопый где-то магазин обокрал, где китайцы всякой мишурой торгуют? — продолжила сомневаться Наталья.

— Давай попробуем. Одним из традиционных применений этой магии является воздействие на погоду. Вот и испытаем. Помнится, завтра у нас экскурсия в Ясную Поляну, а обещали дождь. Я возьму эти штуки и поработаю над тем, чтобы дождя не было! — ответил Алексей Ильич.

— Но ведь, наверное, грешно вмешиваться в природу по любому пустяку? А вдруг дождь кому-то нужен?

— А мы не будем его совсем отменять. Пусть прольётся после экскурсии!

Тем же вечером Алексей Ильич заперся в номере, объяснив Наталье, что ритуал — дело серьёзное, и без специальной подготовки принимать в нём участие ни в коем случае нельзя, и чего-то наколдовал, используя известные ему технологии. В это время его подруга смотрела в холле телевизор, объявлявший о штормовом предупреждении на завтра, и думала, что, скорее всего, ничего не получится и завтрашняя экскурсия окажется испорченной.

Честно сказать, Алексей Ильич и сам сомневался в успехе своего предприятия. Уже с вечера, ломая ветки деревьев, подул сильный

ветер, а небо затянуло свинцовыми тучами. Не верилось, что завтрашний день будет светлым и солнечным.

Однако именно таким он оказался. Непогода рассеялась, как будто ничего и не было. Экскурсия удалась. И только когда Алексей Ильич с Натальей сидели в столовой и потягивали кефирчик, на землю обрушился ураганный ливень. Он был настолько внезапен, что многие люди промокли, так как не ожидали столь резкой перемены погоды и не взяли с собой зонтов. Впрочем, тем, кто зонты имел, промокли тоже. Ветер поворачивал холодные струи воды почти горизонтально, и укрыться от них не было никакой возможности. Досталось даже Адетокумбо. Пока директор был на совещании в райцентре, Адетокумбо решил быстренько смотаться в одну деревню по своему личному делу. Дождь его застал на полпути назад и так размыл грунтовую дорогу, что «Шевроле-Нива», несмотря на свою повышенную проходимость, едва выехала.

Наталья обратила внимание на погодные метаморфозы, Алексей Ильич согласился, но не стал заострять на этом внимание и перевёл всё в шутку. Теперь он поверил, что предметы настоящие. Будучи профессионалом, он и раньше это чувствовал, но теперь смог убедиться на опыте. А раз так, значит, надо соблюдать тайну. Тем более что дело предстояло существенное — Алексея Ильича терзала одна проблема, которую теперь он хотел решить с помощью магии Вуду.

Проблема, к сожалению, была типичной для российского бизнеса. Алексей Ильич был соучредителем и главным редактором эзотерического журнала. В момент своего основания журналу удалось получить небольшое помещение в центре Москвы. Помог в этом высокопоставленный чиновник, состоявший в одном оккультном обществе. Однако с той поры прошло много времени, чиновника давно сняли, и он на украденные из закровов родины деньги обустроился жить в Европе, а помещение осталось. До самого последнего времени всё было спокойно, а недавно возникли проблемы, причём серьёзные.

Большую часть здания, где располагалось помещение журнала, скупил компания «Брат-М», что, видимо, переводилось как «Брат мента», так как её владельцами были бывшие сотрудники милиции. Компания хотела заполучить в собственность всё здание. Сначала к Алексею Ильичу подошли и предложили продать комнаты. Он отверг предложение, поскольку цена была много ниже рыночной. Затем начались наезды. Руководители «Брата-М» грозились убить Алексея Ильича, если он не согласится, организовать его пропажу без вести и т. п. Сулили неприятности и членам семьи — в частности, используя связи в правоохранительных органах, обещали сфабриковать уголовное дело, по которому будет задержан его сын, которого будут избивать до полусмерти на допросах. С учётом того, что соседку-предпринимательницу,

также отказавшуюся продавать помещения, зарезали в парке какие-то хулиганы, а уголовное дело после развалилось, Алексею Ильичу было о чём беспокоиться. Но теперь он имел решение.

Алексей Ильич понимал, что, как это часто бывает в российском бизнесе, компания «Брат-М» существует не потому, что её люди умеют работать, а вследствие того, что её хозяйева имеют связи, с использованием которых они через систему откатов получают выгодные контракты. Соответственно, устранение нескольких ключевых фигур, входящих в высокие кабинеты, позволит полностью развалить бизнес, и фирме станет не до силового выкупа помещений. Поэтому четырёх чёрных свечей, которые Алексей Ильич собирался использовать в ритуалах на смерть, было вполне достаточно. И он не заставил себя ждать.

И действительно, скоро в топ-менеджменте «Брата-М» одна за другой стали появляться прорежи. Первым пал ключевой заместитель генерального директора. Его чёрный джип с гордым номером 002 нёсся по загородной дороге, как вдруг на одном из поворотов, где трактора натаскали на асфальт грязи, он поскользнулся и вылетел в кювет, несколько раз перевернулся и врезался в деревья, застряв меж них. Зам. генерального был жив, но его накрепко зажало в салоне. Вокруг никого не было, за исключением идущих по дороге двух деревенских мужиков, у которых не хватило денег на подорожавший автобус. Они подошли и с любопытством

заглянули в салон, где обнаружили перекошенную от боли бычачью харю бизнесмена. Увидев их, он оживился.

— А ну-ка, мужики, быстро вытащили меня отсюда! — скомандовал он.

Мужики вздрогнули, подчиняясь приказу, но, сделав шаг, остановились. Один из них какое-то время подозрительно всматривался внутрь салона, после чего сказал своему товарищу:

— А, похоже, буржуя здорово запечатало! Никак ему не выбраться!

Услышав эту фразу, второй мужик осмелел, подошёл вплотную и даже засунул голову в разбитое окно, после чего сокрушённо поцокал языком и сказал, обращаясь к водителю:

— Да ты, братан, разве в таком положении находишься, чтобы мужиками командовать?

Зам. генерального снова хотел сказать что-то резкое, но тут все трое почувствовали сильный запах бензина — видимо, он стал испаряться, выливаясь из повреждённого бака. Это остудило пыл бизнесмена, и он, полностью сменив тон, вполне любезно начал упрашивать крестьян освободить его из железного плена. Но те не стали его слушать, а отошли и о чём-то шептались.

Наконец они вернулись. Бизнесмен предложил щедро заплатить за своё освобождение.

— А ты деньги-то покажи! — лукаво спросил один из мужиков.

— Вот, в барсетке возьми! — ответил буржуй, так как сам не мог до неё дотянуться.

Мужики взяли барсетку и пересчитали всё, что там было. По местным меркам, было весьма немало — в тех краях не каждый рабочий столько зарабатывал за год.

— Мужики, вытащите меня! Помогите освободиться! Я в долгу не останусь! — снова взмолился бизнесмен, увидев, что мужики увлеклись изучением содержимого барсетки.

— Да не останешься, не беспокойся! — откликнулся мужик, подходя. — Сейчас мы тебя полностью и от всего освободим! И душу твою освободим!

И оба мужика, будто переключившись на другую скорость, стали обшаривать машину и карманы водителя на предмет поиска чего-нибудь ценного. Вытащив всё, что им понравилось, они стали оглядываться, не появилась ли другая машина или прохожий. Но на пустынной дороге никого не было.

— Мужики, вы со мной не шутите! — начал злиться бизнесмен. — Я в ментовке всю жизнь проработал, у меня все друзья там, так что со мной шутки плохи!

— Да мы и не шутим! — ответил второй мужик. — Вань, отходи в подветренную сторону! — обратился он к своему товарищу.

Зайдя с подветренной стороны, один из мужиков достал из кармана спички, зажёл одну и бросил в лужу разлитого бензина. Разбитая машина моментально вспыхнула и превратилась в гигантский факел, а мужики двинули в лес. Им вслед доносились крики проклятий бизнесмена, а потом и просто его крики.

— А скажи, Вань, он ведь и без нас сгорел бы, да? — обратился один мужик к другому.

— А то! Конечно, сгорел! Ща как только испарилось бы, так всё и вспыхнуло. Мы только его мучения чуток сократили! — ответил его спутник.

— Ну и слава богу! — ответил первый и перекрестился.

С одним бандитом было покончено.

Генерального директора застрелили в ресторане. Он с коллегами бухал в летнем саду, а когда пошёл в сортир, по пути у него произошёл конфликт с легковозбудимым лицом кавказской национальности. Что у них там вышло, никто уже не знает, но в итоге генеральный остался лежать на дорожке с простреленной грудью. Почуввав неладное, к нему поспешил начальник службы безопасности, который кутил там же, но было поздно — шеф лежал в окровавленной рубашке и хрипел. Рядом валялся брошенный кавказцем пистолет. Покачивались кусты — видимо, через них удрал носатый гордец. Начальник бросился бежать к основному зданию ресторана, чтобы призвать на помощь, но совершенно случайно наткнулся на милицкий патруль, который и задержал бегущего, а после обвинил его в убийстве.

В принципе, этого уже было достаточно для спасения редакции. Два основных фигуранта были мертвы, третий сидел в тюрьме. И возможность выйти оттуда была невелика. Не потому, конечно, что органы дознания были строги и справедливы, хотя и ошибались иногда, а

потому что давний недоброжелатель начальника службы безопасности и его главный конкурент в компании решил воспользоваться удачным развитием событий. Связи в милиции у него были тоже приличные, он щедро отстегнул кому нужно, и в результате важный экс-начальник надёжно сидел в СИЗО, будучи зверски избиваем своими бывшими коллегами. В дальнейшем ему светило по какой-нибудь случайной причине скончаться в камере, и дело бы закрылось.

А как в это время поживал Адетокумбо? Он тоже чуть не погиб. Правда, магия Вуду здесь была ни при чём. Однажды, поднакопив денег, он с товарищами решил съездить в Москву на дискотеку. Ну, затарились они дешёвым тульским пивом да и поехали. Отколбасились классно. На дискотеке Адетокумбо был в центре внимания. Атлетически сложенный чёрный парень, обладающий к тому же врождённым чувством ритма, не мог остаться в тени. Он и его друзья познакомились с девчонками из общаги экономического техникума, и всё клонилось к тому, чтобы пробраться в эту общагу и тусить там до утра. Но закончилось всё по-другому. Когда уже собирались уходить, Адетокумбо, сказав девчонкам, что сейчас придёт, вместе с друзьями отлучился в туалет, находившийся в полуподвале. Однако в танцевальный зал он уже не вернулся.

На выходе из туалета дорогу Адетокумбо преградили два скинхеда. Рахитичные подростки с бритыми затылками по сравнению со

своим чёрным оппонентом выглядели заморышами, но вели себя нагло и уверенно. Основания к тому были — за дверями, готовые к атаке, их поджидали штук семь товарищей из военно-патриотического союза молодёжи.

— Ну что, чёрная обезьяна, приплыли? — злорадно спросил один из скинхедов.

— Ребята, да что вы! Не надо! — попытался заступиться за негра Андрей.

— А ты что лезешь! — грубо огрызнулся скинхед. — Твоё какое дело?

— Это мой друг!

— Пидор!!! Сам русский, а с черножопыми дружишь! Откуда ты взялся?!

— Из Тульской области мы, на дискотеку приехали... — Андрей старался держаться бодро, но духом пал. Он понимал, сколь серьёзной была ситуация, и уже не рассчитывал выйти из неё без потерь. Да и Серёга стоял рядом бледный.

— Ну, вот сейчас мы твоего чёрного друга кончать будем! — радостно заявил скинхед. — А вы, мудофилы, бегите пока не поздно, а то и вам наваяем!

С этими словами скинхеды почти синхронно выхватили откуда-то по железному пруту, один из них заорал: «ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ!», другой гаркнул: «РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ!» — и они бросились в атаку. Будь Адетокумбо один или хотя бы на открытом пространстве, проломил бы они ему череп и всего делов, но в тесном туалете их преимущество нивелировалось. Андрей

вцепился в руку ближайшему к нему скинхеду, Сергей бросился под ноги к другому, и в результате Адетокумбо успел увернуться от удара прута. Отскочив назад, он принял боксёрскую стойку и поистине с лошадиной силой врезал прямым ударом в нос тому скину, что дрался с Андреем. Затем резко повернулся к Сергею, который уже повалил своего соперника на пол, сражался с ним лёжа, и, выбрав момент, врубил бритоголовому ногой прямо в харю. От удара голова скинхеда откинулась назад и треснулась об стену так, что сверху посыпалась штукатурка.

— Эти двое больше не бойцы! — радостно крикнул Серёга, вскакивая на ноги.

Но проблема была в том, что этими двумя фашистская дружина не исчерпывалась. С яростными криками, среди которых удалось разобрать лишь «Мочить в сортире!», в дверь уже ломались остальные. Но и в руках Адетокумбо уже появился железный прут, выхваченный у поверженного врага. По бокам от него заняли позиции Андрей с Сергеем, правда, их помощь особо не потребовалась. Адетокумбо бросился вперёд и стал буквально разить прутом нападавших, нанося точные и молниеносные удары. Он демонстрировал такой профессионализм, будто бы с самого детства дрался железными прутьями. А может, так оно и было. У них в Африке там свои понятия, и они ими тоже гордятся.

Дело облегчалось малой шириной помещения. В результате, хотя за дверь и было семь

скинов, входить им надо было по очереди, и каждого ждал сокрушительный удар по чайнику. Правда, один из них попытался пырнуть Адетокумбо ножом, но ударом прута по руке тот пресёк эту попытку, и пока занимался следующим, Сергей с Андреем сбили скина с ног и основательно заслали ему ногами.

В общем, развязка наступила быстро. Друзья выскочили из туалета и бросились наутёк, оставив после себя забрызганные скиновой кровью белые кафельные стены, поверженных врагов и рассыпанные по полу свастики, распятия и тому подобное. На всякий случай каждый из них прихватил по пруту, но они им не понадобились.

Серёга с Андрюхой после боялись, не подойти к кому-нибудь из нападавших, получив от Адетокумбо прутком по башке. Что интересно, самого Адетокумбо это нисколько не волновало. Но в прессе сообщений не было, так что они успокоились — если что, наверняка где-то мелькнул бы заголовок типа «Негр убил скинхеда!». Всё-таки редкое это событие, чаще бывает наоборот. С тех пор Адетокумбо старался без нужды не ездить в Москву. Ему вообще казалось, что в Москве живут очень злобные люди, гораздо злее, чем в Африке, но он об этом никогда не говорил вслух, так как понял, что сами русские считают себя добрыми и гостеприимными вне зависимости от реальных фактов.

У Адетокумбо всё было бы совсем хорошо, но на очередной исповеди отец Николай спросил его:

— Избавился ли ты от магических предметов?

— Да, отъец! — ответил Адетокумбо и напрягся.

— Ты их сжѐг?

— Ньет, отъец! Продадь, сука!!! Ох, чёрный я хуиль!!! Ложная тварь! Распроеби меня бог!!! — Адетокумбо разнервничался и от этого забыл, что на исповеди материться нельзя.

«Твоѐ счастье, что бога нет! — подумал отец Николай, — а то, что б с тобой было, вздумай бог тебя распроебать!». А вслух строго спросил:

— Кому ты их продал?!

В ответ он услышал историю про главного редактора.

С этой исповеди Адетокумбо, как всегда, уходил счастливым, а отец Николай — опечаленным. Его изыскания в области магии Вуду привели его к убеждению, что вещь эта очень серьёзная и в неправедных руках может наделать много зла. А будучи чекистом, отец Николай был патриотом и считал своим долгом защищать родину. Поэтому магические причиндалы у редактора надо было изъять. К моменту, когда всё выяснилось, он, конечно, уже уехал из санатория, но найти адресок отцу Николаю было элементарно. И он вызвал к себе диакона Троекопытова.

Кратко объяснив тому ситуацию, отец Николай предложил эффективный, по его мнению, план действий. Нужно найти главного редактора и предложить тому продать предметы, а если он не согласится — заставить продать

силой или даже отобрать. Впрочем, последний вариант представлялся более уязвимым, а потому не рассматривался как приоритетный.

Диакон Троекопытов не поддержал идеи своего начальника. Чекистом он не был, а, являясь рядовым церковнослужителем, склонялся к канонической точке зрения. Согласно же последней, главное дело церкви — забота о спасении души, а не разрешение мирских проблем. Даже добрые дела не являются самоцелью, а полезны лишь потому, что очищают душу. Кроме того, христианин не может верить в магию — он верит в Господа Иисуса. Тому, кто праведно живёт, никакая Вуду не страшна. Если же кто-то, имеющий прегрешения, и пострадает, то у него всегда есть шанс прийти в храм и покаяться, и милостивый Господь отпустит грехи его. Так аргументировал свою позицию диакон Троекопытов. Но отцу Николаю была необходима помощь диакона, поэтому он настаивал.

— Видишь ли, — мягким тоном начал он, — магия Вуду — одна из древнейших и сильнейших магических систем на земле. Зародилась она в Африке. Посвящённому Вуду даёт реальное могущество. Однако непросто получить посвящение. Кстати, посвящённому магические предметы не нужны, потому что он и так имеет постоянный контакт с магической системой, в каком-то смысле един с ней. А вот непосвящённому они необходимы. У непосвящённого такого контакта нет, а эти предметы как раз и устанавливают его, являются своеобразным

мостком между системой и человеком, практикующим магию Вуду. Иными словами, телепату не нужен телефон, а обычному человеку — нужен. В магии эти предметы исполняют сходную роль. Конечно, искусственная связь работает хуже естественной, но всё же работает. И вот теперь этот инструмент оказался в руках оккультиста, и не в Африке, а в России. Наш долг — исправить ситуацию. Давай соберём деньжат, сколько сможем, да потрясём церковную кассу, и на той неделе выдвинемся в Москву.

Диакон Троекопытов не был убеждён данной теоретической аргументацией, но, поскольку отец Николай был настоятелем, всё-таки согласился. И они начали готовиться к предстоящей операции.

Надо отметить, что при поверхностном взгляде задача казалась абсурдной. Кто мог бы отобрать у мага Вуду его ритуальные вещи? Наверное, для этого нужно быть не менее могущественным магом. «Молитвой и постом», как любил говаривать отец Николай, здесь явно не обойдёшься. Смешно даже думать об этом. Но дело серьёзно облегчалось тем, что Алексей Ильич не был магом Вуду, он был обычным эзотериком.

Хотя Алексей Ильич и использовал приобретенные предметы, как вы видели, вполне эффективно, он не ощущал их в полной мере своими, не чувствовал в себе право иметь их, в глубине души не мог поверить, что владеет ими. Алексей Ильич работал с этой

ситуацией, старался присвоить предметы не только физически, но и энергетически, прописать их в слой своего мира. Но до конца это не получалось. В таких условиях владение предметами причиняло ему беспокойство. Он понимал, что штука это небезопасная и обоюдоострая. К тому же теоретически другой колдун мог установить, что именно Осипов нанёс магические удары, завалив буржуёв. Впрочем, последнее было маловероятно, так как среди руководства компании «Брат-М» не было таких, кто верил бы в духовные сферы. Но тем не менее Алексей Ильич предчувствовал, что, не овладев полностью этими предметами, он не сможет и удержать их. Всё-таки это были предметы силы.

Поэтому он не удивился, когда к нему поступил первый звонок. Удивился он другому. Во-первых, тому, что звонок поступил от представителя официальной церкви, представившегося диаконом. Во-вторых, той брехне, которую диакон непрерывно нёс почти полчаса, рассуждая о богопротивности магии, чистоте своего района, роли церкви в спасении заблудших душ и т. п. Алексей Ильич едва догадался, что его просят уничтожить магические предметы. Но в целом речь диакона была настолько абсурдной и путанной, что главный редактор решил никак не реагировать.

Следующий звонок был намного строже. Звонивший представился настоятелем церкви и категорически потребовал сжечь магические предметы, купленные у негра в Тульской

области. Батюшка был суров, отчаянно матерился, а не получив согласия, перешёл к угрозам. Причём угрозы апеллировали не к гневу Господнему и геенне огненной, а к вполне земным вещам. Ссылаясь на обширные связи в спецслужбах, батюшка сулил Алексею Ильичу различные неприятности: внезапные проверки в редакции, отъём лицензии на издательскую деятельность, возбуждение заказного уголовного дела в отношении Алексея Ильича или членов его семьи и т. п. Подобный разворот событий показал, что дело довольно серьёзное и само по себе не закончится.

Для себя Алексей Ильич отметил, что всё-таки он был прав. Если в жизни появилась какая-то проблема, то решать её надо, работая над собой. Ибо именно ты притянул её в свою жизнь. Если же просто воздействуешь на окружающий мир, то меняются лишь декорации, а проблема остаётся с тобой. Так было и сейчас. Буржуевины были разгромлены, но фактически те же угрозы теперь поступали от святого отца. В принципе, у Алексея Ильича ещё оставалась одна чёрная свеча, да при усилиях можно было бы раздобыть и другие, чтобы врезать и по настоятелю, и по диакону, но делать так он не стал. Если со смертью его «крутых» соперников в мире стало больше добра или хотя бы уменьшилось количество зла, то убивать священнослужителей как-то не пристало. Ведь он и сам считал себя христианином. Поэтому Алексей Ильич отступил, но потребовал компенсировать свои затраты на приобретение магических

предметов, которые оценил в полторы тысячи долларов.

Отец Николай потирал руки. Но и почёсывал бороду. Дорого запросил проклятый колдун, наверняка купил у негра намного дешевле. В принципе, такая сумма у них была, и даже больше, но отдавать её было жалко. Отец Николай раскаивался, что не спросил у Адетокумбо на исповеди, за сколько именно он продал магические причиндалы главному редактору. Тогда это казалось малосущественной деталью, но теперь могло бы послужить хорошим аргументом для торга — а то чёртов редактор упёрся и никак не хотел отступать.

В конце концов, сошлись на трёхстах долларах. Имея привычку к конфиденциальности, отец Николай не пошёл на встречу сам, а направил диакона Троекопытова, тщательно проинструктировав, что там должно быть. О составе ритуальных предметов настоятель имел представление, так как расспрашивал об этом Адетокумбо ещё в первый раз.

Пришедший на встречу диакон Троекопытов поначалу чувствовал себя неловко и неуверенно, хотя это и не помешало ему сторговать пятьдесят баксов за отсутствие трёх чёрных свечей, вместо которых в качестве доказательства Алексей Ильич представил два огарка, объяснив, что третий не сохранился. Забрав предметы, диакон спрятал оставшиеся деньги поглубже, считая справедливым оставить их себе — в качестве компенсации за работу и моральные страдания, вызванные участием в

бессмысленном, с его точки зрения, мероприятии.

Но вот теперь дело было практически сделано. Отец Николай ликовал. Они возвращались из Москвы, за руль он посадил диакона, а сам, вальяжно развалившись на сидении, пил пиво бутылку за бутылкой. Чем очень нервировал пристрастно относившегося к зелёному змию диакона. Поначалу они хотели сжечь бесовские предметы прямо у дороги, но решили, что это можно сделать и по приезде, так как хотелось побыстрее домой. В итоге диакон Троекопытов и получил это задание: сжечь и развеять пепел.

Сжигать колдовские штуки в собственной печке ему не хотелось, поэтому для исполнения задания он выдвинулся в лес, решив: «Разведу костерок в глухом местечке, подле кладбища, да и спалю эту погань!». И после вечерней службы, намеренно оставшись в церковном облачении, отправился по намеченному маршруту.

Поначалу проходило всё спокойно. Уже потрескивал сухими сучьями костерок, магические фигурки поблёскивали рядом в раскрытом пакете, готовясь войти в «геенну огненную» прямо тут, на земле, как вдруг все планы Троекопытова оказались спутанными.

Из кустов, по направлению к кладбищу, внезапно появился с десятков фигур. Издалека ничего странного в них заметить было нельзя, но, глядя на них, диакон ощутил недоброе предчувствие, даже под ложечкой засосало. Убегать было поздно. Когда они приблизились,

он опознал в них сатанистов, по всей видимости, готовившихся провести на кладбище свой дьявольский ритуал. Сатанисты, в основном московские, периодически выезжали для этого в глухие места.

— Ба, какая встреча! — ехидным тоном начал самый толстый из компании. — Кого я вижу! Никак представитель Тела Христова! Так сказать, полноправный его член! А что это, батюшка, у тебя в пакете? Никак ты магией занимаешься?

Содержимое пакета привлекло внимание группы, и диакон схватил пакет и прижал его к себе.

— Оба-на! — воскликнул другой сатанист. — Стало быть, попы подколдовывают? Так может, ты наш? Чего тут делаешь, рассказывай!

— Я собираюсь предать огню ритуальные предметы мага Вуду! — постарался максимально спокойно ответить диакон. — Во исполнение воли Отца моего небесного следую духу праведности!

— Вообще, предметы Вуду нам бы пригодились! Дай-ка их сюда!

— Не дам! Идите на хуй! — проявил неожиданную смелость диакон, который был очень исполнительным человеком, и даже когда был не согласен с заданием, стремился во что бы то ни стало довести его до конца.

— У, какой ты борзый! — с некоторым удивлением сказал толстый сатанист. — А если мы тебя сейчас на твоём же костерке вместо Вуду поджарим? Как запоёшь?

— Не советую! — строго сказал диакон. — Это вам не негра в сортире замочить! Православие сейчас в моде, убийство духовного лица такой шум поднимет, что от вашей шайки ничего не останется! А сюда сейчас ещё монахи наши подойдут, так что посмотрим, кто кого!

— Да ладно тебе отец, мы пошутили! — вступил в разговор третий сатанист, не считавший целесообразным допустить развитие событий по кровавому сценарию. — А зачем ты их сжигаешь?

— Настоятель повелел уничтожить!

— Где ж вы их нашли, в Тульской-то области?

— Черножопый один из Африки привёз! Мамбуда, бля!

— То есть они настоящие?

— А то!

— Так может, ты их нам продашь?

— За кого ты меня считаешь?! — возмутился диакон. — Я Господу честно служу! Велено сжечь, так уж сожгу! Но не при вас теперь! — и с этими словами он встал и пошёл прочь, гордо тряхнув бородатой головой.

Вслед ему доносились ехидные смешки и оскорбительные шутки. Побоявшись расправиться с ним физически, сатанисты хотели хоть как-то задеть его. Молчал лишь руководитель их группы. В первую очередь его беспокоило то, что место их чёрной мессы теперь раскрыто, и мероприятие запросто могло быть обломано — приведёт этот святоша ночью сюда с десятков монахов, да и наваляют всем по

первое число. Во-вторых, если поп не врал — а с чего ему врать — выходило, что от них утекали подлинные ритуальные вещи Вуду, привезённые из Африки каким-то негром. А это — большая редкость. Так думал он и, решив, что нужно обязательно что-то предпринять, уже открыл рот, собираясь окликнуть попа, но тот, словно почуяв спиной намерение, вдруг обернулся сам.

На самом деле, намерения он не почуял. А рассуждения его были таковы: «Вот Колян, гад, втравил меня в историю, сука! Чуть не прибили! Да и сейчас иду и не знаю, даст ли Бог уйти! А ну как в спину выстрелят или догонят! Я ведь их замысел раскрыл — чёрную мессу на кладбище собирались проводить! И на черта мне всё это надо! Может, и правда, мне с ними договориться?» На этом он остановился и повернулся, встретившись глазами с лидером сатанистов.

— А вообще, поговорить можно! — сказал Троекопытов. — Но штука это дорогая, ибо подлинная! Мы за триста баксов с настоятелем их у колдуна перекупили!

Завязался торг. Сатанисты разглядывали фигурки, раздавались одобрительные возгласы, но получить с них триста баксов оказалось нереальным. Они утверждали, что столько у них вообще не наберётся. Диакон не сомневался, что деньги у компании были — уж больно недешёво они были одеты, да и заниматься сатанизмом бедному человеку некогда. Но в итоге сошлись на двух тысячах рублей.

— Только давай, отец, чтобы всё было по-честному. Мы тебя не видели, и ты нас не видел! И дальше не мешай нам нашими делами заниматься!

— А какие это у вас дела? — возразил диакон. — Опять на кладбище чёрную мессу устраивать? Это кладбище нашего прихода!!!

— Так, может, ты нам в аренду его сдашь на одну ночь? — спросила одна из девушек. — Вот у нас ещё тут тысчонка осталась...

Диакон посмотрел на девушку, на зеленевшую новую тысячу и подумал: «Всё равно ведь их не победить, эту силу диаволию! Так хоть денежкой разживусь!» — и, помявшись для вида, согласился.

— Но смотри, отец: тут всё серьёзно! Обманешь, расскажешь кому про нас — пеняй на себя!

— Да за кого ты меня считаешь! — снова обиделся диакон. — Моё слово — закон. Если я сказал — всё будет сделано! Так что не сомневайся!

— Ну, хорошо, хорошо! — они пожали друг другу руки, и диакон быстрым шагом пошёл по направлению к дороге. Скоро он удалился на приличное расстояние и исчез из виду.

Дойдя через некоторое время до дороги, диакон понял, что всё-таки благополучно вырвался из лап сатанистов. Он остановился и с чувством перекрестился. Причём благополучно в прямом смысле: получив благо в размере трёх тысяч рублей. Под его церковным облачением хрустели денюжки, и это пробуждало к жизни

давно уже придушенный голос совести. Диакон чувствовал, что всё-таки поступил нехорошо. Но до дома было ещё полчаса пути, и этого было достаточно, чтобы осмыслить происшедшее.

«Ну, хорошо, обманул я отца Николая! И против совести христианской пошёл, разрешив сатанистам провести чёрную мессу на православном кладбище. А что тут такого? В магию православному верить не положено, так что эти ритуальные предметы — чушь собачья. Получается, я даже лучше сделал, что сатанистов нагрел — меньше денег у них останется. А насчёт мессы — так как им запретишь? Прогонишь отсюда — они на другое кладбище уйдут, так что ничего не изменится. Тем более что ни один волос с головы не упадёт без воли Отца нашего небесного! Значит, и на то была воля Его! К тому же в России всегда взятки брали. Издревле. Тем и живём. Это всякие сраные демократы только говорят, будто бы Россия на сто шестидесятом месте по коррупции в мире. Брехня всё это. Везде всё одинаково! А что касается греха — так это покаюсь, и простит всемилостивый Господь прегрешения мои!»

На этом месте он призадумался и даже остановился. Исповедоваться отцу Николаю в содеянном никак было нельзя. И не исповедаться было нельзя — иначе не простится грех. Что же делать?!

Но тут диакон вспомнил, что через три недели он поедет на конференцию во Владимир. «Там и исповедаюсь! — решил он. — Найду какого-нибудь незнакомого батюшку, и ему

исповедаюсь! И отпустит Господь грехи мои, и снова буду чист, яко агнец!» Эта мысль вернула в душу диакона радость и спокойствие, и он бодро зашагал по дороге к дому. На лице его проступила лёгкая улыбка...

**ХРУСТАЛЬНОЕ
ОКО**

На землю спустилась ночь. Деревня утонула в безлунном мраке. Ветер утих. В маленьком домике на окраине уже погас свет. Двор был окутан тишиной, и только из хлева время от времени слышались печальные вздохи коровы. Слушая их, можно было подумать, что это большое животное с добрыми глазами было погружено в размышления о чём-то благородном и возвышенном. Но это было не так. Корова стояла в стойле и пережёвывала жвачку, тупо пялясь в темноту. В её голове не было ни одной мысли, как, впрочем, и обычно. У этой коровы вообще не было способностей к размышлению.

Стоявшая рядом лошадь грязно-белого цвета по части мысли была сильнее коровы, однако гордиться ей тоже было нечем. Теоретически в лошадиной голове могли бы возникнуть какие-то размышления, но на практике возникали они редко. Вот и сейчас лошадь вдыхала влажными ноздрями тёплый и немного затхлый воздух хлева, и по её могучему конскому телу растекалась нега ночного отдохновения, которая только усиливалась абсолютным штилем, царившем в её сознании.

Вообще, окажись на этом дворе кто-нибудь с прибором для чтения мыслей, он застал бы почти полную тишину. Пожалуй, этой ночью в радиусе ста метров от дома мысли были только у кобеля по кличке Пират, но на поверку они оказались малоинтересными и весьма приземлёнными. За лавры мыслителя ещё мог бы побороться огромный полосатый кот Бакс, но в это время он спал, выбрав одно из самых безопасных для кошки мест — перекрестие балок под потолком хлева. Бакс любил лежать там и наблюдать за коровой, мечтая, как хорошо было бы внезапно обрушившись сверху, перегрызть ей горло и пожрать её плоть, насладившись свежей говядиной. Однако, понимая, что не родился пумой, обычно он, помечтав так некоторое время, встряхивал ушами и шёл ловить мышей и птиц. Сегодня же кот никуда не пошёл, потому что получил от хозяев пайку сверх обычного и просто спал, растянувшись вдоль тёплой деревянной балки.

В доме тоже стояла ментальная тишина. Там спали люди — два мертвецки пьяных человека. Им обоим было по тридцать пять лет, их обоих звали Иванами. Первый Иван, хозяин дома, был субтильным мужичком небольшого роста. Второй — его друг — повыше и значительно потолще. Он обладал чёрными усами. На полу валялись четыре пустых пол-литровых водочных бутылки и десятка полтора пивных, а люди спали на кроватях. Запах пота, нестиранных носков, табака и перегара смешивался с резким, словно лезвие ножа, запахом рыбы,

которой они закусывали и объедки которой теперь валялись повсюду, что делало дух в комнате потяжелее, чем в хлеву.

В эту ночь жена Ивана была в ночном дежурстве на ферме, где она работала скотницей, а их дети — у родителей, поэтому друзьям никто не мог воспрепятствовать отпраздновать удачное приобретение. Точнее, праздновали они не само приобретение, а удачную его продажу. Дело было так.

Тот Иван, что был хозяином дома, работал в совхозе трактористом. Надо сказать, способностей у него не было никаких и никогда. Образования тоже. Он окончил всего пять классов сельской школы и не смог поступить в сельскохозяйственный техникум, так как классов для этого требовалось минимум восемь. Тем не менее каким-то образом сдал квалификационный минимум, он устроился работать на трактор. Но поскольку не имел способностей не только к наукам, но и вообще к любому делу сложнее, чем перекидывать вилами навоз или кормить свинью в сарае, то освоить управление непростой сельскохозяйственной техникой у него толком не получилось. Руководство совхоза, понимая, что пахаря из него не выйдет, отрядило его для перевозки различных грузов. Этот процесс получался у Ивана лучше. Он ездил на тракторе по всему району, перевозя в прицепе то одно, то другое — в чём случалась нужда. Работа проходила без происшествий, если не считать мелких инцидентов. Например, однажды, ближе к вечеру, бабка Маня упустила

на дорогу годовалого быка, а как раз в это время Иван спешил домой, двигаясь на максимально возможной скорости. Будучи пьян более, чем в обычный день, он не сразу осознал, что перед ним фланирует бык. Бык тоже не сразу осознал, что на него несётся трактор, а осознание возможных последствий у него вообще наступило гораздо позже. Зато, правда, засело накрепко.

Короче говоря, как это иногда бывает, они несколько раз метнулись туда-сюда, но каждый раз получалось так, что сворачивали в одну сторону. Расстояние сократилось за доли мгновения. В последний момент пьяный Иван сумел отвернуть от быка трактор, но болтающийся сзади прицеп, словно не желая упускать добычу, сильно вильнул и со всего хода деревянным бортом врубился в бычачье рыло, буквально сокрушив последнее. Никак не предполагавший такого поворота событий бык рухнул на асфальт, в дополнение ободрав себе бок. В конечном итоге обошлось без жертв — в сухом остатке у Ивана оказались поломанные доски на переднем углу бортов прицепа, а бык лишился левого глаза и приобрёл боевые шрамы вполтину хари. После этого он всю жизнь — пока его в двухлетнем возрасте не забили на колбасу — очень боялся тракторов. Иван же после подумал: «Надо было тормозить — да как-то в голову не пришло...»

Так вот, а в тот день, в вечер которого мы с вами уже погрузились, Иван вывозил стройматериалы с дальней фермы, расположенной почти в двадцати километрах от центральной

усадыбы совхоза. Второго Ивана ему дали в помощь в качестве грузчика. Коллеги рассчитывали украсть часть стройматериалов по дороге и пропить их, но эта идея не увенчалась успехом, поскольку материалов было мало, и они были пересчитаны, так что незаметно отделить свою долю возможным не представилось. Зато им открылась другая перспектива. По дороге в райцентр они прознали, что местная ведьма — толстая баба лет сорока пяти, слывшая очень сильной целительницей — уезжает отдохнуть в Сочи. А так как жила она как раз недалеко от старой фермы, откуда друзья возили материалы, открывалась прекрасная возможность залезть в её дом, что-нибудь стащить и в тот же день продать в райцентре на рынке или на вокзале, почти сразу избавившись, таким образом, от улик.

План сработал. Во время второго рейса на ферму, они загрузили прицеп стройматериалами, после чего работник фермы подписал им накладную и ушёл обедать. Пользуясь отсутствием свидетелей, Иваны рванули по кустам к дому ведьмы, выбили стёкла и влезли внутрь. Денег они не нашли, но похватили какие-то предметы старины да магические причиндалы и благополучно с ними скрылись.

С продажей тоже повезло. Буквально тридцать минут пошастав по райцентру, они нашли какого-то сведущего в антиквариате отпускника из Питера, по виду похожего на университетского профессора, который с удовольствием купил старинные рамы, фигуры и всё

остальное барахло, заплатив почти пять тысяч рублей. Вот только большой хрустальный глаз на позолоченной цепочке почему-то покупать отказался наотрез. Тем не менее все остались очень довольны: профессор тем, что за пять тысяч купил то, что стоило все восемьдесят, Иваны — тем, что получили такую сумму, хотя изначально были бы рады получить и пятьсот рублей. Вообще-то оба Ивана терпеть не могли интеллигентов, но на этот раз они с удовольствием вспоминали этого седого мужичка. Хрустальный глаз они решили дальше не светить и продать позже, при случае. Затарившись в городе бухлом и закусью, они поехали к Ивану в известный уже нам дом, отметить невероятно удачный день.

Приступая к трапезе, тот Иван, что был с усами, сказал:

— Можно пить пиво по-японски — с суши, можно по-немецки — с колбасками. А я люблю по-русски — с водкой!

Процесс, что называется, пошёл, и в конечном итоге друзья, выпив по литру водки и литра по четыре пива на рыло, устав от пьяных разговоров, прямо в одежде рухнули на кровати и блаженно восхрапели.

В эту ночь Ивану, тому, что был хозяином дома, приснился странный сон. Точнее, снов было множество, но через все как будто проходила одна связующая нить. Его как будто носило по различным мирам сновидений, но в итоге он рано или поздно оказывался рядом с лошадью, причём сзади. Далее следовал удар

копытом невероятной силы. Эта ситуация повторялась за ночь неоднократно, но всякий раз после удара, куда бы тот ни попадал — в нос, в челюсть, в солнечное сплетение, в грудь, Иван буквально физически ощущал, как испускает дух.

Вообще, первый Иван был уверен, что ему сны не снятся. На самом деле они снились, но он никогда их не помнил. А вот сюжет с копытом ему почему-то запомнился. Проснувшись утром, часов в десять, Иван поделился этой информацией с другом. Но второй Иван только поспеялся и предложил скорее опохмелиться. Друзья незамедлительно налили по пятьдесят грамм и запили остававшимся пивом. И телу, и душе сразу стало легче.

По мере того как Иван вливался в состояние бодрствования, сон начинал казаться ему чем-то далёким, нереальным, будто нарисованным. А тут ещё вернулась с работы жена и хотела было начать ругаться по поводу устроенного бардака. Но хитрый Иван дал ей тысячу рублей из своего внезапного приработка и она, обрадовавшись, успокоилась.

Далее дни потекли своим чередом, с той лишь разницей, что вечерняя выпивка и закуска у Иванов стала куда щедрее. Но случайный барыш быстро иссяк, и друзьям пришлось переходить на обычный режим возлияний. А хотелось продолжить в прежнем. Поэтому встал вопрос о том, чтобы продать хрустальный глаз, и пробухать последнюю часть добычи.

Несмотря на то, что Иваны вместе квасили, они не доверяли друг другу, совершенно справедливо полагая, что если продавать хрустальный глаз пойдёт только один из них, то он обязательно обманет своего товарища. Поэтому они решили вместе пойти и попытаться счастья на базаре. Усатому Ивану пришла в голову здравая мысль попробовать продать глаз приезжим — либо цыганам, либо ещё кому. Собственно, местным предлагать такую штучковину было опасно — племянник ведьмы обнаружил кражу на следующий день, так как она попросила его последить за домом, и сообщил в милицию. А в руководстве местной милиции работали большие друзья ведьмы, не раз получавшие помощь от её чародейства. Потому на этот раз поиск воров вёлся не формально.

Правда, с ворами было разобраться сложно. Соседи ведьмы, заметив, что окно в её доме разбито, тем же вечером влезли внутрь по следам Иванов и попятели из дому немалую часть того, что пролезало в окно. Если бы племянник хозяйки приехал несколько дней спустя, там бы вообще мало чего осталось. Так что ведьме ещё в каком-то смысле повезло.

А наши Иваны наконец собрались и отправились на базар. Поехали они туда на телеге, куда была запряжена уже упомянутая белая лошадь. Вообще-то у первого Ивана был мотоцикл с коляской, однако у него в очередной раз отобрали права за вождение в нетрезвом виде, и срок наказания ещё не истёк. На лошадь же права были не нужны, к тому же она обладала

ещё одним, поистине неопенимым преимуществом. Хотя великий русский баснописец Крылов и полагал, что на свете не существует животного глупее лошади, лошадь кое-чего соображала и из любого места находила дорогу домой сама. На практике это означало, что Иван спокойно мог напиться до любого состояния и рухнуть в отключке, распластавшись на полу телеги. Итог был всегда один — рано или поздно он открывал глаза и обнаруживал себя в собственном дворе.

Но в тот день Иван чувствовал себя не очень уютно. Подскакивая в тряской телеге на колдобинах, он смотрел перед собой на переваливающуюся лошадиную задницу, и в его памяти как бы сами по себе всплывали эпизоды сна, в которых мышцы на точно такой же по форме части тела внезапно напрягались, после чего нога вздымалась, и следовал сокрушительный удар копытом. А лошадь Ивана была свежеподкованная... Снедаемый внутренним беспокойством, он ругался на свою лошадь и несколько раз бил её, но она, дура, не понимала за что.

Несмотря на неприятные ощущения Ивана, до базара они добрались вполне благополучно. В субботний день там былолюдно. Толпы народу слонялись от прилавка к прилавку в поисках выгодных покупок. В воздухе перемешались тысячи всевозможных запахов, стоял возбуждённый гул. Иван, положив хрустальный глаз в карман, каждую минуту проверял рукой его наличие, опасаясь воров-карманников. Вместе со своим другом он перемещался по базару,

делая вид, что выбирает товары, а на самом деле высматривал потенциальных покупателей.

В одном месте базар был особенно запружен. Здесь продавали дешёвое свежее мясо. Народ толкался, и Иван ещё больше напрягся по поводу содержимого своего кармана. Он положил руку на карман, и тут поток людей увлёк его. В результате он оказался в задней части рядов. Там какой-то бородатый мужик распрягал здоровенного мерина из фургона. В рядах было тесно, мерин нервничал и путался в сбруе. К тому же ветер приносил интенсивный запах свежего мяса, который привлекал ворон, но раздражал лошадь. Перетекавшие между рядами люди подтолкнули Ивана совсем близко к мерину. Увидев прямо перед собой здоровенную коричневую конскую задницу, Иван снова почувствовал себя неуютно. Он собрался было поскорее отойти, но в этот момент мышцы на конской заднице напряглись, и копыто с железной подковой со свистом понеслось в воздухе. Это раздражённый мерин решил со злости и в знак протеста что есть силы врубить по деревянному лотку, стоящему сзади.

Однако по лотку он не попал. Но, говоря словами Винни-Пуха, не то чтобы совсем не попал. Железное копыто с глухим ударом вошло в человеческую голову. Послышался звук падающего тела. Иван даже подумать ничего не успел — мимо него, буквально задевая его щетиной, стремительно пронеслась мышцатая лошадиная нога, поражая своей мощью. Отскочив, Иван машинально пощупал карман

и похолодел — хрустального глаза не было! «Украли!!! Сволочи!!!» — пронеслось у него в голове. Он стал оглядываться, пытаясь вычислить вора, и только тут заметил, что стоявший с ним рядом человек лежит на земле, его лицо разбито в хлам, а из ушей течёт кровь. «А что это у него блестит?» — спросил кто-то из толпы, и Иван увидел свой хрустальный глаз, который, по всей видимости, только что стащил погибший и даже не успел спрятать в карман. Первым импульсом Ивана было выхватить принадлежащее ему добро, но время уже было упущено.

Ситуация раскручивалась стремительно. Откуда ни возьмись, распихивая зевак, появился майор милиции, являвшийся одним из руководителей местного РОВД. Быстро оценив произошедшее, он уловил взглядом блестящий хрустальный глаз и загребущей пятерней моментально сцапал его. «Наконец-то! — выдавил майор. — Мы нашли его! Вот кто ограбил дом целительницы!». Несмотря на грозные слова, лицо милиционера светилось такой радостью, что казалось, он был готов расцеловать покойного. «А что это такое? Что случилось? Кого нашли?» — посыпались вопросы из толпы.

Счастливый майор был щедр на объяснения. «Недавно кто-то ограбил дом одного уважаемого человека, — начал он. — Украли разные вещи, но самой ценной из них был хрустальный глаз на позолоченной цепочке. Причём ценность его заключалась не столько в финансовой стоимости, сколько в духовной

силе». Услышав из уст майора нехарактерное для этого типа людей словосочетание «духовная сила» окружающие буквально затаили дыхание. В свою очередь, увидев, с какой жадной жадностью народ слушает его слова, майор ощутил прилив чувства собственной значимости и гордо продолжил рассказ: «В древние времена у одного из библейских героев, царя Навуходоносора, были волшебные кони. Они обладали редкой выносливостью, но не это было их главным козырем. Лошади приносили удачу своим всадникам и, кроме того, имели колоссальное чутьё. Они сами выбирали дорогу, которая всегда оказывалась верной. Всадники, предоставив свободу своим коням, могли пройти сквозь болото и не утонуть, могли обойти засады врага и найти самый безопасный путь домой. Всё, связанное с этими лошадьми, хранилось в строжайшей тайне, поэтому даже в Библии про них ничего не написано. Однако сложилось так, что через пару столетий волшебные кони постепенно вымерли. А некоторых сожрали дикие народы, хавающие конину! Отдельные потомки этих дикарей живут и в нашей стране, — отвлёкся майор, исподлобья посмотрев на стоявшего у лотка татарина. — Но, по преданию, жрецам удалось частично сохранить волшебную силу коней, переведя её в специальные магические предметы. Эти предметы тоже приносили удачу, помогали выбрать наилучший путь, принять правильное решение, способствовали ясновидению. Одним из них был хрустальный лошадиный глаз, по образцу которого сделан

и этот», — майор поднял хрустальный глаз на цепочке и показал толпе.

При внимательном рассмотрении стало ясно, что глаз действительно был лошадиным, а не человеческим — об этом говорили и увеличенные размеры, и особенности формы. «Конечно, этот глаз не с библейских времён, но тоже старый. Это очень ценная вещь, которая до сих пор приносит пользу людям», — гордо подытожил майор.

Иваны стояли рядом в растерянности. С одной стороны, конечно, хорошо, что теперь обвинения в краже из дома ведьмы будут повешены на этого парня, с другой — как жалко, что буквально из рук уплыла такая ценная вещь. Да ещё это копыто... «Вот ведь как бывает, — подумал Иван. — Приснится какая-нибудь фигия, а потом и наяву случается. Совпадение». Подумав так, Иван навсегда забыл об этом совпадении, так как, с его точки зрения, более думать о нём было нечего. Он подошёл к своему другу, и они, понуриив плечи, пошли прочь, испуганные произошедшим, а также расстроенные и возмущённые поведением вора, всё-таки умудрившегося спонерить волшебный глаз.

Шедшие рядом люди говорили каждый о своём. «Да, сегодня наш посёлок уменьшился на одного человека», — грустно сказала пожилая учительница истории, шедшая позади. А с другой стороны послышался возбуждённый и радостный голос: «Слышишь, Вань, свинья-то моя разрешилась, наконец! Шесть поросят! Я уж думал, подохнет, старая она! Ан нет!» «Вот

так, — в свою очередь подумал Иван. — В чём-то население посёлка уменьшилось, а в чём-то — и увеличилось...» — сделал он философское заключение и повернул к пивному ларьку.

**ГРИГОРИАН
ПОДМОСКОВНЫЙ**

Летнее утро было солнечным и приветливым. Оторвав голову от подушки, Григорий Евгеньевич услышал звуки, которые очень ценил — специфические, сельские звуки. Их нельзя было встретить нигде, только в деревне. Вот вдалеке прокукарекал петух, замычала корова, где-то совсем рядом, с бляением, прошло стадо овец, которых соседка гнала на пастбище, направляя громкими окриками и длинной хворостиной. Вот, завывая изношенной трансмиссией, проехал куда-то древний уазик главного агронома. А вот, в углу избы, содрогнувшись всем телом, включился холодильник, изготовлённый в 60-х годах XX столетия, но всё ещё исправно несущий свою службу.

Григорий Евгеньевич обожал этот звуковой фон, и с тех пор, как переехал жить в деревню, с удовольствием вслушивался в него каждое утро. Но это утро отличалось от других. В худшую сторону. Голова болела, очень хотелось спать, однако уснуть тоже не удавалось. «Что ж, надо вставать!» — подумал он и, привстав на кровати, огляделся.

Особого беспорядка в комнате не было. По крайней мере, по сравнению с обычным её

состоянием. На полу, среди сброшенной второй одежды, валялось несколько пустых бутылок из-под водки и пива, объедки воблы, обёртки от плавлёного сыра... Вдоль стен были расставлены холсты с незаконченными картинами, на столе было огромное количество маленьких баночек с красками, палитр, кистей и прочих принадлежностей художника.

Григорий Евгеньевич был не только светским художником, но и иконописцем. Иконы он полюбил ещё в раннем детстве. Когда бабушка впервые привела его в храм на службу, маленький Гриша был до глубины души поражён богатством и красотой церковного убранства, потрескивающим мерцанием горящих свечей, строгостью таинственных образов, внимательно взирающих на прихожан из полумрака... Тогда он решил, что когда вырастет, обязательно станет священником и будет работать в храме, будет своим в этом прекрасном «доме Бога». Но детские мечты так и остались мечтами. В отрочестве идея принять духовный сан отошла на второй план, а вот художественные способности продолжали напоминать о себе. Гриша любил рисовать, это получалось у него лучше всех в классе. В результате, окончив школу, он с первого раза прошёл вступительные испытания и, несмотря на огромный конкурс, без всяких взяток поступил в Суриковское училище.

Однако тяга к церкви сохранилась, и, став профессиональным художником, Григорий часто откладывал в сторону полотно, над которыми работал на продажу, и писал иконы. Так

сказать, для души. Через некоторое время это увлечение тоже стало прибыльным — когда рухнула советская власть, в Россию пришла мода на христианство, стали открываться храмы, некоторые люди начали обустривать иконостасы у себя дома. В результате спрос на иконы скачкообразно возрос. Естественно, не каждый мог позволить себе купить качественную икону, написанную профессионалом высокого класса — большинство народа приобретало репринты, но тем не менее клиентуры у Григория Евгеньевича было достаточно — ведь буржуазно-криминальное сословие тоже не миновала мода на православие. Деньги лились рекой, поэтому через некоторое время он даже мог позволить себе бесплатно расписывать отдельные бедные приходы, которым было не по средствам нанять мастера такого уровня, как он.

Кроме этого, Григорий Евгеньевич любил выездную работу в восстанавливающихся русских монастырях. Как правило, монастыри располагались на природе, и появлялась отличная возможность отдохнуть от городского шума и суеты, семьи и от детей, от хамоватых богатых клиентов... Правда, в монастырях было туго с развлечениями, но Григорий Евгеньевич никогда не тяготел к тому, чтобы, как говорится, «отжигать» по полной. Для отдыха ему было достаточно бутылки и гранёного стакана, а ещё — хорошего собеседника. Впрочем, при необходимости он легко обходился и без последнего.

Пить Григорий Евгеньевич приучился ещё в общежитии Суриковского училища, где творческая молодёжь вела весьма раскованный образ жизни. Эта привычка сопровождала его всю жизнь, однако в последние годы приобрела настолько большие масштабы, что сказалась на семейной жизни. Жена реагировала на его пьянство очень нервно, хотя ничего плохого он не делал — ни к кому не приставал, тем более не дрался и не скандалил, а, напившись, обычно просто шёл спать. Тем не менее ей казалось, что жить надо по-другому и она сама устраивала скандалы, по глупости своей полагая, что таким образом сумеет отвратить мужа от пристрастия к зелёному змию. В конце концов, это надоело им обоим, и в какой-то момент супруге Григория Евгеньевича пришло в голову, что лучше его отселить в сельскую местность — подальше от друзей и коллег. Писать картины всё равно где, но, может быть, свежий воздух и близость к природе сподвигнут мужа к здоровому образу жизни. В результате глава семьи купил дом в деревне и стал там жить, а семья приезжала к нему на выходные, хотя и не каждый раз.

Григорий потянулся, встал с кровати и включил огромный электрический титан — нужно было подогреть воды и помыться. Его плохое самочувствие отодвинулось куда-то в сторону, когда он вспомнил, что недавно жизнь его началась будто сызнова, и теперь он не просто хороший художник, а духовный лидер, пришедший на землю с миссией спасения человечества. Нет, даже более того. Спасать

человечество любили многие — даже Джеймс Бонд приложил к этому свою волосатую руку, сражаясь против организаций, грозящих уничтожить мир. Но миссия Григория Евгеньевича куда выше — он пришёл спасать не от ядерной бомбы, не от экологической катастрофы, а от Страшного Суда. И уполномочен на то с самого верха — лично «Богородица» объявила ему о доле избранника. После этого он принял новое имя — Григориан и возглавил созданную им организацию «Истинно православный русский институт трубящих спасение», или сокращённо — ИПРИТС.

А началось всё так. Однажды Григорий Евгеньевич отмечал с друзьями-художниками открытие одной престижной выставки картин, на которой его творчеству был отведён целый зал. Будучи чужды гламуру, они не пошли в ресторан, а воспользовались доступом в подсобное помещение выставки, куда притащили водки, всякой дорогой закуси типа икры и белой рыбы, и там злоупотребили. По дороге домой это дело было ещё отшлифовано пивком, так что в свою квартиру Григорий Евгеньевич добрался уже в порядке изменённого состояния сознания.

Дома не было ничего необычного. Дочь уже спала, сын ушёл в Интернет, а жена опять принялась возмущаться его поздним приходом и основательным возлиянием, говорить, что от него прёт перегаром и прочую тому подобную ерунду. В таких ситуациях Григорий обычно ложился спать в своей мастерской, под

которую была отведена самая большая комната их четырёхкомнатной квартиры. Вот и в этот раз он, умывшись, направился в мастерскую, однако в коридоре, вероятно, о чём-то задумавшись, не рассчитал траекторию и задел плечом стеллажи с книгами. Одна из них упала, да так хитро, что умудрилась отлететь ему под ногу, в результате он споткнулся об неё и тоже чуть не упал. Возмутившись, Григорий пнул вредоносную книгу, послав ей вслед внушительную матерную тираду этажей из пяти. Из спальни высунулась жена и прошипела, чтобы не орал, сцуко, на весь дом, а то дочку разбудит.

Григорий Евгеньевич согласился и потянулся, чтобы поднять книгу — в конце концов, такие вещи нужно беречь. Подняв, он увидел, что это была Библия — маленький подарочный томик в красивом переплёте, который как-то презентовал ему настоятель одного из крупных российских соборов, когда они вместе обмывали в ризнице завершение росписи этого храма.

Григорию Евгеньевичу стало стыдно за такое обхождение со святой книгой, он нежно взял её двумя руками, обдул пыль, протёр обложку, проведя ей по рубашке на пузе, и взял с собой в мастерскую. «Почитаю минут пять перед сном», — подумал он, открывая Библию наугад.

«И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить, — возвестила случайно открывшаяся страница. — Первый Ангел

вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зелёная сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевлённых тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде “полынь”; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Четвёртый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была так, как и ночи.

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трёх Ангелов, которые будут трубить!»

Григорий Евгеньевич отложил книгу, лицо его опечалилось. Зародившись где-то внутри, его вдруг охватило странное беспокойство. Мысль о неизбежной гибели всего мира, природы, людей, искусства, картин великих мастеров, что хранятся уже столетиями, на этот раз как-то по-особому поразила Григория, хотя он задумывался над ней и раньше. «В чём же тогда смысл нашей жизни? Жить и ждать, пока не

подохнем?!» — возмутился он. Нет, надо было что-то срочно делать. Но прямо сейчас сделать ничего уже было нельзя, поэтому Григорий Евгеньевич решил хотя бы выпить. Обходя расставленные повсюду полотна, часть из которых уже была почти закончена, а часть — только началась, он подошёл к бару и резко распахнул дверцы. К его удивлению, всё спиртное из бара куда-то подевалось, остались только пустые бутылки из-под вина, сложенные обратно в бар, видимо, чтобы не валялись где попало. «Кто-то уже всё выпил...» — разочарованно констатировал Григорий Евгеньевич, и тут взгляд его упал на початую бутылку дорогущего коньяка, которую ему подарил какой-то новый русский бандитского вида, расплачиваясь за шикарную икону в рамке с натуральной позолотой, написанную Григорием Евгеньевичем по специальному заказу.

Григорий Евгеньевич молча взял бутылку, ловким движением руки извлёк стакан из-за одного из холстов и, дунув в него, чтобы очистить от пыли, поставил на стол и наполнил коньяком. Коньяка хватило почти как раз, разве что немножко не доставало до краёв. Григорий Евгеньевич внимательно посмотрел на стакан, сосредоточился, после чего поднёс его к губам и залпом осушил.

— А... а... а... а... ах!!! — разгорячёно выдохнул он, похлопав себя по груди.

«Наверное, такие коньяки пьют не махом, а смакуя, побалтывая в широком бокале», — подумалось ему.

— Но мне ведь только стресс снять, — сказал он уже вслух в своё оправдание и приподнялся со стула.

Григорий стал ходить туда-сюда по мастерской в ожидании благотворного эффекта от принятого, но эффект где-то задерживался. «Ну вот, и тут ничего не получается!» — с горечью махнул он рукой и направился к кровати.

Разбросав в разные стороны джинсы, рубашку, носки и тапочки Григорий Евгеньевич рухнул на кровать. Но по его ощущениям он рухнул куда-то в глубину, будто кровать провалилась, явив вместо себя люк в отчаянную бездну. Он летел куда-то в пустоту, а вокруг него, словно в невидимом кинотеатре, начинали разворачиваться какие-то странные, пугающие сцены. Григорий Евгеньевич смотрел на эти психоделические картины, и ему становилось страшно. В какой-то момент он понял, что видит сон, только какой-то необычный, каких раньше не было, но проснуться был не в силах и продолжал смотреть. Наконец во сне что-то изменилось. Григория будто кто-то схватил за шкирку и потянул вверх. Теперь он двигался в обратном направлении, правда, с не меньшим ускорением. Будто в самолёте, набирающем скорость по полосе, Григорий поднимался из бездны, в которую был низринут, пока наконец не очутился на поверхности. Поверхность оказалась его кроватью, над которой, он не сомневался, по инерции тело подскочило сантиметров на двадцать, а может даже на тридцать, не в силах умерить ход стремительного подъёма.

Он сел на кровати и огляделся. Вроде всё в комнате осталось как было: разбросанная одежда, множество холстов, кисти, краски. Немного посидев и придя в себя, он уж было собрался аккуратно лечь на другой бок и продолжить спать, как вдруг услышал под кроватью какой-то шорох. «Кошка, что ли, спряталась?» — мелькнула у него мысль, но в тот же момент Григорий понял, что это не кошка.

Из-за края кровати высунулась лохматая чёрная голова с чёрным морщинистым лицом, крупными жёлто-коричневыми глазами, которые светились в темноте, будто в них были встроены лампочки, и острыми коричневыми рогами сантиметров по пятнадцать в длину.

— Ч-чёрт!!! — сдавленно вскрикнул Григорий и увидел, как в ответ лицо необычного гостя расплылось в радостной негритянской улыбке.

Чёрт потянулся к Григорию своими морщинистыми когтистыми руками, то ли для того чтобы обняться за встречу, то ли чтобы заграбастать его, но великий художник, не согласный ни на первое, ни на второе, шустро сдвинулся всем телом назад, вытянув при этом руки и схватив чёрта за рога. Чёрт замер от неожиданности.

Григорий Евгеньевич ощущал своими ладонями прохладную и шероховатую поверхность рогов, слышал бешеное биение своего сердца, ощущал, как по его лицу стекают несколько капель пота, и ему нечем было их смахнуть. Что делать дальше он не знал, но тут откуда-то

услышал ласковый, но твёрдый и уверенный женский голос: «Отпусти его!».

Григорий поднял глаза и увидел, что перед ним стоит странно одетая женщина, как будто сошедшая с очередной иконы Богородицы, работу над которой он как раз заканчивал. Удивляться было некогда. Отпускать чёрта не хотелось, а держать становилось всё сложнее, так как чёрт тоже хотел повернуться на голос и стал вырываться.

— Отпусти, говорю, не бойся! — повторила женщина. — Мои ребята за ним присмотрят.

Григорий Евгеньевич оглядел мастерскую повнимательнее и узрел, что около каждой иконы теперь стояли люди. Именно такие, каких он рисовал. «Сошли с полотен! — мелькнула у него мысль. — Воплотились!!! Моя комната наполнилась святыми!!!»

Последняя мысль шокировала Григория Евгеньевича даже больше, чем встреча с чёртом. Он считал себя человеком глубоко верующим, и такое внимание к его скромной обители выглядело чем-то невероятным. Тут же он вспомнил, что в дальнем конце мастерской стоит картина с африканским пейзажем, которую он писал для гостиной одного высокопоставленного чиновника. В числе прочего на ней были изображены десятка два крокодилов. «А не попрут ли вслед за святыми крокодилы?» — задумался Григорий, но голос женщины прервал ход его мысли.

— Да отпусти ты чёрта, наконец! — в третий раз сказала она. — Что ты в него вцепился!

Чёрт задёргался ещё сильнее. Растерявшийся Григорий ослабил хватку, рога выскользнули из рук, чёрт метнулся куда-то в сторону, но было поздно — сошедшие с холстов святые уже успели приблизиться к кровати и теперь окружали её полукругом.

— Стоять! — крикнул один из них чёрту и попробовал схватить его.

Чёрт развернулся и бросился в противоположную сторону, но там мощным ударом в поддых его встретил другой святой — здоровенный бородатый дядька сурового вида. Святые навалились на чёрта и потащили куда-то за большой мольберт, а женщина, опознанная Григорием как Богородица, подошла к кровати и продолжила разговор.

— Тебе неспроста напомнили о конце света, — сказала она. — Ибо конец сей близок. Но Господь призрел на тебя и даровал тебе святую миссию: ты должен повести за собой людей и спасти мир. У тебя есть шанс!

— Но почему я? — искренне удивился Григорий. — Ведь я не праведен и не добр. Скорее, наоборот — я грешен и пьющ. И на иконах делаю бабло...

— На самом деле в глубине души ты добр и праведен! — ответила женщина.

— Да-да, где-то в глубине, где-то очень глубоко, — поддержал её из-за спины какой-то святой из числа тех, что не занимались чёртом. Его голос показался Григорию Евгеньевичу каким-то ехидным, а фраза — знакомой, будто он её уже где-то слышал, может быть, в старом фильме.

Григорий попытался рассмотреть его, но в темноте было плохо видно. Зато хорошо было слышно, как за большим мольбертом святые от души дубасили чёрта. «Ногами бьют, и, возможно, по лицу! — подумал Григорий. — Прямо как менты!»

— Не отвлекайся! — строго сказала ему женщина. — Ребята немного разомнутся и успокоятся!

— Но что же я могу сделать? Как я поведу людей, как смогу спасти мир? — с отчаянием в голосе спросил Григорий Евгеньевич, вернувшись к основной теме.

— Ты сможешь, ибо ты избранный. Тебе будет указан путь! — ответила ему женщина.

Григорий хотел спросить ещё что-то, но внезапно в глазах у него всё помутилось. Впрочем, он не был точно уверен — может, это помутилось в комнате, во всяком случае фигуры святых стали какими-то расплывчатыми, их будто заволокло туманом, и они как бы стали растворяться. Звук ударов, которые продолжали со всех сторон сыпаться на чёрта, тоже зазвучал будто издалека, и Григорий Евгеньевич почувствовал страшную усталость. Он непроизвольно опустился на кровать и сразу же крепко заснул.

Проснулся он утром, часов в десять, с сильной головной болью. С трудом встав с кровати, он подошёл к бару и поискал там что-нибудь опохмелиться. Однако со вчерашнего вечера ничего не изменилось, разве что исчезла початая бутылка коньяка — теперь она стояла на

столе совершенно пустой. Рядом пустел стакан со следами коньяка. «Это я, что ли, вчера его допил?! — сокрушённо подумал Григорий. — Не стоило этого делать! Тогда и голова бы так не болела, и на утро чуток осталось бы!»

Он решил одеться и направился было к окну, так как именно около него на полу валялись штаны, но на полпути резко остановился и вздрогнул, будто от удара тока. В его сознании во всех деталях всплыл вчерашний, как ему казалось, сон. Сны он помнил очень редко, практически никогда, а вот этот — помнил, причём так ясно, будто всё это произошло минуту назад наяву. Чувство реальности было настолько сильным, что, позабыв про штаны, прямо в трусах, Григорий Евгеньевич стал хватать недописанные иконы и проверять, все ли святые на месте, не слинял ли кто вчера ночью, но всё было в порядке. Закончив со святыми, он подошёл к африканской картине и тщательно пересчитал всех крокодилов на ней. Крокодилов не убавилось.

Ночное происшествие произвело на Григория Евгеньевича основательное впечатление. С этих пор в его творчестве появилась новая нотка. Он стал писать угрожающие, апокалиптические картины, исполненные невиданных чудищ, странных сцен гибели мира, причудливых образов страшного суда и тому подобного. Объединённая общей тематикой и элементами художественного исполнения, эта серия его картин тем не менее была весьма богата разнообразными сюжетами, которые приходили

к Григорию сами, неизвестно откуда. И хотя на этом поприще Иеронима Босха он не превзошёл, полотна такого рода активно раскупались народом, причём по высоким ценам, что сделало его и без того безбедное существование ещё более обеспеченным.

Но деньги, и раньше находившиеся в его жизни не на первом месте, теперь интересовали его ещё меньше. Григорий Евгеньевич целыми днями думал о том, как же он может выполнить миссию, возложенную на него Господом, как поведёт за собой народ и спасёт мир от конца света. Ему обещали указать путь, но время шло, а пути он так и не знал. Что делать? А может, ему сообщали, а он не заметил? Подобные мысли всё чаще посещали художника. Но вскоре ситуация изменилась.

К этому моменту он уже жил в деревне, однако в тот день оказался в Москве. Семья уезжала отдыхать в тёплые страны, а он приехал их проводить. Когда все убыли, Григорий позвал друзей и, пользуясь полной свободой, устроил застолье на кухне. Поскольку из трёх приглашённых двое не пришли, а бухла куплено было на всех, Григорию с его гостем пришлось нелегко. К ночи их здорово раскумарило.

Товарищ решил пойти домой и покинул кухню, но ушёл ли он или затерялся где-то в просторах огромной квартиры, заснув на полпути, Григорий не знал. Сам он собирался немного покурить на кухне и пойти спать, но удалось только первое. После того как он выкурил сигарету, его сморило, он начал крениться вперёд и

в конце концов упёрся лбом в клеёнку на столе. В таком положении он и восхрапел.

Проснулся Григорий Евгеньевич уже ближе к утру. Спалось плохо, голова трещала, руки затекли, в груди было жарко, а в пояснице — холодно, так как она оголилась и в неё дуло из окна. Но больше всего раздражало его не это. Кухня была наполнена пренеприятнейшим звуком — где-то за стеной, совсем рядом, надсадно гудела труба. Гудела громко и беспрерывно. И судя по всему, давно. Григорий попробовал отогнать этот звук, но он был столь навязчив, что захватил все его внимание. Что-то притягивало в этом звуке, а может, и не в нём самом, а в какой-то серии ассоциаций, с ним связанной.

«Труба, звук...» — растерянно прошептал Григорий, и тут в сознании у него произошла как будто вспышка, его словно озарило изнутри, и он понял, что проблема, так мучившая его в последнее время, разрешена.

Что нужно делать, чтобы ангелы не вострубили и конец света не настал? Как умаслить Господа, ублажить его, заставить сменить гнев на милость? Нужно вострубить самим!!! В древние времена, как написано в Библии, в жертву ежедневно приносили животных, ибо запах горящего мяса был «приятен Господу». Затем от этой практики отказались, и в храмах стали жечь лампы и свечи. Однако теперь и эти средства устарели. Вместо вечной лампы сегодня нужен вечный трубный звук. Лампа своё отработала. Трубный же звук, исполненный с благоговением, вознесётся ко Господу,

и увидит Он в звуке этом знак преданности и послушания. Господь воспримет отправляемое таким образом славословие и отсрочит конец света, а то и вовсе отменит его. Кроме того, в голове Григория Евгеньевича рисовалась странная, необычная картина, которую ему сложно было выразить словами, но он как бы видел, что трубные звуки с земли наполняют вибрацией тонкоэнергетическую сферу, по которой уносятся в космос, где воздействуют на ось судьбы человечества, отклоняя её в благую сторону.

Вслед за этим к Григорию стали приходиться более чёткие мысли, как будто кто-то надиктовывал ему прямо в голову. «Звук вышибают звуком. Если люди будут трубить долго и слаженно, то ангелы, возможно, и не вострубят. Трубление — это форма молитвы. Трубить, как и молиться, нужно минимум два раза в день. По выходным необходимо устраивать особые трубления, по праздникам — ещё более особые, торжественные и продолжительные. Подобно молитвенным собраниям следует организовывать трубящие собрания и т. п. В отдельные даты необходимо всеобщее трубление...» В общем, вырисовывалась целая программа. Позабыв про большую голову, Григорий схватил бумагу и всё записал, после чего с чувством огромного облегчения лёг на кровать и блаженно заснул.

Проснулся он во вполне здоровом и бодром состоянии, что было странно, учитывая вчерашнее. Бережно убрав свои ночные записи,

Григорий навёл порядок на кухне и отправился в деревню. Главный вопрос он разрешил, но остался другой, тоже непонятный вопрос: как трубить? На настоящей трубе он играть не умеет. Получится малоприятная какофония, которая вряд ли станет популярной. К тому же трубы у него нет. Если рассматривать массовое распространение нового учения, то дело ещё хуже. Григорий Евгеньевич стал вспоминать, у кого из знакомых крестьян дома есть труба или какой-нибудь иной духовой инструмент, и не вспомнил ни одного. Один пастух, правда, играл на баяне, но баян здесь не подходил. «Значит, нужно искать другой способ трубления, общедоступный, который не требует особых навыков. Для этого нужно найти какой-то простой предмет, в который можно трубить и который каждый человек легко может достать!» — сделал конструктивное заключение Григорий. Но что это за предмет, оставалось загадкой.

Григорий думал над этим всю дорогу, не смог остановиться и по прибытии. Погружённый в размышления, он стал ходить по комнате, беря в руки то одно, то другое и пытаясь дуть в найденное. Однако трубный звук не шёл — ни один предмет не звучал. Ничего не получалось.

В процессе своих поисков Григорий Евгеньевич наткнулся на бутылку пива и обрадовался ей. Недавно к нему в деревню приезжали друзья-художники. Они привезли с собой пару ящичков. Бутылки запрятали в сервант, чтобы не пришлось угощать соседей, если те вдруг

зайдут, а когда доставали, одну, видимо, не заметили. Теперь она пришлась весьма кстати. «Господь послал мне вдохновение!» — подумал Григорий и сделал несколько больших глотков. Держа бутылку в руках, он уже, скорее, автоматически начал дуть в неё. Этот процесс оказался увлекательным. К тому же несколько раз дунув, можно было запить, увлажняя горло. И настойчивость Григория была возблагодарена. Через некоторое время, когда бутылка была практически полностью выпита, в ответ на своё дуновение он услышал мощный трубный звук. Оказалось, что бутылка вполне может гудеть, если дуть в неё особым образом.

— Вот оно!!! — крикнул Григорий Евгеньевич. — Нашёл!!!

Он был в восторге. Чтобы должным образом испытать находку, он стремглав помчался в сельский продмаг, купил с десяток бутылок пива и, расставив их по полу в виде магического круга, приготовился экспериментировать. Получилось неплохо. В частности, выяснилось, что трубить в бутылку 0,33 проще, чем в 0,5. «Значит, их можно использовать для обучения новообращённых!» — заключил Григорий Евгеньевич. До глубокой ночи из-за двери его комнаты раздавалось странное гудение, смолкшее лишь тогда, когда иссякли последние капли пива. Григорий ощутил, что вместе с ними иссякли и остатки его сил, и повалился на кровать. Он был счастлив. Проблема побеждена. Завтра же он приступит к реализации наказа «Богородицы»!

Дело закрутилось. Имея деньги, разнообразные связи и будучи вдохновлённым высокой миссией, возложенной на него, как он думал, самой «Святой Марией», Григорий Евгеньевич действовал активно. Во время бизнес-возлияния он посвятил в свои планы одного из своих деловых партнёров — пиарщика из официальных структур, который за комиссию подгонял Григорию высокопоставленных покупателей картин. Пиарщик вдохновился идеей. Впрочем, вряд ли самой идеей — ведь к нему не приходили святые, но проект показался ему перспективным. Вернувшись в Москву, пиарщик стал разрабатывать бизнес-план. В это время в деревне Григорий Евгеньевич накропал краткий манифест «Трубящих спасение».

В числе прочих манифест включал следующие положения:

«Каждый мужчина обязан вострубить Господу хотя бы единожды в день. В пятницу следует практиковать особое трубление, знаменующее благополучное завершение трудовой недели. В субботу трубление также должно быть особым, ибо оно, кроме прочего, воздаёт хвалу Всевышнему за ниспосланное время досуга и душевное отдохновение. Особость трубления заключается в большей его продолжительности, а также в глубокой проникновенности процессом. Неделя завершается торжественным воскресным трублением.

Трубить можно не только в бутылки, но и другие предметы общего пользования. При этом важно не привлекать к себе ненужного

внимания. Мы не навязываем свою веру, мы её практикуем. Поэтому, если приходится трубить на людях, то можно делать это беззвучно. Беззвучное трубление взывает к Господу не менее сильно, ибо самое главное — суть, отношение к процессу в душе, нежели формальные наружные проявления.

Избегая ненужного внимания, не следует скрывать тайну веры от заинтересовавшихся — надлежит передавать им истину, ибо таким образом они получают величайший дар — возможность собственного спасения и участия в спасении мира».

И далее в том же духе. Текст завершился подписью — Григориан Подмосковский.

Через неделю из Москвы вернулся пиарщик, вполне плодотворно поработав. В ответ на манифест Григориана, который тот гордо положил перед ним на стол, он открыл свой кейс и достал оттуда вполне профессионально сделанный бизнес-план.

— Ты что, и деньги предполагаешь на этом зарабатывать? — настороженно спросил Григориан, ознакомившись с документом.

— Зарабатывать — не совсем правильно сказано, — деликатно ответил пиарщик. — Видишь ли, чтобы продвигать веру твою, нам понадобятся средства: чтобы печатать наши брошюры, арендовать помещения, подкупать продажных чиновников и т. п. А на первых порах и инструменты для трубления раздавать придётся! Поэтому мой план предусматривает такую конструкцию бизнес-процессов, которая

обеспечит нам некоторый приток средств. Что тут удивляться? Ты, когда в храм Христовый идёшь, бабло в ящик со щелью суёшь?

— Сую! То есть, в смысле, приношу церкви свою скромную жертву! — ответил Григориан.

— Ну вот! Значит, у нас вырисовывается вполне церковная организация. Так что ты тут окучивай народ, а я пока в Москве прошупаю возможность регистрации нашего сообщества как некоммерческого религиозного объединения!

— Окучивают тут картошку! — строго поправил пиарщика Григориан. — А я, подобно светочу, иду в народ со спасительной истиной, дабы даровать ему свободу! Истина сия вдохнёт в него силы, подобно глотку воды страждущему в пустыне!

— Ну ладно, ладно. Иди, значит, в народ, вдувай в него истину. А я пока этой истине юридическое оформление организую, — примирительно сказал пиарщик.

На том и порешили.

Поход Григориана в народ был успешным. Казалось, судьба благоволит новоиспечённому духовному наставнику. Первая половина лета была очень засушливой и жаркой. Крестьяне обоснованно беспокоились за судьбу грядущего урожая. Григориан решил прийти на помощь и однажды, собрав с десяток своих сторонников, отправился вечером в поле. Там они на видном месте разожгли большой костёр и расположились вокруг него, изготовившись трубить. Дело было в

пятницу, поэтому трубление происходило по особой, насыщенной церемонии. Деревенские жители с интересом посматривали в сторону поля.

Сначала оттуда доносились лишь негромкие трубные звуки, либо продолжительные — когда использовалась пивные бутылки, либо отрывистые — когда водочные. Через какое-то время звуки стали громче, начали раздаваться трубные возгласы. Ещё чуть позже жители увидели, как вокруг костра в необычной пляске движется вереница фигур, возглавляемая Григорианом. Громкие выкрики доносились с поля до глубокой ночи. Чем конкретно закончилось действие, никто уже не видел, однако на следующее утро дождь действительно пошёл. Было ли это простым совпадением или нет, никто точно не знает, но молва быстро разнесла весть о чудотворных способностях истинно православного художника.

В другой раз, на празднике в райцентре, когда на городской площади собралось много народу, состоялась дискуссия между Григорианом и настоятелем главного городского храма. Так случилось, что дискуссия оказалась публичной. По странной для светского государства традиции в числе выступающих на торжественной части, помимо градоначальника, должен был толкнуть речугу один из православных иерархов. Однако он не приехал, альтернативные варианты также оказались недоступны, в результате пришлось выступать упомянутому настоятелю.

Не успев толком подготовиться, тот не был в состоянии в течение всего отведённого времени говорить о глобальных вещах, поэтому перешёл на вещи локальные. Обличая районные пороки, он коснулся и детища Григориана — общества «Трубящих спасение». Обозвав их новоявленной псевдоправославной сектой, настоятель перешёл на личности — в частности, стал резко критиковать Григориана, обвинять его в ереси, шарлатанстве, пьянстве и отступничестве, высмеивать идею спасительного трубления и убеждать народ в том, что трубление — прерогатива ангелов, а человеку что труби, что не труби — ничего не изменится.

Григориан тоже был на городском празднике. Он стоял в стороне и потихоньку потрубивал, спрятавшись за угол ларька «Роспечати», чтобы менты не помешали божественному процессу, по неразумию своему, перепутав его с употреблением пива в общественном месте. Речь настоятеля задела Григориана. Дело было даже не столько в обидных словах, прозвучавших публично. Это можно было легко пропустить мимо ушей. В конце концов, он-то знал, что есть истина, и великодушно прощал заблудших. Задело Григориана другое. Он был хорошо известен не только в художественных кругах, но и в церковных как иконописец. И вот стоило ему лишь призвать народ помолиться Господу особым способом, как тут же все его предыдущие заслуги оказались забыты, и он мигом оказался причисленным ко врагам церкви.

Григориан в несколько глотков осушил бутылку, отставил её в сторону и прошёл к трибуне. Глядя на настоятеля снизу вверх, он представился и предложил побеседовать подробнее на тему спасения и тех, кто его трубит. Сидящие в президиуме удивлённо посмотрели на него, а настоятель, не ожидавший такой встречи, — ещё и испуганно. Впрочем, испуг его быстро улетучился.

Просто одетый — в дешёвых чёрных джинсах и красно-серой рубаше с коротким рукавом, с брюшком, свисающим над ремнём, и добрым, открытым лицом — Григориан не внушал угрозы. Скорее, он представлялся лёгкой добычей, над которой можно безнаказанно поглумиться. Лоснящиеся, холёные хари городского начальства ехидно заулыбались. Предвкушая потеху, Григориана пригласили к микрофону, рассчитывая, что тот публично осрамится, а мудрый брадатый настоятель даст отступнику достойный ответ.

Завидев такое незапланированное развитие событий, толпа притихла, сосредоточив внимание на Григориане. Хотя из числа слушателей почти никто не интересовался ни традиционным православием, ни его необычными модификациями, всем было интересно, кто же это такой — лидер «Трубящих спасение» и сможет ли он одолеть сурового настоятеля.

По сравнению с последним Григориан действительно смотрелся бледновато. На фоне сверкающего парадного облачения, украшенной всевозможными прибабасами поповской

шапки Григориан в своей простецкой рубашке и джинсах выглядел совершенно по-народному. Однако, вдохновлённый троекратным трублением, он не спасовал и гордо изрёк:

— Неколебим я в вере своей, ибо истинно верую в Бога Отца и Сына Его — Иисуса Христа, и в пресвятую мать — Деву Марию!

По толпе прокатился одобрителный гул.

— Законен путь мой. Ибо на протяжении веков избирал Господь пророков своих, которым говорилось: иди и глаголь! Так и мне явилась Богородица и наставила меня на путь мой. И я глаголю не по воле моей, но по воле пославшего меня! — торжественно продолжал Григориан, с пафосом подняв вверх указательный палец. — И горе тому, кто пришёл повергнуть моё учение! Ибо великая сила стоит за мной! Если Бог с нами, то кто против нас?!

Его голос, многократно усиленный мощными динамиками, гремел над площадью. Народ притих.

— Повергнуть? — проблеял в образовавшейся тишине настоятель, — да кому ты нужен, ё, связывать с тобой! Другие дела есть! Я только хочу, чтобы правда восторжествовала!

— Правды хочешь?! — гаркнул Григориан в ответ. — Быть тому! Восторжествует!!! Придет в твою жизнь правда!

На этом диалог и закончился, потому как градоначальник, увидев, что смешной сценки не получается, согнал обоих с трибуны. Но скоро выяснилось, что закончился только диалог, а история с настоятелем — ещё нет.

По прошествии нескольких дней одна из монахинь поздно вечером пошла в храм, где этот настоятель служил. То ли она там что-то забыла, то ли ещё для чего — сейчас уже никто не вспомнит. Храм был закрыт, однако из подсобного помещения до неё донеслись странные, неподобающие звуки. Монахиня испугалась и решила, что в храм проникли грабители. Подумать так было немудрено, поскольку в районе уже ограбили несколько церквей. Поэтому она позвонила в милицию.

Милиционеры прибыли по вызову быстро, однако вместо грабителей обнаружили в подсобке самого настоятеля в обществе проститутки. Дальнейшее выяснение обстоятельств показало, что проститутка была несовершеннолетней.

Это событие было моментально растиражировано местными газетами. Не забыли и про Григориана, напороочившего настоятелю, кстати, отцу троих детей, торжество правды.

Благодаря случаям такого рода авторитет Григориана усиливался, популярность секты росла. Скоро, с помощью пиарщика ему удалось официально оформить своё некоммерческое религиозное сообщество, упоминавшийся выше ИПРИТС — «Истинно православный русский институт трубящих спасение», и получить все необходимые разрешительные документы. Помимо написания картин, жизнь Григориана наполнилась духовными беседами с народом, которые он проводил с воодушевлением и весьма качественно, так как был довольно

начитанным человеком. Вечерами они все вместе шли куда-нибудь трубить. Хотя, как отмечалось выше, для этого процесса можно было использовать любые предметы, все, кроме детей, почему-то пользовались исключительно бутылками. То ли потому что пока бутылка была не пуста, ей можно было промочить уставшее от трубления горло, то ли ещё почему... Количество трубящих росло с каждым днём.

Тогда пиарщик, давно бывший правой рукой Григориана, предложил провести Всероссийский Конгресс Трубящих Спасение.

— Какой же он всероссийский? — удивился Григориан. — Нас ведь только в одном районе знают.

— Правильно. Но это до Конгресса. А после — будут знать по всей стране! Смотри, как народ к тебе тянется!

И Григориан дал своё согласие. Среди членов «Трубящих спасение» нашлось достаточно активистов, вызвавшихся помочь. Из них организовали Инициативный комитет. Но путь к проведению не был лёгок.

Во-первых, вопреки воле Григориана трубящие довольно быстро сумели заработать неоднозначную репутацию. То есть, в целом, они ничего плохого не делали, наоборот, вели богобоязненный образ жизни: старались следовать заповедям Господним, а вечерами — трубили и зывали к Богу. Некоторые мужчины трубили и по утрам. Неоднозначность же репутации была вызвана эпизодами, значение которых по сравнению с масштабом всего духовного движения

представлялось ничтожным, однако именно они обрели известность и подпортили имидж.

Например, Трубящих обвиняли во враждебном отношении к православной церкви. Григориан, всю жизнь считавший себя истинно православным, был крайне возмущён. Он выступал перед народом, яростно доказывая, что Трубящие есть передовой фронт православия, пролагающий путь к спасению и стремящийся объединить всех христианских братьев. Это помогало, но слухи всё равно ходили — а виной пара мелких, незначительных конфликтов, подобных тому, что произошёл между диаконом главного городского собора и одним из активистов Трубящих — Стасом.

Хотя в тот день была обычная среда, а вовсе не пятница, Стас решил вострубить с особой торжественностью. Он тщательно подготовился. В тот день он был в городе у своего брата. Купив две бутылки пива, он откупорил обе и отпил из каждой примерно по трети. Далее достал бутылку водки объёмом 0,33 и разлил её в пивные бутылки, скомпенсировав таким образом освободившийся объём. Спрятав одну из них в карман джинсовой куртки, он взял другую, вышел на улицу и стал трубить около автобусной остановки. Прохожие удивлённо косились на него, как на ненормального, когда отхлебнув, он принимался дуть в горлышко. «Не понимают! Им ещё не была открыта истина!» — снисходительно думал Стас. Полностью вытрубив первый сосуд, Стас ощутил прилив вдохновения, и ему захотелось чего-то особенного,

яркого. В это время до него донеслись звуки церковного колокола — в тот день был какой-то праздник — и он решил направиться к храму, чтобы вострубить там.

Понимая, что в храм, да ещё во время службы, с бутылкой его не пустят, он встал напротив и начал трубить, попеременно то задирая голову и созерцая блистающий купол, то глядя перед собой на происходящее в храме, когда входные двери приоткрывались. Его религиозный экстаз нарастал.

Но через некоторое время рядом нарисовался толстый очкастый диакон, от которого благоухало кагором, и в довольно развязной форме потребовал прекратить бухать перед храмом. Попытка прервать благоговейное трубление и самоуверенное поведение возмутили Стаса, и его душевное равновесие поколебалось. «Поповская рожа! Отступник!» — рывкнул он и с размаху обрушил на голову диакона бутылку, предварительно убедившись в том, что там осталось немного жидкости, и потерять её ради достойного ответа было не жалко. Осколки стекла разлетелись во все стороны. В голове у диакона помутилось, он покачнулся и навалился на Стаса, обхватив его руками. Однако Стас был не намерен мириться. Гнев его ещё не утих. Прорывав что-то невнятное, он ударил диакона коленом в под дых, после чего сорвал с него очки, сломал их пополам и шмякнул о землю и лишь затем убежал.

«Ну, проявил человек свою мелкую человеческую слабость, а его теперь обвиняют в

религиозных распрях! — сокрушался Григориан по этому поводу. — Нет бы вспомнить о христианском человеколюбии и всепрощении!» Но о человеколюбии никто так и не вспомнил — вспоминали в основном Трубящих, причём нехорошими словами.

В другой раз по наущению пиарщика несколько активистов сообщества были посланы в Москву, дабы торжественно вострубить у памятника Пушкину на одноимённой площади. Поручение было выполнено блестяще. Активисты не только трубили, но и раздавали листовки, содержащие истину о новой вере, предлагали вострубить вместе с ними, учили заинтересовавшихся получать нужный звук, дуя в горлышко. Когда вокруг них было уже человек десять, наиболее грамотный из активистов выступил с краткой, зажигательной речью. Это привлекло ещё большее внимание, начала собираться толпа. В конце концов, с площади их согнали менты, обвинив в несанкционированном митинге, и Трубящие вместе с присоединившимся к ним народом двинулись на бульвар, оглашая окрестности трубными звуками.

Спонтанное собрание, распространяя благовестие, продолжалось до позднего вечера, но после ситуация вышла из-под контроля. Основательно натрубленная толпа, в которой к тому времени остались в основном присоединившиеся на бульваре молодые люди, кипела энергией, которой требовался выход. Неофиты явно были готовы не только вострубить за веру,

но и сразиться за неё. С чего уж всё началось теперь выяснить сложно, но встретившиеся вскоре на их пути лица кавказской национальности были опознаны как враги православия, в результате чего патриотичная молодёжь принялась крушить им рыла и пинать ногами. Дальше — больше. Из остановившегося на светофоре «мерседеса» вытащить чёрного не удалось, но на машину обрушился град бутылок, основательно её покоцав. Затем было разгромлено несколько ларьков и разбита пара витрин, а после всех повязал приехавший ОМОН, при этом нескольких русских сильно избили.

Сообщение о данном инциденте появилось не только в газетах, но и на телевидении, причём Трубящих назвали новоявленной ксенофобской псевдоправославной сектой, представители которой якобы и организовали дебош. Сколько ни писали Григориан со своим пиарщиком писем в прессу о том, что Трубящие не виноваты, что на самом деле группа агрессивных настроенных кавказцев сама пыталась помешать православному молитвенному собранию, что дебош устроили не члены Трубящих, а какие-то совсем неизвестные люди, которые по собственной инициативе присоединились к Торжественному Трублению на бульваре — убедить никого не удалось. Правда, обвинения в ксенофобии, скорее, прибавили популярности ИПРИТСу, чем уменьшили её. Даже неприсоединившиеся к ним люди одобрительно говорили: «Может, хоть эти ребята избавят Россию от нехристи, порядок в стране наведут?»

Но, как бы ни затягивался процесс, ничто не могло остановить подготовку к Конгрессу. Например, разрешительные документы прибыли из райцентра с запозданием. Когда пиарщик сообщил Григориану, что все формальные проблемы решены и проведение Всероссийского Конгресса Трубящих Спасение санкционировано, Григориан послал одного из членов Инициативного комитета в город в качестве курьера, чтобы забрать необходимый пакет документов. Однако документы добирались до деревни почти два дня. Курьер, которого звали Андрей, объяснял это чистой случайностью.

Пока он добрался до города, пока ходил по официальным инстанциям, получая документы, прошёл весь день. Вечерело. Автобус, на котором планировал убыть Андрей, не пошёл, а до следующего было ещё полтора часа. Пришлось ждать. Стоя на остановке, чтобы не терять зря времени и памятуя о своей великой миссии — исполнить поручение Григориана, Андрей непрерывно трубил. По странной, без сомнения, дьявольской игре это сыграло роковую роль. Когда трубление завершилось и настал момент разобраться с «издержками производства», Андрей удалился в кусты, так как на остановке собралось много народу, а в это время подошёл автобус, на который Андрей уже не успел. Дело осложнялось тем, что автобус был последним, а денег на такси не было. Правда, какие-то деньги ещё оставались, поэтому Андрей протрубил всю ночь на автовокзале, а в деревню прибыл с первым же

автобусом рано утром, однако в таком состоянии, что не смог доложить Григориану по форме. «Слава Всевышнему, что хотя бы документы не потерял!» — с облегчением вздохнул Григориан.

Но наконец все перипетии были преодолены, и подготовка Всероссийского конгресса завершилась. Власти так и не позволили провести его на городском стадионе, в результате было выбрано другое место — лесной массив на берегу заброшенного карьера, который давно превратился в огромное озеро, весьма богатое рыбой. «Так даже лучше! — сказал по этому поводу Григориан. — Как истинные христиане мы должны быть ближе к природе! А после торжественных мероприятий народ сможет культурно отдохнуть!»

Конгресс проходил в выходные. К его организации основательно приложил руку московский пиарщик, похоже, вошедший во вкус. Без него, несмотря на все таланты Григориана, организовать такое мероприятие не удалось бы. Лес аккуратно был разделён на секторы белыми ленточками, была построена деревянная трибуна, установлены отхожие места, протянуты шланги с чистой питьевой водой и т. п. Предполагалось, что участники приедут со своими палатками, а у кого палаток не было, могли построить себе шалаши из подручного материала или взять палатку в аренду. Снабжение лагеря Трубящих приняли на себя местные бизнесмены, открыв несколько передвижных лавок, где по умеренным ценам (что

было заранее оговорено) можно было приобрести как питание, так и предметы для трубления. Приглашение на конгресс было платным и представляло собой красивый, отпечатанный в хорошей типографии, пригласительный билет ярко-оранжевого цвета. В итоге собралось несколько сотен человек и немало прессы.

И вот Конгресс начался. На трибуну поднялся Григориан и, поднеся бутылку к микрофону, торжественно вострубил. Трубный звук ударил из мощных динамиков и разнёсся по лесу. После этого Григориан обратился к собравшимся с пафосной речью. Он ещё раз повторил идеологическую доктрину Трубящих, воззвал к Господу, припомнил несколько красивых цитат из Библии. В завершение своей речи он сказал, что для обеспечения их деятельности и роста необходимо всем вместе согласовать ряд формальных вещей: принять эмблему организации, одобрить устав и т. п. Народ отозвался одобрительным гулом, и можно было не сомневаться, что все эти вещи будут приняты и одобрены. После Григориана на трибуну стали восходить разные выступающие, как мужчины, так и женщины, которые рассказывали о чудесах, сотворённых Григорианом или от его имени, или же в результате трубления. Восторг нарастал. Журналисты с интересом наблюдали за происходящим.

Один учитель литературы даже прочитал стихи, славословящие Григориана, в которых были такие строки:

*Его Богоматерь наставила в путь,
Он смело отринул судьбы произвол,
За Веру свою и Священную Русь
Пошёл он, и нас за собою повёл!*

*Вот профиль багровый свирепо трубит,
Пронзая пространство, взывает к Творцу,
Наш вождь всенародный воистину бдит,
Хвалу воздадим живописцу-трубцу!*

Услышав это, Григориан смутился, но пиарщик заметил его смущение и сказал: «Привыкай! Тебе придётся принимать славословия! Русский народ без вождя не может! Нам нужен свой Туркмен-баши, иначе никакое дело не заладится!»

Действо продолжалось. Когда эмоциональный накал дошёл до максимума, выступления были приостановлены. Григориан вновь вышел на трибуну и объявил о всеобщем трублении. «Необходимо вострубить от всего сердца, от всего своего существа! Воззовём же, братья, к Господу, воззовём всем бескорыстным помыслом своим! И да услышит нас Всемогущий Бог!» Он поднёс горлышко бутылки к губам и изготовился трубить.

Лес содрогнулся от мощного трубного звука, что родили к жизни сотни последователей Григориана. Столь сильный звук оказался неожиданностью. Он пронизывал всё вокруг, заставляя трепетать листья на деревьях, распугивая птиц и вызывая у непосвящённых томительное сосание под ложечкой. Казалось, что даже

рябь на поверхности озера вызвана не ветром, а именно этим звуком. Случайные прохожие, водители телевизионных машин, продавцы лавок и все остальные, кто не трубил, замерли, обернувшись в сторону трубящих. Бродячие собаки перестали чесаться и повернули головы. Вороны, собравшиеся было «во всё воронье горло...», поперхнулись и так и не каркнули. Воцарилось странное равновесие — трубный звук и тишина. Звук в тишине. Они подчёркивали друг друга, и это сочетание затягивало, будто волшебный водоворот.

Молодая журналистка местной газеты тихо сказала: «Да-а...!» Женская интуиция подсказывала ей, что скоро эта христианская секта станет самой популярной в России...

**ИЮЛЬСКИЙ
WEEK-END**

В деревне Кутяпкино вечерело. Тёплый июльский ветерок чуть слышно шелестел кронами деревьев, притомившееся за день солнце откатилось поближе к горизонту и, как будто расслабившись, стихло, умерив свой жар. В тени уже начала потихоньку собираться прохлада. Субботний вечер обещал быть прекрасным. Хотя и не для всех. В частности, двое местных жителей — Иван и Александр — никак не могли насладиться великолепием природы, ибо были снедаемы проблемами социального, духовного, а местами — и чисто физиологического порядка.

Основная проблема была в том, что вчера, возвратившись с работы, они начали вдохновенно отмечать пятницу, а в субботу — с энтузиазмом продолжили. И всё бы было ничего, но запасы спиртного у них иссякли, а источник его поступления внезапно оказался недоступен. Кутяпкино — деревня маленькая, магазинов в ней не было отродясь, а бабка Марфа, известная тем, что варит самогон качественно и с прилежанием, внезапно убыла в райцентр в больницу, чтобы ухаживать за своим сыном

Петькой. С Петькой произошла неприятная история.

Вкусив сверх меры маминого самогона, он восхотел весьма женщину. Ближайшая замеченная им женщина оказалась женой соседа, к которой он и приблизился, будучи неколебим в своём намерении. Никто не знает, в каком ключе развивалась бы ситуация, если бы внезапно с поля не возвратился домой сосед. Увидев Петьку, пристающего к его жене, он разъярился и стал прогонять сластолюбца. Петька испугался и поспешил удалиться. Сосед же по излишней горячности сразу успокоиться не смог, да и упускать удачный момент для атаки со спины было противно его природе, и он двинул удаляющегося Петьку по затылку, чем под руку подвернулось. Поскольку под руку подвернулась штыковая лопата, затылок несколько повредился, и Петьку пришлось госпитализировать. Из-за этой дурацкой истории и страдали наши друзья.

Они уже вошли в ритм, выпить хотелось неимоверно, а взять было неоткуда. Тогда Иван предложил: давай пойдём в Бочково, там всегда затариться можно. Александр подумал и согласился, хотя идти девять километров, но надо — значит надо. Без малейшего промедления друзья двинулись в путь. И надо отметить, преодолели его неожиданно быстро, даже не почувствовав. Видимо, благодаря столь весомому стимулу. Место, где вершилось самогонование, также нашлось будто само собой, и они отоварились. По пути друзья ещё

зашли в колхозный ДК, где взяли пива, хлеба и консервов из рыбных фрикаделек, после чего стали искать место, где можно было бы приткнуться, дабы без посторонних предаться возлиянию и передохнуть после дороги. Им не хотелось, чтобы кто-то вклинивался в их приватную беседу, и ещё меньше хотелось делиться самогоном с каким-нибудь безденежным алкашом. А таковой обязательно бы обнаружился и начал бы ходить вокруг них, причитая: «Ребята, ну налейте пятьдесят грамм, помираю!» Поэтому они вышли из деревни и двинулись к местному кладбищу. Там около крайних могил притулился куст сирени с аккуратной впадиной посередине, будто призывающей усталого путника остановиться, присесть и расслабиться, закутавшись в покрывало ветвей.

«Эх!!!» — радостно потёр руки Иван, расположившись внутри куста. Ивану было около сорока, хотя выглядел он больше чем на сорок пять. Его крепкое, мускулистое тело увенчивалось угловатой головой, широкое, испещрённое оспинами лицо укрывалось в окладистой чёрной бороде. Волосы разметались чёрными вихрами, в которых местами уже появилась седина. Работал Иван кузнецом в совхозной кузнице, имел шесть классов образования, но традицию чтил, иногда ходил в церковь, из десяти заповедей помнил не менее семи и даже специально, чтобы выглядеть в православном стиле, отпустил бороду. Друг его Александр, тоже лет сорока, выглядел ещё старше Ивана.

Он был на полголовы повыше, имел рыхлое тело с небольшим, но надёжно оформившимся брюшком, короткие светлые волосы, круглую голову и большие мешки под глазами. Сами глаза были серыми и большую часть времени ничего не выражали, являя собеседнику такую пустоту, что у городских, впервые встретивших Александра, порой по спине бежали мурашки. Впрочем, этот недостаток легко исправлялся, когда Александр принимал на грудь граммов 200-250. Тогда его глаза загорались, оживали, и он делался даже симпатичным, но ровно до того момента, как действие 250 кончалось, либо пока не начинался отходняк. Впрочем, последнее бывало, только если принять «по 250» удавалось несколько раз кряду, а так везло не всегда. По местным меркам Александр был очень образованным человеком, так как окончил сельскохозяйственный техникум и работал электриком.

Сейчас они оба были в приятном возбуждении. Иван открыл зажигалкой бутылку пива, опрокинул её себе в рот и выпил залпом, не отрываясь, по завершении смачно утерев рот рукавом. Пустую бутылку он аккуратно убрал в свой рюкзак, намереваясь после сдать. Тем временем Александр нарезал хлеб и откупорил консервы. К пиву он не потянулся, так как первую бутылку выпил ещё по дороге, а время следующей ещё не пришло. К тому же пиво они брали не чтобы его пить, а чтобы запивать самогон. Друзья давно подметили, что так он идёт веселее.

— Ну, понеслась! — строго сказал Александр и торжественно поднял свою кружку с отбитой в разных местах эмалью.

Пойло было отвратительным. Невероятно отвратительным. Даже столь профессионально подготовленным мужам с трудом удавалось проглотить эту едкую жижу. Они аж вздрагивали. А запах от неё исходил такой, что облачко комаров, кружившее над ними, быстро рассеялось. «Эх, где ж ты бабка Марфа... — грустно подумал Иван. — Надо ж было Ваське схватить именно лопату, ну, звезданул бы хотя бы граблями...»

Тем не менее процесс пошёл, и, коротая время за нехитрыми разговорами, ребята довольно скоро допили весь самогон и большую часть пива. Бухло не дремало. Казалось, что самогон пытается скомпенсировать свой непотребный вкус максимально мощным действием. А может, так оно и было. У Александра с необычной интенсивностью загорелись глаза, а Иван ощутил внутри себя недюжинную силу. Ему захотелось сделать что-то яркое, значительное, разгуляться и телом, и душой. Он встал, оглянулся, прошёлся туда-сюда, и вдруг его взгляд упал на одну могилу.

На ней стоял довольно высокий чёрный мраморный памятник, завершённый крестом, а на фотографии был молодой парень, скорее всего, корейской национальности. «Эй, Саня! Поди-ка сюда!» — крикнул Иван. Александр подошёл. «Смотри, эта узкоглазая сволочь православными крестами прикрывается! Ни хуя себе!!! Как тебе это? Мы, русские, этих монголо-

татар мочили-мочили, а он тут как ни в чём ни бывало лежит себе на нашем кладбище и в ус не дует!» — Иван свирепел на глазах. «Сейчас я тебе покажу!» — зарычал он, и, бросившись к своему рюкзаку, вытащил из него пустую бутылку и метнул её в памятник. Бутылка разбилась вдребезги, расколов наискось и овальную фотографию, в которую он случайно попал.

— Ты что делаешь! — возмутился Александр. — Офигел?! Бутылка денег стоит, её сдать можно!

Но Иван уже взял вторую, и через долю секунды она повторила судьбу предыдущей, с грохотом разлетевшись на сотни осколков. Александр хотел решительно остановить его, и уже открыл рот и сделал по направлению к Ивану шаг, чтобы прекратить безобразие, но, глядя на задор друга, не смог устоять и сам потянулся за бутылкой.

Метать стеклотару у друзей получалось метко, тем более что с полутора метров промахнуться нелегко, поэтому через несколько минут вся могила была усыпана осколками, а на памятнике остался висеть лишь маленький кусочек фотографии. В остальном же памятник пострадал несильно. Это ещё больше разозлило друзей.

Поняв, что пустые бутылки кончились и остались только полные, друзья, не сговариваясь, метнулись к соседним могилам, и каждый выломал себе калитку из ограды, что были сварены из железных прутьев. Довольно заржав, весело размахивая добытым оружием,

они поскакали к могиле корейца и стали что есть силы дубасить памятник. Это уже было результативней, чем метание бутылок, и скоро памятник был буквально снесён волной патриотизма.

Александр вернулся к сирени, сел на землю и, вытерев пот со лба, открыл бутылку пива. Отхлебнув, он посмотрел на часы. «Ничего себе! Надо домой поторапливаться!» И, напоследок помочившись на могилу корейца, друзья двинулись в направлении дома.

Правда, скоро они почувствовали, что идти стало невозможно. Навалилась усталость, слабость, хотелось всё бросить и лечь спать прямо на дороге. Посоветавшись, они решили не мучить себя и поискать ночлега в одной из деревень по пути.

Войдя в деревню, умудрённый житейским опытом Иван наметанным глазом придирчиво осмотрел окрестности. Проситься переночевать в богатые дома было бессмысленно, там не пустят даже за ограду. В том, что все богатые — сволочи, Ивану приходилось убеждаться не раз. Стучаться в бедные хаты тоже было чревато — эти, скорее всего, не откажут, но попросят выпить, а всё ценное уже было выпито ими самими, осталась лишь пара литров пива, дальновидно припасённая на утро. Поэтому Иван выбрал неприметный средненький, но опрятный и ухоженный домик, который скромно, будто бы стесняясь встать в общий ряд со своими соседями, отодвинулся немного назад и прижался к перелеску.

В этом домике жила бабка со своим сыном, которая из-за нехватки пенсии помогала цыганам торговать наркотой. К ней-то и обратились наши друзья. Выслушав просьбу, бабка согласилась пустить их в сарай, где хранилось сено. Сделала она это потому, что боялась их бурных протестов в случае отказа, а также поскольку думала, что в будущем они могут влиться в число её клиентов. Впрочем, все эти соображения промелькнули в её голове подспудно, не попав в луч сознания. На сознательном уровне она была абсолютно уверена, что пустила людей переночевать по душевной доброте и русскому гостеприимству.

— Только в сарае не курить! — строго сказала она напоследок. — Тут сено сухое, чуть что — мигом вспыхнет!

— Ну что ты, мать, конечно! — примирительно ответил Иван. — Мы же соображаем, сами себе-то, чай, не враги!

Бабка удалилась, а друзья стали устраиваться на ночлег. В сарае было жарко, хуёво пахло кроликами, сухое сено было на редкость колючим и жёстким, от прокалённой за день на солнце рубероидной крыши горячими волнами исходил запах битума, и по этим волнам, мерзко жужжа, плавали комары и мухи. Однако сосредотачиваться на подобного рода мелочах жизни у наших друзей уже не было сил. Они забрались на верхушку и уснули, не снимая сапог.

Александр спалось хорошо. Обычно его сны были такими же пустыми, как и его глаза, так что ночами его ничто не беспокоило. Того же

нельзя было сказать про Ивана. Ивану снился неприятный и даже угрожающий сон. Будто бы в пасмурную погоду он ходил по кладбищу, когда вокруг стала сгущаться тьма. Она сгущалась до тех пор, пока предметы стали едва различимы на расстоянии вытянутой руки. И тут во тьме появилось свечение. Свечение исходило из какой-то точки, возможно, располагавшейся где-то за кустами, похожими на сирень, и эта точка начала медленно приближаться к Ивану. Когда же она приблизилась, Иван увидел, что на самом деле это висящее над землёй облако, подсвеченное неярким серым цветом. Внутри облака стоял старец в длинных одеждах и пристально смотрел на Ивана исключительно строгим, орлиным взглядом, в котором чувствовалась отнюдь не старческая сила. За спиной у старца мелькали какие-то тени, и в одной из них Иван узнал того самого корейца в форме солдата российской армии, на чьей могиле они так весело покуражились.

Наконец старец что-то сказал. Слова его прозвучали пафосно, величественно и осуждающе. Иван их никак не мог разобрать, но на уровне интуиции ощутил, что старец говорит нечто, требующее ответа. «Ты чё, сука?!» — послышалось Ивану, хотя старец изрёк какую-то иную, более красивую фразу, но с тем же самым смыслом. Ивану стало не по себе. «Сгинь, сгинь!» — стал повторять он, интенсивно осеняя облако крестным знаменем. Однако оно, будучи, по всей видимости, исполнено сатанинской силы, продолжало на него наступать. Тогда Иван хотел

было въехать строгому старцу кулаком в рыло, но ужас объял его, и он, завизжав, как поросёнок, отскочил назад и почувствовал, что падает в пропасть. В этот момент он проснулся.

Ивана всё ещё трясло от страха, но оглядевшись, он стал постепенно приходить в себя. Он понял, что находится в сарае, и довольно скоро сообразил, что это чужой сарай. Тишина июльского лета немного успокоила его. Для дальнейшего успокоения Иван решил немного покурить и спустился на пол. Достав папиросу, он зажжёт спичку, и в этот момент, осветив сарай бледным светом, перед ним явилось то же облако и вновь начало надвигаться на него. Глядя Ивану прямо в глаза, старец опять что-то строго сказал. «Ты чё, сука?!» — ещё раз послышалось ему. «Твою мать, так это был не сон!» — ужаснулся Иван. От страха его ноги подкосились и сел задницей в сено, уронив горящую спичку. Сено вспыхнуло. Дальше отступать было некуда. Собрав последнюю волю в кулак, Иван что есть силы заорал: «Иди на хуй, падла!!!» — и бросился на старца, стараясь со всего размаху врубить ему кулаком в седобородую челюсть. Однако облако моментально рассеялось, и Иван, пролетев через его остатки, больно ударился обо что-то твёрдое у противоположной стены. Оглянувшись, он увидел, что стог вспыхнул и огонь стремительно разрастается.

Надо было срочно спасаться. Выхватив из огня свой рюкзак, Иван моментально выскочил на улицу. Тем временем в сарае раздались крики Александра, который проснулся, потому

что начал гореть. Спрыгнув с пылающего стога, он выскочил из сарая в дымящейся одежде и что есть силы заорал на Ивана: «Ты чё, сука?!!!» Иван пытался что-то ответить, но вышло невразумительно.

А сарай уже пылал. От криков проснулись хозяева и выбежали во двор. «Говорила я, не кури в сарае!!!» — заорала бабка, а её сын, взъярившись, подобно дикому зверю, схватил вилы и бросился на Ивана, так как именно тот первый оказался в поле его зрения. Иван, всё ещё будучи в шоке, не смог должным образом отреагировать. Отступив на пару шагов назад, он остановился, на что-то наткнувшись, и с ужасом наблюдал, как прямо на него, замахнувшись для удара вилами, несётся разъярённый бородатый мужик. «Вот и всё!» — подумал он. Ивану вдруг вспомнилось, как год назад он точно такими же коваными вилами убил соседскую собаку, с размаху вогнав их по штык ей в грудь, за то, что она слишком противно, на его взгляд, лаяла, играя с детьми на лужайке напротив его дома.

Но вдруг мужик исчез, будто провалившись сквозь землю. Точнее, именно туда он и провалился, поскольку во дворе строился колодец, о котором мужик в пылу гнева забыл и низвергся. Иван же об этом не знал и продолжал стоять, как парализованный, ожидая, что сейчас внезапно исчезнувший мужик появится вновь и таки припорет его вилами. Но мужик не появлялся. Видимо, приземление в колодец прошло не слишком удачно. Недаром он был довольно

глубок. Из-под земли раздавались звуки, с трудом поддающиеся описанию. Наверное, что-то подобное мы могли бы услышать от медведя, которого научили хрюкать.

Из ступора Ивана вывел Александр:

— Хули встал?! Валить пора! Уже и дом загорелся! А то скажут, будто бы мы подожгли!

И он, сунув в руки Ивану его рюкзак, потащил друга прочь. Когда они вышли со двора, Иван наконец осознал происходящее в должной мере, и они стремительно побежали. Александр считал, что нужно уйти так далеко, чтобы не было видно пожара. Но даже с нескольких километров было заметно, как пожарище освещает чёрное июльское небо. Поэтому друзья бежали и бежали неведомо куда, пока совсем не обессилели.

Им казалось, что они попали в совсем уж пустынное место, и здесь их никто не найдёт, даже если захочет. Надо было останавливаться на ночлег вторично. Теперь это оказалось проще. Найдя на поле копну соломы, друзья разлеглись на ней. В отличие от сена в него-степриимном сарае, солома была мягкая, кроликами не пахло. Над головой было мерцали звёзды, а приятный ночной ветерок охлаждал их разгорячённые тела. Расслабившись, они моментально погрузились в сон, и разбудило их только ласковое утреннее солнце.

На землю приходило утро, воздух прогревался. Чувствовалось, что день обещает быть жарким, даруя то тепло, которого так порой не хватает осенней и зимней порой. Однако

прелести погоды вновь не могли порадовать друзей. Для них важнее была погода внутренняя, которая в данном случае характеризовалась словосочетанием «с бодуна». Поэтому, едва проснувшись, друзья запустили руки в свои рюкзаки, которые они не бросили даже в столь чрезвычайных обстоятельствах и вытащили оттуда по бутылке пива. Осушив их, они ощутили, что жизнь всё-таки продолжается. Иван встал, закурил и оглянулся. К его удивлению, место, показавшееся им вчера пустынным, было окраиной большого посёлка. Друзья быстро поняли, где они находятся, попутно осознав, что убежать им вчера удалось довольно далеко, а значит, и возвращаться домой тоже придётся не близко. Но делать нечего, надо идти.

Они встали, зашли в посёлок, где купили в дорогу по несколько бутылок пива, и уже собрались было повернуть в сторону родной деревни, когда внимание Ивана привлёк местный храм. Его только что отреставрированный купол ослепительно сверкал на солнце, контрастируя с ярко-голубым небом и редкими кудрями белых облаков. Картина была завораживающей, и Иван несколько секунд не мог оторвать от неё взгляда. Наконец он восхищённо сказал: «Слава Богу, что мы русские и православные, а не урюки какие-нибудь!», перекрестился и поклонился храму в пояс. После этого поудобнее перехватил сумку с пивом, и друзья неспешно зашагали по направлению к дому.

**ВАСЯ
ПРОСТРЕЛИ РЫЛО**

Тот, кто бывал в сельской глубинке, легко может вообразить себе эту картину: прохладным июньским вечером огромная луна на чистом небе светит так ярко, что кажется, будто настала белая ночь. Мягкий лунный свет падает на темнеющие крыши сельских домов и верхушки деревьев, светлой змеистой ленточкой по земле тянется узкая дорога... Жизнь в деревне уже успокоилась, воздух наполнился тишиной, нарушаемой только звучащим в удалении собачьим лаем. Лай, то хриплый и басовитый, то звонкий и визгливый, подобно звуковым всполохам, возникает то тут, то там, как своего рода переключка между брехливыми друзьями человека. Они далеки от созерцания красоты ночного пейзажа, в их носастых головах вертится совсем другая картина... Да что там картина — целый мир со своими желаниями, ролями, границами, кланами, стаями и многим другим. Псы, днём сидящие на цепи, ночью целиком погружались в свою пёсью жизнь. В целом, она была у них неплоха и, казалось, будет так продолжаться и дальше — откуда, в конце концов, в деревне, пусть и крупной, могут взяться революционные изменения? Так

бы оно и было, не появившись однажды в Тульской губернии люди искусства.

Без них эта история никогда бы и не произошла. А дело было так. Когда-то в тех местах снимали экранизацию романа Льва Толстого «Война и мир», а точнее — сцену охоты. Для этой цели пейзаж был, действительно, весьма подходящ: удивительной красоты холмы, поля и перелески позволили воссоздать неповторимую картину барских развлечений семнадцатого века. В съёмках участвовало много собак — породистых, мощных, откормленных. Однако когда съёмки закончились, собаки стали не нужны, и прагматичные, но жестокосердые режиссёры, подсчитав, что довольно длительная процедура реализации собак не окупится, просто выбросили их и уехали. Голодные стаи наводнили близлежащую деревню... Мало никому не показалось.

Алчные до жратвы хищники сразу поняли, что поймать в поле зайца куда сложнее, нежели украсть у крестьянина курицу. Поэтому подворья стали подвергаться массированным атакам и понесли большие потери. Пропадали не только куры, но и свиньи, бараны, козы, а о тихоходных утках, гусях и индюках и говорить нечего. Псы даже умудрялись каким-то образом открывать кроличьи клетки и вытаскивать оттуда их пушистых обитателей. Понятное дело, что крестьяне, которые в отсутствие духовных ценностей были весьма привязаны к материальным, от этого очень страдали, и к тому были основания: кто прокормит крестьянина, кроме

него самого? Защита в виде отрядов дворняг не помогала. Крайне озлобленные длительным сидением на цепи деревенские псы по той же самой причине были весьма слабо развиты физически, и поутру хозяева часто находили их с перерезанными глотками и выпущенными кишками. В такой ситуации надо было что-то срочно предпринимать. Жители собрались на сходку и, обдумав различные варианты, ополчились.

Войнадвуногих с четвероногими продолжалась относительно недолго и стала победоносной. Всего через пару месяцев часть киношных собак деревенские жители перебили, а часть — приручили. Особых потерь крестьянское воинство при этом не понесло, но в одном из ночных рейдов двадцатипятилетний плотник Вася случайно застрелил сухонького шестидесятипятилетнего пенсионера по кличке Киссоныч, буквально с пятнадцати метров влупив тому заряд двенадцатого калибра в пунцовую харю. В произошедшем Киссоныч был виноват исключительно сам, поскольку, вопреки договорённости, вместо того чтобы стоять на фланге и загонять собак на стрелков, сам зачем-то полез в зону обстрела. Однако Вася получил три года колонии-поселения за убийство по неосторожности, так как районные официальные лица решили, что «в России во всём должен быть порядок» и нехорошо, когда труп есть, а наказанных — нет. Вдгонку от односельчан он получил ещё кличку — Прострели Рыло, которая затем привязалась к

нему на всю жизнь и даже серьёзно изменила последнюю.

Этот эпизод быстро стал новостью номер один, породив множество обсуждений — ведь в однообразной крестьянской жизни так не хватало острых новостей, которые бы могли развлечь народ. Но вскоре он также быстро и забылся, и деревенская жизнь продолжилась в прежнем, размеренном ритме, как будто и не было в ней никогда ни Васи, ни Киссоныча. О следах роковой ошибки напоминал только бережно подвязанный ствол молодого побега яблони, который, падая, сломал своим телом подстреленный Киссоныч и который, как только тело убрали, был тут же вновь возвращён к жизни заботливыми руками хозяина участка, по имени Тихон.

Но сказать, что в деревне совсем не произошло никаких изменений, было бы неправильно. Изменения были, да ещё какие. По сравнению с ними простреленный колган Киссоныча выглядел сущим пустяком. В деревне полностью обновился кадровый состав собак. Предыдущее собачье сообщество практически иссякло. Его убыль началась ещё во времена набегов на скотные дворы, а продолжилась во время противостояния и после него, так как новые псы, уже будучи прирученными и одомашненными, постепенно загрызли практически всех своих бывших оппонентов, когда и тех и других спустили ночью с цепи на прогулку. Отдельных друзей человека застрелили сами хозяева, если хотели сменить своих ординарных дворняг

на лохматых собак-артистов из съёмочной группы.

Жители старались не зря — уж больно хороши были собаки. Их отличительной чертой был не только превосходный экстерьер и отменные физические данные, но и исключительная злобность. Постепенно таким собакам нашлось место на каждом дворе, а в большинстве случаев — даже несколькими. Собака в деревне была не роскошью, но острой необходимостью, так как процветало тотальное воровство, и надо было от него защищаться. Воровали все — и те, кто занимался этим на постоянной основе, и случайные прохожие и проезжие, да сами жители не упускали случая попятить что-нибудь у соседа. Соответственно, чтобы заранее припугнуть потенциального вора, на заборах развешивались таблички с предупреждениями. Многие при этом старались выделиться, сделать табличку запоминающейся. В основном оригинальность касалась формы табличек, их размера и цвета. Содержательная же часть надписей не сумела воспринять печати творческого поиска. Но были и исключения.

Это мог наблюдать Вася Прострели Рыло, когда направлялся к своему другу Павлу, по кличке Додон. Васю освободили досрочно, так как родственники смогли собрать денег на взятку, и теперь спустя полтора года он снова шёл по родной деревне, на каждом заборе читая ярко оформленные надписи: «Осторожно! Злая собака!». Или: «Злая собака! Осторожно!». Только в одном месте он прочитал: «Если пёс

тебя укусит, я скажу ему спасибо!». Конкурировать с этой надписью могла лишь другая, неподалёку: «Если пёс тебя укусит, над тобой заржу, как лошадь!». Она располагалась на калитке Павла-Додона.

Павел радостно встретил Васю, всем своим видом показав, что заржать он готов ещё до того, как гостя укусил пёс. Надо отметить, что Додон сам чем-то напоминал лошадь — высокий, тощий, с длиннющей рыжей гривой. Глядя на него, многим приходила на ум фраза «конь в пальто». С Васей они дружили с детства, и Додон был первым, к кому пришёл Вася после освобождения из заключения.

Додон поставил на стол полуторалитровую бутылку самогона, приготовленного его матерью, Вася достал пол-литровую бутылку, наполненную под самую пробку самогом, который, соответственно, приготовила Васина мать. Началось застолье, в процессе которого Додон рассказывал Васе все деревенские новости за полтора года его отсутствия, а Вася, соответственно, описывал особенности жизни в колонии-поселении.

Одной из таких особенностей был запрет на употребление спиртного, в случае нарушения которого имелся риск загреметь в настоящую зону, поэтому пить надо было очень аккуратно. Несмотря на то, что Вася вовсе не был алкоголиком, он от этого очень страдал. Поэтому теперь в гостях у Додона Вася, образно выражаясь, с удовольствием опрокидывал рюмку за рюмкой. Настоящих рюмок у них не было, а пили они из

стаканов, похищенных в своё время Додоновой матерью из столовой детского сада. Во время культурных возлияний стакан было принято считать рюмкой, если его наполняли не более чем на четверть.

Когда друзья садились за стол, им казалось, что говорить они могут вечно: столько нового накопилось с момента вынужденного Васькиного отъезда. Однако спустя всего пару часов за столом образовалась какая-то пустота, срочно требовавшая заполнения и ещё более натягивавшаяся оттого, что заполнить её было нечем. И тут с улицы раздался тонкий блеющий голос: «Будьте здоровы!» Додон выглянул в окошко. Во дворе стоял сухощавый пожилой человек, с седой бородой, в очках с толстой оправой и довольно длинными седыми волосами, заплетёнными сзади в косичку. «О! — обрадовался этому явлению Додон. — Сейчас, Васька, я тебе прикольного чувака покажу. Приехал один придурок из Москвы, я ему комнату сдаю. Какой-то он там экстрасенс, духовный лидер, член Общества истинных православных, почётный старец, специалист по карме и так далее — чёрт его разберёт. Рассказывает интересно, только не понятно ни хрена!»

Старец оказался за столом, и Додон наложил ему полную тарелку картошки с луком, а ещё отрезал толстенный кусок чёрного хлеба и щедро посолил его. Дедушка вежливо поблагодарил, отказавшись от мяса, так как, по его словам, его употребление забивает энергетические каналы.

— А, может, по стопарю накатим, отец? — бодро предложил Вася, но Додон замахал на него руками.

— Что ты! Они не пьют!

— Да-да, — поддержал его старец. — Духовный человек употреблять спиртное не может. Это ведь страшный яд! Кроме того, он портит ауру! А ещё духовный человек не курит и не пьёт кофе!

«Нелегко быть духовным человеком! — подумал про себя Вася. — И на фига это надо!»

— А что ж тогда духовный человек делает? — спросил он вслух старика.

— О! Многое! Духовный человек постигает духовность, исследует волю Бога, дабы принять её, нести слово Божие в массы и вести за собой заблудшую паству, учить её правильно жить и правильно обращаться со своей энергетикой!

— Ну, энергетика, это, конечно, хорошо. А вот если о чём, о жизненном — вот ты, например, дедушка, дрова колоть умеешь?

— А то! — запальчиво ответил духовный старик. — И получше вас с Пашей!

На лице у Васи отразилось сомнение, которое было невозможно скрыть. Однако старец, казалось, был рад такой реакции. Он вскочил из-за стола и потащил всю компанию во двор, как будто ему не терпелось продемонстрировать своё мастерство.

И, правда, старик оказался весьма ловким. Профессиональным ударом расколов несколько чурок, он обошёл по кругу весь двор, в процессе чего продемонстрировал, что вполне сведущ

в вопросах приусадебной агрономии, выращивания сельскохозяйственных животных, плотницком и скобяном деле и тому подобных вещах, а также немного разбирается в кроликах. Теперь на лице Васи отражалось неподдельное уважение.

— Да, у такого человека, безусловно, можно учиться духовности! — заключил он.

Закончив презентацию собственного мастерства, удовлетворённый старец вернулся за стол, ведя за собой двух друзей, где начал свою душеспасительную беседу. Обстановка за столом уже изменилась: со стороны Васи и Додона исчезло прежнее пренебрежение к старику. Напротив, они слушали его с благоговейным вниманием, лишь изредка, как будто украдкой, потягиваясь к бутылкам, чтобы обновить дозу самогона в стакане.

А старик как будто ожил. Он говорил с таким напором и силой, будто проходя по саду, умудрился сыскать и тайком сожрать молодильное яблоко. Он говорил о бренности и ничтожности жизни, которую ведут все люди, особенно Вася и Павел, о том, что нужно верить в Бога и следовать его заповедям, иначе тот разозлится и свирепо покарает, доказывал, что православие есть единственная истинная религия, а все остальные идут от сатаны, а католики, кроме этого, ещё и предатели Христа и т. д. и т. п. После этого старик перешёл на энергетику, вполне убедительно увязав разговор об обязанностях христианина с особенностями эксплуатации чакр, видами тонких тел и энергий, вредными

и полезными продуктами, влияющим на энергетику, учению Рерихов и Блаватской... Казалось, его невозможно было остановить.

Но через некоторое время от общетеоретических вопросов он перешёл к конкретике, а именно — к судьбам Паши и Васи. Основательно раскритиковав образ жизни, мышления и мироощущения первого, он приступил ко второму.

— Здесь ситуация гораздо серьезнее! — сказал он побледневшему Васе. — Ты задумывался, как ты здесь оказался? Почему ты здесь сидишь? Почему киряешь самогон?

— Ну это, типа, к другу пришёл... А самогон кирую, потому что он у нас есть... — неуверенно ответил Вася.

— А почему ты именно сейчас к нему пришёл?

— Ну, давно его не видел...

— А почему ты давно его не видел?

— Ну, в тюрьму посадили ни за что... Ну, не совсем в тюрьму, а в колонию-поселение...

— А почему тебя посадили?

— Ну, я был не виноват...

— Нет, если это с тобой случилось, значит оно не случайно! Всё, что с тобой происходит, это не случайно, и здесь ни при чём обыденные категории «виноват — не виноват». Кстати, в чём тебя обвинили?

— Ну, в убийстве по неосторожности. Завалил случайно одного мужика из нашей деревни.

— Завалил? По неосторожности? Как это произошло?

— Ну, охотились мы на собак. Я стрелять хорошо умею, поэтому был среди основных стрелков. Мы заняли позицию у дома Тихона, сзади возле хлева притаились, а мужики с боков должны были собак загонять. Там у Тихона молодой сад насажен, деревья совсем маленькие пока, просторно, вот мы и решили, что если мужики с двух сторон туда собак загонят, собаки вперёд на нас побегут, и мы их перекокаем с полпинка. А Киссоныч, мудака, полез зачем-то в сад, что ему там надо было — чёрт его знает, очень видно старался помочь. И вроде вылез-то он всего метра на два, но там же темно, ни пса не видно, я смотрю — мелькнуло что-то, ну, думаю, как близко уже собаки оказались, и шмальнул скорее с верхнего ствола. Тут и другие стрелять начали, в общем, шум-гам, туда-сюда, а когда всё стихло, пошли собак собирать, да начали с другого конца. Несколько собрали, а потом смотрим — валяется херня какая-то, подошли поближе — а это Киссоныч лежит, рылом в землю уткнулся. Мы его повернули, а у него в полрыла дыра прострелена. Короче, туда-сюда, расследование, ментовка, экспертизы... Оказалось, что это я ему рыло прострелил. За это мне деревенские погоняло придумали — Вася Прострели Рыло, а в райцентре три года поселения вкатили... — закончил своё невесёлое повествование Вася.

Он ожидал, что сейчас старец с новой силой начнёт рассуждения о православном долге, добре и зле, но тот неожиданно спросил:

— А что это вы на собак охотились? Охотятся обычно на кабанов, на копытных там

всяких, ну, на худой конец, на медведей. Но на собак — первый раз в жизни слышу. Вы что их едите? Или шкуры на шапки используете? И где вы собак в таком количестве берёте?

В ответ Вася от начала до конца рассказал историю появления киношников, съёмки фильма с последующим сбросом собак и начавшейся вследствие этого войны. Свой рассказ он закончил словами:

— А собак мы не едим. Их люди не едят. Хотя свиньям можно скормить, те сожрут. И на шапки тоже редко получается. Ведь для этого точно в башку бить — а попробуй попади собаке в башку! Она ведь шустрая, башкой туда-сюда вертит! А калибр у нас большой, и пули разрывные. Вот шкуры и портятся. Хотя иногда, конечно, если выйдет прямо на тебя, так и уложишь её прямо в рыло!

— В рыло! В рыло!!! — вдруг закричал старец, от возбуждения даже вскочив со стула. — В этом-то всё и дело! Вот где собака зарыта!!! Это самое главное! Здесь ключевой момент! Это твоя кара, что ниспослал тебе Господь! Неспроста у тебя появилась такая кличка! Это знак свыше! Ты много грешил, пренебрегал заповедями Христовыми, не следил за своими чакрами, за чистотой своей ауры и тем самым навлёк на себя Божье наказание! Случай с Киссонычем — совсем не случайность! Это Бог послал слугу своего — ангела, и тот направил твою руку так, что ты выстрелил Киссонычу в лицо! Или, как у вас выражаются, в рыло! Теперь это твой крест, и ты будешь нести его, пока не

искупишь многогрешия своего, особенно возлияния, блуда и сквернословия! Признавайся, ругаешься матом?

— Ну, — ответил смущённый Вася.

— Матерящийся да не войдёт в Царствие Небесное! — громко и торжественно произнёс старец, гордо подняв вверх указательный палец правой руки, испачканный в сливочном масле.

— А как же Киссоныч? — вмешался в разговор логически последовательный Додон. — Его что, тоже ангел специально под пули вытолкнул, чтобы Ваську наказать? Или он случайно под руку подвернулся?

— Ничто не случайно! Киссоныч был ещё более греховен, чем Вася! Ведь он же и старше. Именно поэтому он погиб, а Вася — только пострадал. Будь на тебе, Вася, греха побольше, ты тоже погиб бы! И помни: с того самого случая висит на тебе проблема, и пока не осознаешь свои грехи, пока не очистишься, будет она преследовать тебя, и ты будешь попадать в подобные ситуации! — в голосе старца угадывались не только гордость и торжество, но и радость — как своим открытиям, так и тому, что Господь дал ему шанс наставить раба Божьего на путь истинный. — И первое, что ты должен сделать, это пойти на кладбище и на коленях попросить прощения у человека, которого ты убил, а потом пойти исповедоваться! Если сделаешь это, то начнётся отпущение грехов твоих. Ты почувствуешь облегчение уже на обратном пути с кладбища. Но чтобы полностью искупить твои грехи, этого мало. Тебе нужно ступить на

путь праведный, исповедаться и обязательно прекратить есть мясо, употреблять спиртное, курить и материться!

Закончив вразумлять Васю, старец снова принялся за Додона, наобещав тому тоже кучу неприятностей, хотя и помельче. Однако Додона это не слишком проняло. Он слушал старца с нескрываемым интересом, но впускал его слова в себя лишь до какого-то предела, не очень глубоко, подобно тому, как котёнок, не отрываясь, наблюдает за вращающимся барабаном стиральной машины, но мигом забывает про это удивительное вращение, стоит лишь позвать его к блюдцу с молоком.

На Васю же слова старца произвели колоссальное впечатление. Ему казалось, что перед ним разверзлась бездна, и он, оглушённый, стремительно падал в чернеющую пустоту. Его жизнь, которая до этого была весёлой и бессмысленной, казалось, обрела смысл, но смысл этот оказался весьма зловещим. После беседы со старцем Вася увидел своё прошлое в новых, ужасающих тонах: как он, дурак, жил, игнорируя божественные знаки, не понимая ситуаций, которые специально организовывали ему ангелы для его исправления, зашлаковывая ауру и совсем не думая о чакрах. Чтобы хоть как-то снять напряжение, когда старец ушёл спать, Вася попросил Додона налить ему стакан самогонки и залпом жажнул его. Додон посмотрел на Васю с ироничным уважением.

В конечном итоге они выпили ещё по стакану, и только после этого Вася смог отвлечься

от раздирающе-гнетущего чувства обилия совершённых им ошибок и страха от неприятностей, ожидавших его в будущем. Они, несомненно, произойдут, ибо, будто печатью, скреплены тем случайным выстрелом, когда Киссоныч сунул свою красную рожу под Васькину пулю.

Основательно набравшись, Василий двинулся к своему дому. По деревне ему предстояло пройти больше километра, и на всём пути его сопровождали собаки, которых хозяева на ночь спускали с цепи. Риск нападения со стороны четвероногих друзей человека был велик, однако Василию удалось благополучно миновать почти весь путь. Но недалеко от его дома, две собаки, которые с лаем сопровождали его с середины деревни, вдруг активизировались. Будто почувствовав, что вот сейчас этот парень уйдёт неукушенным, они перешли к решительным действиям.

Он уже почти дошёл до своей калитки, как вдруг почувствовал, что кто-то держит его за ногу. Попытавшись вырвать ногу, Вася понял, что в неё на полном серьёзе вцепилась собака. Сильной боли он не ощутил, так как был очень пьян, осознать ситуацию тоже не успел. Высвободив ногу, он сделал шаг в другую сторону, как раз навстречу второй собаке, которая от души кусанула его за ту же ногу. Отбившись от второй твари, Вася собрал силы для последнего прыжка и нырнул в свою калитку. Оказавшись в безопасности, он пришёл в бешенство: почему он не может спокойно пройти по родной

деревне?! С какой стати около самого дома его кусают собаки?! Желая отомстить, он вбежал в дом, схватил ружьё, которое у него всегда было заряжено, и вновь побежал к калитке, на ходу снимая ружьё с предохранителя. «Ну чё, суки!» — заорал он, распахнув калитку. В ответ из темноты послышался грозный рык. Не рассчитывая всерьёз попасть в невидимую рычащую цель, а скорее, чтобы разрядиться самому, Вася выстрелил в направлении звука. Визга не последовало, но рык прекратился. «Испугалась!» — подумал Вася и, услышав, что с другой стороны, гавкнув, к нему приближается другая собака, выстрелил из второго ствола туда. Собака завизжала и, судя по звуку, остановилась. «То-то же, суки!» — сказал Вася и побрёл домой. Внезапно на него навалилась такая усталость, что хотелось лечь спать прямо на дорожке, но он всё же дополз до кровати.

Наутро около Васиной калитки прохожие обнаружили два собачьих трупа. Одной собаке пуля попала прямо между глаз, ну, или, может быть, чуть выше, полностью уничтожив голову, а другой влетела в открытую оскаленную пасть и, пробив шею, вышла с обратной стороны наружу. Это была та собака, что завизжала. Позже пришёл хозяин и стал орать на Васю и грозиться снова засадить его в тюрьму, но стоящий на распухшей ноге Вася, будучи злым с бодуна, ответил хозяину в таком духе и такими словами, что тот, даже не увидев в Васиных руках ружья, счёл за лучшее побыстрее отвалить к себе домой.

С этого времени прошло уже несколько дней. Вася помнил о наказе старца, однако ему очень не хотелось идти на могилу каяться перед Киссонычем. Но строгость старца, боязнь кары и желание получить отпущение грехов сделали своё дело. И вот однажды одетый в чисто постиранное бельё Василий прибыл на кладбище. Проникнувшись важностью момента, он не стал подъезжать на мотоцикле прямо к самой могиле, а оставил его у входа и пешком приблизился к последнему пристанищу Киссоныча. Собравшись с духом, Вася перешагнул через ограду и встал на колени напротив памятника. «Иван Вадимович Киссонов, 1928—1993 гг.» — прочитал он.

Вася не готовил заранее покаянной речи — ему казалось, что в нужный момент простые слова найдутся сами собой. В конце концов, что тут сложного — попросить у человека прощения? Однако он стоял, а слова всё не находились. Так продолжалось минуту, две, три... Как будто что-то заблокировалось внутри Васи, и он не мог выдавить из себя ни слова.

Наконец напрягшись изо всех сил, он прошептал: «Гнида ты, Киссоныч!!! Ну, какого хера полез ты тогда в загон! Ты ведь должен был стоять с краю и загонять собак в нужном направлении, а вместо этого ты сам туда сунулся, распробуй твою мать!!! На хрена нужна такая помощь! Вот и вышло, что я случайно прострелил твою пустую башку, а мне потом за это вкатили три года! Хотя я ни в чём не виноват! Да ещё баба твоя, проклятая, теперь меня достаёт, лишил,

я её, видите ли, кормильца, выплачивай, мол, теперь компенсацию! Ну, какой из тебя кормилец, жопа?! Всё, что ты мог, так это ротанов из пруда таскать да у магазина бутылки собирать!» — речь Васи явно пошла не в том направлении, в каком задумывалась. Но Вася завёлся всё больше. Ему вдруг стало очень жалко себя — из-за какого-то никчёмного человека он провёл полтора года в зоне, получил судимость. «А бабла сколько пришлось мусорью отвалить, чтобы меня досрочно отпустили?! И всё из-за тебя, сука!!!» — сказал Вася уже громко и смачно плюнул в памятник. «Лежишь тут, псина, а я страдаю!!!»

Вася встал и, несильно, чтобы не сломать ногу, пнув мраморную плиту на могиле, пошёл прочь. Как ни странно, он чувствовал колоссальное облегчение — и не просто облегчение, но искреннюю радость, наполнившую его до краёв. Вася вдруг осознал, что вот он идёт по кладбищу, молодой и здоровый, а ненавистный ему Киссоныч, из-за которого было столько неприятностей, лежит в гробу, причём застрелил Киссоныча не кто-нибудь, а он, Вася, вот этими самыми руками! Получалось, что Вася убил своего врага и восторжествовал над его трупом! От этих мыслей Вася чувствовал себя победителем.

«И старец был в какой-то степени прав! — подумал Вася. — Он обещал мне, что если я искренне попрошу прощения, то на обратном пути с кладбища почувствую облегчение, ибо начнёт отпускаться грех мой. И хотя прощения,

в общем-то, попросить не получилось, но поговорили мы искренне, и облегчение пришло!» За этими мыслями Вася добрался до мотоцикла, завёл его и не спеша поехал домой. Спешить никуда не хотелось — хотелось просто смотреть вокруг и радоваться жизни.

Далее какой-то период дни протекали в своём обычном русле. Днём Вася работал на пилораме, вечерами немного выпивал с друзьями (пьющим он не был), в свободные дни занимался хозяйством и охотой.

Надо отметить, что Вася любил охоту. Во всяком случае, стрелять по живым существам ему определённо нравилось. Ещё в детстве отец, также падкий до охоты, обучил его обращению с оружием и отдал своё старое одноствольное ружьё шестнадцатого калибра. С тех пор не каждая птица, бродячая собака или кошка могла миновать окрестности их дома, не получив заряд свинца. Стрелком Вася был довольно хорошим.

А через некоторое время после разговора со старцем у Васи обнаружилась одна, довольно странная тенденция: он не просто стал стрелять как будто ещё лучше, чем раньше, но и начал попадать своим жертвам преимущественно в голову. Поначалу он объяснял это явление случайностью, как это было с покусавшими его собаками, потом — ростом своего мастерства. Спустя же некоторое время в сознании у Васи начали зарождаться сомнения. Дело в том, что он стал попадать в голову даже тогда, когда не стремился к этому, причём попадать всё точнее

и точнее. Иногда происходили совсем неожиданные случаи. Однажды Вася вместе с другими охотниками верхом на лошади преследовал косулю. Догнать испуганное животное посчастливилось именно ему. Он скакал сзади, пытаясь изловчиться и выстрелить, что долго не удавалось. Наконец он прицелился и нажал на курок. Как назло, именно в этот момент косуля решила обернуться, и пуля попала ей akurat промеж больших испуганных влажных глаз. Этот и подобные ему случаи приводили к тому, что репутация Васьки как хорошего стрелка всё время упрочнялась, но и кличка Прострели Рыло прирастала к нему всё больше.

В остальном же дела шли хорошо, можно даже сказать — по нарастающей. Успехи в охоте позволяли приторговывать браконьерски подстреленными животными, и Вася накопил достаточную сумму денег. Ему не пришлось долго думать, куда их потратить — естественно, он купил новое, дорогое ружьё, о котором давно мечтал. Вася радовался своей покупке, как ребёнок. Находясь в выходные дома, он каждый час доставал своё приобретение, осматривая его вновь и вновь, после чего опять бережно убирал в футляр.

В такой момент, когда он показывал своё новое ружьё Додону, к нему зачем-то зашла его бывшая школьная учительница Ефросинья Петровна. Увидев, что Вася поглаживает в руках воронёный ствол с такой нежностью, какой до сих пор от него не достаивалась ни

одна девушка, учительница взглянула на него с опаской.

— Зачем тебе ружьё, Вася? — спросила она. — Опасная эта игрушка.

— Известно зачем — животных стрелять.

— Что же хорошего в том, чтобы убивать животных?

— Так ведь охота — мужской инстинкт. Каждый мужчина должен охотиться. Это у нас природное.

— Зачем же тебе охотиться? Ты что, в магазине кусок мяса купить не можешь? — не унималась Ефросинья.

— Предки наши так жили, а значит, и мы должны так жить! — уверенно сказал Вася и добавил: — К тому же охотиться мне в кайф. Бывает, ходишь два часа по лесу, присматриваешься, приноживаешься, наконец выследишь козулю, подберёшься к ней, прицелишься и...

— И бабах прямо в рыло!!! — вмешался в разговор ехидный Додон.

Но Вася, не обращая на него внимания, продолжил:

— А вот взять, к примеру, ружьё! Это ведь просто чудо. Ты чуть-чуть нажимаешь на курок, а из ствола вырывается такая сила, что легко способна разmozжить голову кабану! Да что там кабану! Льву! Слону! О человеческой башке я и не говорю! Поразительно! Вот какую штуку мужики сделали!

— Так в том-то всё и дело, что разmozжить! — опять возразила Ефросинья Петровна. —

Размножить-то несложно. А в жизни создавать нужно!

— Создавать, оно, конечно, нужно. Я вот погуляю ещё годик, а там, глядишь, и детишек создам. А другие вот — ружьё создали.

Засим диалог и закончился. Учительница пошла дальше по своим делам, а Вася начал готовиться к следующей необходимой процедуре. Ружьё, естественно, надо было обмыть, причём обмыть как следует. С учётом важности события, Вася даже решил обмыть ружьё дважды: первый раз сразу, чтобы охота складывалась, а второй — после того, как из этого ружья будет убита первая живность. Началу ничто не препятствовало, поэтому Вася пригласил к себе своего друга Додона и ещё пару человек из охотников. Заодно к нему навязался капитан-пехотинец из воинской части, расположенной недалеко от деревни, он уже неделю праздновал окончание больших учений. Капитан был полезен тем, что украл (или, как ему казалось, унёс) с солдатской кухни много еды, и вопрос с закуской был решён. А с самогоном в деревне вообще проблем не было, поэтому к вечеру в субботу всё было готово.

Но неожиданно подвёл человеческий фактор. Хозяйственному Додону срочно надо было ехать ворошить сено, пока стояла тёплая, сухая погода, и он соглашался пить только после того, как своё сено переворошит. Таким образом, Додон уехал до вечера. Двое же охотников тем утром тоже воспользовались сухой погодой, но иным образом. Погрузившись в старый

«ИЖ-Комби», они поехали за десять километров по грунтовой дороге, чтобы порыбачить в одном из прудов. Вследствие отдалённости от транспортных путей там было мало народу и водилось много рыбы. Нарыбачившись вдоволь, они стали варить на костре уху и пить купленную по такому случаю водку. Так случилось, что в магазине, где они её покупали, закончились пол-литровые бутылки, и они взяли по 0,75 л на брата. Однако 750 грамм вкупе с двумя с половиной тысячами грамм пива, оказавшись в охотничьих брюхах, проявили свою недюжинную силу.

В результате всего этого по пути домой охотники уронили свой ижевский «москвич» в одну из немногих не успевших высохнуть канав с жидкой грязью, где он так увяз, что вытащить его без посторонней помощи было невозможно. Поскольку посторонних в тех краях было немного, охотники куковали возле канавы и прибыть на праздник к Васе никак не могли.

Вовремя прибыл только капитан. Он так спешил, что не успел снять военной формы и возвышался над столом в кителе и в фуражке. Увидев запотевшую литровую бутылку самогона, друзья решили, что будет неправильно дожидаться опоздавших. Ружьё было размещено во главе стола, Вася с капитаном расположились по бокам, напротив друг друга, налили и чокнулись, громко звякнув гранёными стаканами. Процесс пошёл.

Несмотря на отсутствие товарищей, застолье проходило веселее, чем обычно. И

немудрено: обожавший оружие Вася ликовал появлению ружья, а его новый друг, хотя и спокойно относился к оружию, но очень любил выпить и от души радовался домашнему самогону, которого не было в военной части, где он служил.

После того как было принято по триста грамм, друзья решили сделать короткую паузу. Воспользовавшись ей, Вася снял ружьё с поста-мента и снова стал показывать его капитану. Капитан с видом профессионала ещё раз осмо-трел ружьё и сказал: «Ты знаешь, Вася, мне тут вдруг анекдот детский вспомнился. Нашли Винни-Пух с Пятачком ружьё, стали его рас-сматривать. Пятачок заглянул внутрь ствола, а Винни-Пух в этот момент случайно нажал на курок. Пятачок, получив пулю в лобешник, падает и корчится в агонии. А Винни-Пух смо-трит на него и с укоризной говорит: “Меня оглу-шило, а ты смеёшься!”»

Друзья громко захохотали, и капитан веж-ливо, прикладом вперёд, передал Васе ружьё через стол. Вася потянулся к ружью и схватил его уже нетвёрдой рукой. В тот же момент он почувствовал, как какая-то мощная неведомая сила внезапно так ударила его в плечо, что под ним опрокинулся стул, и он полетел назад и вниз, по приземлении здорово шарахнувшись башкой об обитую досками стену. Оглушён-ный Вася остался в этом положении, пытаясь прийти в себя и с удивлением наблюдая, как над столом кружится подброшенная в воздух фуражка капитана. Покружившись, фуражка

зацепилась за ручку открытого окна, у которого стоял стол, и повисла на ней, залихватски раскачиваясь туда-сюда и как будто говоря: «Эх!!! Вот как мы можем!».

Тут Вася сообразил, что оглушён он не только оттого, что стукнулся головой о стену, но и от сильного грохота. Поднимавшиеся к потолку струйки сизого порохового дыма не оставляли сомнений: прозвучал выстрел и, скорее всего, двойной. «Видимо, капитан, рассматривая ружьё, снял его с предохранителя и забыл поставить обратно, а я, когда я брал ружьё, схватил его так, что нажал оба курка, — подумал Вася. — Уж не прострелил ли я ему фуражку? Очень уж бодро она летала!»

Кряхтя, Вася поднялся из-под стола, и внутри у него начало холодеть. Фуражка как раз была цела. Она всё ещё продолжала весело раскачиваться на ручке форточки. А вот с головой капитана дела обстояли не здорово. Две пули двенадцатого калибра попали ему в морду на уровне глаз и полностью снесли верхнюю часть черепа. За спиной капитана располагался небольшой иконостас с лампадкой, организованный матерью Васи, который теперь был основательно забрызган капитановыми мозгами с кровью. Особенно досталось иконе Божьей матери с Иисусом на руках. Казалось, в них кинули огромным клубничным тортом со сливками, и теперь только маленький Иисус испуганно выглядывал одним глазом из-под облепившей их красно-серой массы, а лица Богоматери так и вовсе не было видно.

Лампадка, поймав фитилём красно-серую каплю, с шипением потухла.

Васю как будто ударило током. Он открыл рот и стоял, тупо оглядываясь. Почему-то ему хотелось найти верхнюю часть головы, но её нигде не было видно. Наконец он её обнаружил — она отлетела в сторону, где стояло ведро со свежими кочанами капусты, и оседлала верхний кочан. Он оказался как бы в головном уборе — типа в коротко стриженной кожаной кепке, а вниз по кочану мелкими струйками стекала кровь. Капитан всё ещё сидел на стуле, как будто раздумывая, склониться ему вперёд или назад, а затем постепенно начал двигаться вперёд, всё ускоряясь, и рухнул лицом в собственную тарелку с остатками украденной у солдат еды.

Васька заорал и бросился прочь. Он ещё не мог поверить в произошедшее и своим криком пытался как будто разорвать эту ужасную реальность, сбросить этот сон, это наваждение. Ему казалось, что вот сейчас выскочит на улицу, а после заглянет в кухню и вновь увидит перед собой весёлого капитана в военном кителе и фуражке, рассказывающего о перипетиях незадачливого Пятачка. Однако в кухню он не вернулся, а продолжал мчаться по улице и орать во всю глотку. На его крик стал подтягиваться народ.

Дальнейшая процедура была Ваське уже известна: приехали менты, врачи, «опись-протокол» и так далее. Как и в прошлый раз, он не чувствовал себя виноватым — в конце концов,

капитан ведь сам спустил предохранитель. Но перед капитаном было как-то неудобно — пригласил человека, а получилась фигня какая-то. «Ничего себе, ружьишко обмыли!» — думал Васька, куря одну сигарету за другой.

Правда, юридическая ситуация в этот раз развивалась для Васи ещё хуже, чем в прошлый. Толстый майор-следователь обвинил Васю в преднамеренном убийстве. Хотя сам следователь в это не верил, но, во-первых, он любил нарушать закон для собственного удовольствия — дескать, как захочу, так и будет, а во-вторых, надо было выполнять план по раскрытию умышленных убийств. В конечном итоге садисты в погонах на допросах выбили из Васьки нужные показания: он сознался, что застрелил капитана в порыве внезапно возникшей неприязни. В результате суд приговорил его к двенадцати годам лишения свободы. Отбывать их он отправился уже в настоящую зону.

Тяготы эковской жизни Вася переносил стойко. Ему, привыкшему жить по-скотски и в обычных условиях, было намного легче, чем какому-нибудь проворовавшемуся бухгалтеру, привыкшему к горячей воде, ванне, центральному отоплению... Тем не менее порой и Васе приходилось весьма тяжело. Но однажды с ним произошёл эпизод, после которого Вася обрёл внутреннюю силу и, несмотря на все трудности, благополучно просидел свои десять лет, выйдя на свободу на два года раньше срока.

Однажды отряд эков, в котором был и Вася, этапировали к новому месту отбывания

наказания. Был морозный зимний вечер, уже начало темнеть. Васю вывели на платформу для осуществления пересадки, где они пересеклись с отрядом эков, перевозимых в каком-то другом направлении. И тут один из них окликнул Васю. Вася обернулся, но не сразу узнал окликавшего. В его лице было что-то очень знакомое, но опознать человека он не мог. Какой-то пожилой, высохший старик. Наконец поймав взгляд чрезвычайно волевых глаз старика, Вася сообразил, что это — тот самый старец, православный экстрасенс, что наставлял его на ужине у Додона. Действительно, его трудно было узнать, обритого налысо, в ушанке, без бороды. В таком облике он утратил немалую долю своей солидности и видом своим походил, скорее, на бомжа, роющегося в помойке в поисках пустых бутылок.

— Как же вы здесь оказались? — вскрикнул Вася. — Вас тоже посадили? Как такое может быть?!

— Я пострадал за Веру Свою, сынок! — ответил старец. — Ибо не отрёкся от Господа моего пред лицом врагов моих! А ты, я вижу, претерпеваешь за прегрешения свои!

— Претерпеваю, отец! — грустно ответил Вася. — Пришили мне дело, якобы я капитана ухлопал во время попойки. А дело было не так. Капитана завалил, действительно, я, но случайно. Он ружьё с предохранителя снял, а я курки задел. Обвинили же меня, что специально...

— Ну, ничего, сын мой! — покровительственно сказал старец. — Тем самым ты искупишь грехи свои, и, как отсидишь, выйдешь на свободу чистым, яко агнец.

Больше им поговорить не удалось, так как их распахали по вагонам, и поезда двинулись в разные стороны.

Вася уверовал в пророчество старца, и пророчество это сбылось. Когда, отсидев, он вернулся в свою деревню, с ним больше не происходило никаких серьезных неприятностей. Вася вновь устроился на пилораму, женился на женщине немного старше себя. Правда, охотничьего билета и разрешения на оружие его лишили, но он продолжал нелегально держать ружьё, надеясь, в случае обнаружения последнего, сказать ментам, что это не его ружьё. Зато больше он не прострелил ни одного рыла, и даже во время браконьерских вылазок никогда не попадал несчастным зверям в голову.

В минуты досуга, коротая время за стаканом самогона, Вася часто задумывался, за что же посадили мудрого старца и, вспоминая ответ его ответ: «За Веру Свою!», преисполнялся уважением. «Как такое могло быть?! Что это за православная страна, где самих православных сажают за веру?!» — с надрывом спрашивал он в такие моменты Додона. Ощущая высоту Васькиного порыва, Додон никогда так и не решился ему сказать, что на самом деле старец был арестован за совращение малолетних и незаконное предпринимательство, когда открыл нелегальную фирму, назвав его «Центр духовного и

телесного исцеления». После ареста был проведён ряд экспертиз, в процессе которых выяснилось, что никаких паранормальных способностей у него не было, как и духовного прошлого. Было установлено, что звали старца Александр Сидоров, в прошлом он окончил педагогический техникум и работал учителем. Будучи педофилом, он совращал детей, за что и получил свой первый срок. Выйдя на волю, он не смог снова устроиться в школу и работал слесарем. Через некоторое время он уехал в другую область, где сумел скрыть своё прошлое и снова стать учителем в сельской школе. Однако история повторилась, он вновь попался на совращении и был осуждён. Выйдя во второй раз из зоны, он мотался по свету в поисках случайных приработков, освоил много рабочих специальностей, довольно долго работал в монастыре. На протяжении всей своей истории Сидоров весьма сильно пил, порой напиваясь до такой степени, что с ним случались видения. В одном из таких видений к нему явился ангел в зелёной чешуе и сказал, что Господь назначил Сидорова проповедовать истину Его, и с тех пор он стал проповедником, предварительно для собственной подготовки прочитав с десятков книжек и посетив с несколько эзотерических курсов. Проповеди и попытки целительства позволяли ему сносно кормиться, тем более что он и сам уверовал в то, что делает. Однако эта благая полоса прервалась, когда в милицию стали поступать жалобы, что руководитель «Центра исцеления» вместо исполнения своей духовной

миссии занимается с детьми сексуальными практиками. Позже врачи обнаружили у Сидорова шизофрению, хотя от приговора это его не спасло.

Но, как мы сказали, Васька всего этого так и не узнал. Летними ночами ему порой снился старец — строгий, седовласый. Старец говорил Ваське слова ободрения, сообщал, что прошлые грехи ему прощены, после чего благословлял его, складывая свои перста и осеняя крестным знамением. В такие моменты Васька всегда просыпался, приходил в блаженное возбуждение и, чтобы как-то успокоиться и дальше заснуть, выходил во двор, где долго курил, наблюдая, как в лунном свете медленно качаются верхушки деревьев и слушая, как в ночной тишине переbreхиваются собаки...

ПОЛОСАТЫЙ ФЕЙС*

* Фэйс — от английского «face» (лицо).

Август выдался тёплым. По сельской дороге не спеша ехал велосипедист, с удовольствием поглядывая по сторонам и потягивая носом. Воздух в полях был необычайно богат запахами. Приятный тёплый ветерок доносил до велосипедиста то запах полевых цветов, то недавно скошенной травы, то уже подсохшего сена. Проезжая мимо убранного поля пшеницы, он чувствовал тепло и запах свежей соломы, там, где поле уже успели перепахать — запах тёплой от солнца земли. Поля были разделены небольшими перелесками для того, чтобы зимой с них не выдувало снег, и когда велосипедист двигался вдоль них, его обдавало приятной прохладой.

Велосипедист был местным почтальоном. Обычную почту развозили на машине, а ему было поручено заниматься сверхурочными делами, когда возникала потребность отвезти телеграмму или бандероль. Машины для этих целей в районе не было, зато ему выдали велосипед. В этот раз ехать пришлось довольно далеко. «Что ж, ничего не поделаешь», — успокаивал он себя.

Почтальон был не местным. Когда-то в советские времена он уехал на Север, но после перестройки их северный посёлок обанкротился, стало буквально нечего есть, и он, с большим трудом сумел переехать с семьёй в этот маленький провинциальный городок. Здесь тоже было немного работы, но на почту устроиться удалось, чему он был несказанно рад. И вот теперь понадобилось срочно отвезти заказное письмо с телевидения какому-то Алёше Киваеву в деревню Прохорово, до которой было почти двадцать километров. В итоге после полутора часов пути почтальон прибыл в деревню, нашёл нужный дом и, прислонив велосипед к забору, вошёл во двор.

Через полчаса Алёша Киваев, стоя у ворот, захлёбываясь от восторга, рассказывал своему соседу: «И вот почтальон вошёл, короче, в дверь стучится. А тут из-под террасы выскакивает пёс — Сигнал — и цап его за ногу!!! Мужик офигел, отскочил назад, а там — Мухтар, цап за другую! Мужик заметался, куда деться не знает, решил от Мухтара подальше, к вишням — поближе. А там к вишне я Шарика привязал на время, чтобы он на солнце не пёкся. Ну, тут его и Шарик цапанул!!! Все ноги попрокусали! А ему ещё двадцать километров до города педали крутить! Ха-ха-ха!!!» Алёша радовался произошедшему настолько естественно, искренне, что как-то даже и язык не повернулся бы осудить его за удовольствие от чужих неприятностей. Впрочем, такая мысль в голову собеседнику Алёши даже не приходила.

— А что почтальон-то приходил? — спросил сосед, когда как следует отсмеялся. — Что-то срочное?

Сосед Алёши был зоотехником, ухаживал на ферме за телятами. Он только что вернулся с работы, но домой не шёл, так как там нечего было выпить, а жена заставила бы делать домашние дела.

— Не знаю. Какое-то письмо с телевидения, — ответил Алёша, всё ещё не отошедший от смеха.

— С телевидения? — оживился сосед, которого звали Сашей. — Так это не из лотереи ли? Может мы там чего выиграли? — У Саши была неплохая чуйка по части халявы.

— А чёрт его знает. Я его ещё не распечатал, — задумался Алёша.

Он вспомнил. В какой-то передаче периодически проводилась викторина на разные темы. Как-то раз, в жару, он с Сашей и ещё одним зоотехником — Серёгой — смотрели телевизор. В той передаче викторина была посвящена сельскому хозяйству, вопросы были понятные, и им пришла в голову идея попытаться счастья. Втроём они быстро сочинили ответы про то, что, как и когда нужно сажать, как правильно ухаживать за свиньями и т. п., написали письмо и отдали его знакомому водителю, который на следующее утро опустил его в почтовый ящик в райцентре. И вот теперь с передачи пришёл какой-то ответ.

— Так тащи сюда, распечатаем! — оживился Саша.

Алёша повернулся и пошёл в дом за письмом, ругая себя за то, что на радостях не удержался и рассказал Саше, как почтальона покусили собаки. Не сделай он этого, и можно было бы зажить выигрыш, а теперь его точно придётся делить с друзьями. Он принёс письмо, и они вместе его распечатали.

Действительно, Саша оказался прав. Лучше них никто не смог ответить на вопросы, а вкупе с тем, что в этот раз вообще ответов пришло мало, им достался главный приз — десять тысяч рублей и лампа со специальным дезинфицирующим светом, которую предлагалось вешать в свинарнике.

— Что делать будем? — спросил Алёша и посмотрел на Сашу.

— Известно что! Надо звать Серёгу и ехать в Москву, получать приз.

На том и порешили.

Через некоторое время они вместе с семьями приехали по указанному в письме адресу, где им действительно вручили десять тысяч рублей, выдали лампу и каждому подарили по бейсболке с крупной надписью «БЕЛАРУСЬ» и картинкой одноимённого трактора. По две тысячи у них сразу же отобрали жёны, мотивируя это хозяйственными нуждами, а по тысяче триста на рыло им удалось отстоять.

— Мы тоже имеем право позволить себе праздник жизни! — строго сказал Алёша своей жене, худощавой блондинке с несвойственно интеллигентным для крестьянской женщины лицом.

Глядя на него, остальные мужики грозно насупились, и жёны решили не рисковать, в конце концов, две тысячи тоже деньги, и немалые для деревни, а что мужья нажрут, так это и без выигрыша случится. Ещё встал вопрос, куда девать дезинфицирующую лампу. Сергей раскритиковал хитрый прибор: «Совершенно бесполезная вещь! Свинье дезинфекция не нужна, нам — не нужна дезинфекция свиньи!» Поэтому лампу решили продать по объявлению. Но это были уже детали.

Главное, что скоро настал долгожданный «праздник жизни». В ближайшую субботу друзья погрузились в ярко-красный «ИЖ Юпитер-5» с коляской, который был у Сергея, и поехали затариваться. Они решили позволить себе оттянуться по полной, без экономии, которая так донимала их в обыденной жизни. Поэтому приехали в райцентр, зашли в дорогой и единственный на тот момент в городе супермаркет, где набрали столько бухла и закуси, что едва смогли всё это увезти. Чего только у них не было! Ящичка два пива, колбасная нарезка нескольких видов, копчёные сыры, с виду похожие на верёвки и т. д. и т. п. И, естественно, водка, селедка, хлеб.

Из магазина они отправились прямо на пруд. Будучи местными, они знали, на какой именно надо ехать, где есть укромные уголки и можно спокойно отдохнуть. Берег пруда частично зарос камышами, которые шелестели в такт ветерку, недалеко от воды возвышался огромный дуб невероятной толщины, берег

порос мягким, приятным клевером, в котором валялись падающие с дуба жёлуди. Друзья выгрузили своё богатство, расположились поудобнее... «Отрываться так отрываться!!!» — подумали все трое одновременно. «Пусть завтра будет плохо, зато со всей широтой души оттянемся сегодня!» И — ну хлестать!

Пиво лилось рекой, водка стаканами. Не отставала и закуска. Казалось бы, нормальный человек не только не может столько выпить, но и съесть, однако это только казалось... Реальность же была иной. Горы снеди исчезали на глазах. Нельзя сказать, будто они накиннулись на еду. Нет, просто в процессе весёлого разговора о бабах, злом начальстве и других приземлённых вещах, решительно заливаемого водкой и пивом, в их глотки, как на конвейере, проваливались куски хлеба, селёдки, колбасы, сыра, вяленого мяса, а также пирожки, солёные огурцы, обрезки куриного рулета, красная рыба и т. п. Этот процесс выглядел естественно, но был безостановочен. Если бы кто-то просто взглянул на них, он не заметил бы ничего экстраординарного. Но если бы этот кто-то набрался терпения и решился понаблюдать за компанией подольше, то он поразился бы устойчивости ритма: не переставая трепаться, мужики едят, потом бодро накачивают, потом снова едят, потом накачивают и опять едят, запивая проглоченное доброй порцией спиртного. Выпили водки, закусили, поели, запивая пивом, снова выпили водки... И так продолжалось несколько часов. Друзья не были заняты едой или выпивкой только в те моменты,

когда курили. А трепаться так и вообще не переставали.

К вечеру искомое состояние было достигнуто, апофеоз праздника жизни наступил. И даже более того. Окружающий мир поплыл у всех троих. Ходить стало тяжело, земля казалась подвижной и неустойчивой. Даже сиделось как-то криво.

— Нам это, надо того... — неуверенно обратился Сергей к товарищам.

— Чего? — не поняли те.

— Ну это, в смысле того... Ну домой надо ехать. Моя дура опять на меня орать будет, если на ночь не приду.

— Ага... — ответил Саша. — Давай подождем чуток, — после паузы добавил он, неохота сейчас всё это собирать, — и показал нетвёрдой рукой на остатки еды и бухла.

На этом диалог и завершился. После столь обильных трапезы и возлияния всех троих стало сильно клонить в сон. Алёша тоже откинулся назад и прилёг. Голова кружилась, но пока было хорошо. «Не упасть бы с мотоцикла на обратном пути!» — предусмотрительно подумал он. Но водитель мотоцикла, только что призывавший всех поехать, уже храпел на земле, и чувствовалось, что его примеру сейчас последует и Саша. «Это правильно, — подумал Алёша. — Надо немного соснуть, тады и ехать». И он закрыл глаза. Алёша знал, что заснуть нужно раньше, чем начнётся отходняк.

С закрытыми глазами Алёше казалось, что его бросили в гигантскую стиральную машину.

Земля больше не притягивала его вниз, но крутила во все стороны. Временами ему чудилось, будто он, бешено вращаясь, летит через какую-то чёрную трубу, проваливаясь вниз, но, так и не достигая дна, будто труба была бесконечной. Наконец сознание его отключилось и он забылся в беспамятстве.

Очнулся он только, когда рассвело, но не сам, а от того, что кто-то ткнул его чем-то мокрым и холодным прямо в нос. Приподнявшись на локтях, Алёша посмотрел, что же это могло быть, но понять не смог. Красными, заплывшими глазами он напряжённо всматривался вперёд, и ему никак не удавалось разглядеть, что же находится перед ним. В его глазах маячил неясный силуэт какого-то странного, необычного лица. Лицо казалось ему оранжевым, но, зная, что оранжевых лиц не бывает, он стал часто моргать, надеясь, что сейчас оно станет обычным, красным. Глаза тоже были необычными — на красной харе логично увидеть красные же глаза, а эти были ярко-зелёными. Наконец, лицо было как будто небритым, а местами грязным. Усы тоже были совсем странные — тонкие, длинные и к тому же непрерывно пошевеливались.

Наконец Алёша извернулся, сел, высвободив таким образом локти, и протёр глаза. Лицо перед ним не походило на человеческое. Да что там — оно явно не было человеческим! Тут надо отметить, что Алёша, по русской традиции считал себя православным, хотя в Бога особо не верил и в церковь не ходил. Существование

дьявола тоже было для него сомнительным, хотя и более вероятным, чем Господа. Зато, выросши в деревне, он вполне допускал существование различных духов — леших, водяных и т. п. Их он боялся и считал за нечисть. «Наверное, кто-то из них!» — подумал он и на его лице отразился страх. Заметив это, лицо произнесло хриплым басом: «Да не бойся меня, я к тебе по дружбе пришёл, ничего плохого тебе я не сделаю!» Тут Алёша ещё раз протёр глаза, встряхнул головой (ох, как больно это отозвалось внутри!), и созерцаемый образ стал отчётливее. Перед ним сидел тигр. Не сказать, чтобы огромный, но и немаленький. Оранжевый, полосатый. «Так это он своим носом, что ли, мне в морду ткнул!!!» — мелькнула мысль у Алёши, но тут же была вытеснена более сильной мыслью: «А кто же это говорит?». Он трусливо оглянулся вокруг, но никого, кроме них, не было. Друзья же продолжали валяться в отрубе.

— Т-т-ты к-кто? — заикаясь, спросил Алёша у тигра.

— Я — посланник из мира иного! — гордо ответил тигр.

— С того света, что ли? — спросил Алёша. — Ты уже умер?

— Не с того света, а из иного мира! Тебе не приходило в голову, что миров много, что существует иерархия миров? Что Господь дал жизнь не только людям, но и духам, и энергетическим сущностям? Что высшие силы могут опекать живущих на земле? — разродился вопросами тигр.

— Э-э-э... — единственное, что он услышал в ответ.

Правда, вслед за этим последовал встречный вопрос:

— Но ты меня не съешь?

— Не бойся, не съем. Ну, а что изменилось бы, если бы и съел?

— Как что?! Типа... ну... ну, это... Тогда ты бы меня сожрал!!!

— Ну, сожрал бы, ну и что? Что изменилось бы от этого? Вот представь, что тебя уже нет, а мир — всё ещё есть. Что с того? Думаешь, мир что-то потерял бы в твоём лице?

— «Мир», «в лице»! — со страху возмутился Алёша. — Непонятно ты говоришь! Что мне до мира! Меня бы не было, и я бы больше не жил!

— А что, тебе очень хорошо живётся, раз ты так за жизнь свою держишься? — не отставал тигр.

В отличие от предыдущих этот вопрос показался Алёше понятен. Поэтому он надолго задумался, прежде чем ответить:

— Нет, живу я хуёво... Денег нет, работа тяжёлая, жена дура и надоела невозможно, выпить охота, а не каждый день удаётся...

— Слушай, так тебе легче будет, если я тебя съем! — оживился тигр.

— Нет, я уж как-нибудь потерплю! — поспешно возразил Алёша. — Ты ведь сказал, что не причинишь мне зла!

— Да ладно, не собираюсь я тебя есть! Я к тебе с миссией послан!

— А миссия — это что? — робко спросил Алёша.

— Короче, помочь тебе хочу! Но не деньгами, а духовно.

— ???

— Проще говоря, помочь советом.

— А почему тигр?

— А это чтобы ты меня послушал. Я специально такой облик принял. Ведь если бы я к тебе с твоими дружками в виде седобородого старца подошёл и стал бы на путь праведный наставлять, вы бы меня просто на хуй послали!

«Ещё как послали бы! — подумал про себя Алёша. — И послали, и по морде надавали! И ещё ногами бы добавили!!!» Он представил, как они втроем дубасят старца, и на душе стало теплее. Но вслух ничего не сказал.

А тигр тем временем продолжал:

— Понимаешь, я из Духов Света, что служат Высшему Божеству, несущему добро и спасение. Но дух я начинающий. Облик тигра я принял, но, глядя на тебя, всё равно затрудняюсь начать. Ты спросил бы, ну вот что тебя, например, интересует, что ты обычным путём узнать не можешь? — Тигр наострил уши, чтобы слушать вопрос.

— Я? Ну, это... Ну, вот второй месяц голову ломаю, спит крановщик Володька с Наташкой из деревни Злобино или нет?

Тигр поморщился так, будто случайно разжевал лимон. Отметив недовольное выражение тигриного лица, Алёша решил переменить тему:

— Слушай, а ты, может быть, выпить хочешь? Я сразу-то не предложил, офигел, как тебя увидел. А то у нас тут много есть!

— Выпить нет, это я не пью. А вот съесть чего-нибудь можно, — ответил тигр и повернул голову к следам вчерашнего застолья.

Он был не голоден, но его явно привлекал запах еды, доносившийся оттуда.

Заметив это движение, Алёша обрадовался, что тигр собирается съесть не его, и стал что-то говорить ему про колбасу, которая не иначе где-то здесь валяется. Тигр сделал шаг и начал обнюхивать их полевой стол, с виду напоминавший обширную гору мусора, состоявшего из различных обёрток и упаковок, пустых бутылок, сигаретных пачек и прочего. Алёша видел, как слегка пошевеливается большой коричневый нос, колеблются тигриные усы, безошибочно выявляя местоположения мясного. Наконец тигр сунул лапу в какое-то место кучи, вытянул оттуда недоеденный пакет с колбасной нарезкой и, аккуратно придерживая его лапой за край, подцепил колбасу широким шершавым языком и отправил в рот. Исследовав дальнейшее пространство, он нашёл ещё несколько колбасных пакетов. Наибольшие затруднения доставил ему тот, который не успели распечатать. Алёша хотел было ему помочь, но боялся, поэтому тигру пришлось, покрутив пакет во все стороны, выпустить когти и прижать один конец к земле лапой, а с другой стороны разорвать упаковку зубами. Доев колбасу, тигр искал ещё что-нибудь вкусное, но более не нашёл

и только фыркнул, наткнувшись на сигаретный бычок.

— Ладно, пошли я тебе покажу кое-что, — сказал он, повернувшись к Алёше и махнув головой куда-то в сторону.

— А эти как же? — спросил Алёша, показав на храпевших друзей.

— Пусть здесь валяются, не время им ещё.

И они двинулись к пруду. Подойдя к воде в том месте, где была протоптана дорожка, тигр аккуратно поставил передние лапы на край берега и стал пить воду. При этом Алёше показалось, что в первый момент его четвероногий гость сам вздрогнул, увидев в воде своё полосатое отражение.

— Солёная колбаса у вас! — объяснил он, когда напился. — Не понимаю, зачем мясо солить! А теперь пошли туда! — тигр показал на заросли камышей.

Но когда они подошли к камышам, откуда-то из-за бугра выскочила жёлтая дворняжка и принялась визгливо обрехивать тигра. Тигр остановился. Судя по всему, он не ожидал, что в пять часов утра на берегу пруда кто-то помешает их разговору. Алёша заметил, как он стал нервно дёргать хвостом, забрасывая его в разные стороны. Шерсть на мощном загривке вздыбилась, а зелёные глаза сделались злыми. Он догадался, что это собака какого-то рыбака, приехавшего на ночную рыбалку. Собака же, в свою очередь, расценив остановку тигра как проявление нерешительности, почувствовала себя гораздо увереннее. Прыгая на пружинящих лапах, она

стала приближаться к тигру, лая ещё громче. Её нос сморщился, противная жёлтая морда искажилась оскалом, обнажив полную пасть кривых зубов. Это означало, что она вполне готова пустить их в ход. «Собака — грозный зверь, — подумал Алёша, — а по сравнению с тигриными её зубы просто иголками кажутся!»

Алёша не беспокоился — собака бросалась не на него, да и идти куда-то с тигром он хотел не очень. А вот тигр беспокоился всё больше. К тому же её громкий, визгливый лай скоро должен был привлечь внимание людей, а как раз этого надо было избежать. В какой-то момент тигр не выдержал и прыгнул. Казалось, сейчас он схватил это беспардонное животное и перекусил пополам, но вместо этого, когда собака была уже почти в его пасти, он отскочил в сторону, пригнулся к земле, заходя сбоку, и с размаху врезал ей по жёлтой заднице лапой. Псина взмыла в воздух метра на два и, словно брошенная из катапульты, умчалась за тот же бугор, откуда и выскочила. Послышался шум плюхнувшегося на землю тела и затем звуки, как будто что-то катилось по земле. После раздалось повизгивание. Вероятно, сукина дочь при падении получила телесные повреждения. «Ничего себе силища! — подумал Алёша. — Собака-то хоть и не особо здоровая, но килограмм десять весит! Аулетела, как пушинка!» Тигр, подёргивая усами, подошёл к Алёше. Чувствовалось, ему нужно успокоиться. Некоторое время он молчал.

— Не во всяком образе легко работать, — посетовал, наконец, тигр. — Принимая тот или

иной облик, ты сживаешься формой, которую принял, и у тебя появляются соответствующие повадки и желания. Я вот колбасы вашей поганой нажрался, а теперь — и собаку чуть не загрыз. А хотелось — прямо внутри всё взыграло! Бегаёт тут, лаёт! Думаю — сейчас увидишь у меня, чем большая кошка отличается от маленькой! Впрочем, ладно, о чём это я... Я тебе о другом хотел сказать. Дух я начинающий, Школу Света окончил недавно, но помочь тебе могу. Духовно.

— Духовно — это ты непонятно говоришь. Что такое — духовно? Русскому человеку все эти западные штуки не нужны. Это разврат. Русскому человеку что нужно — чтобы дом был, чтобы что поесть было, чтобы семья была... Ну, выпить иногда. А для этого деньги нужны. Вот было бы у меня много денег — и всё сразу изменилось бы. Всё по-другому стало бы! Я бы сразу, как человек, зажил!

— Ты уверен?

— В чём? — не понял Алёша.

— Ну, в том, что если в твою жизнь придут деньги, то сразу всё станет хорошо? — пояснил тигр.

Алёша даже не сразу нашёлся, что ответить на такой глупый вопрос. «Тупая полосатая кошка!» — возмущённо подумал он. Ему захотелось выругать тигра матом, но он сдержался и сказал:

— А то! Тогда всё изменилось бы, и зажили бы мы с женой, как люди! Не то, что теперь — как скоты живём! Деньги нам нужны, де-нь-ги!!! А не духовность! Духовность пусть всякие

интеллигенты в жопу себе засунут! А то книжки всякие читают, потом пишут разную фигню! А ты вон пойди возьми лопату да огород вскопай!!! — Алёша начал расходиться.

Тигр печально вздохнул.

— Ты знаешь, что такое альтернативное будущее? — спросил он Алёшу.

— Чё?!

Тигр ещё раз вздохнул и сказал:

— Ну, смотри.

Алёше показалось, что внезапно налетел ураган, захватил его и унёс куда-то ввысь. Пруда, камышей и тигра рядом уже не было. Зато перед его глазами поплыли удивительно реалистичные картины, будто он вспоминал свою прошлую жизнь. Но прошлое это было другим.

Алёша отчётливо видел, как он выиграл в лотерею не десять тысяч рублей, а миллион долларов, и не втроём, а один, видел, как офигел от счастья, получая деньги. Как радовался, что наконец-то заживёт по-человечески. Он видел, как заказал огромный дом, который быстро построили, как уволился с работы, как стал празднично жить в своё удовольствие... Видел, как сразу зауважали его друзья, как стали к нему ходить каждый вечер и как он угощал их водкой. Видел и как друзья ему завидуют, как внешне демонстрируют свою радость, а внутри ненавидят его и обманывают, тайком воруя то одну, то другую вещь. Видел, как купил много новых нарядов жене и как после этого она, ставив у него больше трети всех денег, убежала в

Москву к какому-то городскому мужику. Видел, как пьяный разбил об самосвал свою новую машину, покалечив при этом одного из своих товарищей, и как отвалил следователю личную сумму за прекращение уголовного дела... Видел, как через какое-то время пришло к нему беспокойство, что казавшийся бесконечно большим миллион уже иссякает, потраченный на загулы, машины, мотоциклы и всякое барахло, которым теперь был полностью забит его огромный дом и которое утаскивали потихоньку его друзья... Последнее, что он увидел, это очередное застолье с Сашей и Серёгой, когда они в хорошую погоду расположились бухать не в доме Алёши, а во дворе в специально построенной для этих целей беседке. Праздник жизни продолжался до утра. Когда же наконец Алёша пошёл в свою спальню, то на полпути обо что-то споткнулся, упал на траву и встать уже не смог, так и заснул на улице лицом вниз...

Проснулся Алёша оттого, что кто-то толкал его сапогом в плечо.

— Лёха, вставай, твою мать! — услышал он грубый голос и понял, что это был Саша.

Сознание стало возвращаться к Алёше, и он ощутил, что лежит на земле, уткнувшись лицом в клевер. Алёша перевернулся на бок и огляделся. Светило солнце. Вокруг был всё тот же берег пруда, пахло водой и чуть слышно шелестели камыши, которые колыхал прохладный утренний ветерок.

— Домой ехать пора! А то бабы нас порвут! — сказал Саша. — Мы с Серёгой уже всё собрали

почти. У нас тут осталось кое-что ещё на сегодняшней вечер! Особенно водки много! А вот колбасу кто-то сожрал ночью всю! Собаки, видимо, бегали!

Умывшись в пруду, друзья погрузились на мотоцикл, и тот, рыча двухтактным двигателем и выпуская сизый дым, повёз их по сельской дороге в направлении деревни. На этот раз Алёшу посадили в коляску, чтобы он, как самый сонный из них, не свалился на ухабе, и вручили ему бутылку пива, чтобы быстрее пришёл в себя. Он и действительно был немного не в себе. Голова гудела, в ней носились обрывки каких-то странных снов, которые он никак не мог вспомнить полностью. Ему казалось, что этой ночью с ним произошло что-то важное, но в то же время и бесполезное. Ему вспоминалось, что вроде бы ему снился какой-то говорящий тигр. Это был не очень приятный сон. Следующий сон был приятнее — как он, наконец, стал богатым человеком. Но, к сожалению, этот сон Алёша помнил ещё хуже, первый был куда яснее. В какой-то момент он даже хотел поискать тигриные следы у пруда — вдруг тигр ему не приснился — но сделать это не представилось возможным. Мотоцикл уже выехал на шоссе и уносил Алёшу всё дальше от пруда, и упаковка с колбасной нарезкой, разорванная мощными тигриными когтями, так и осталась лежать незамеченной в огромной куче мусора, которую друзья бросили на берегу...

**УЧИТЕЛЬ
И СТАРЕЦ**

Как бы вы себя чувствовали в морозную ночь, находясь в одинокой избушке у леса, в десятках километров от цивилизации, без электричества, дороги и телефона? Саша чувствовал себя одиноко.

Закутавшись в древний, но всё ещё лохматый полушубок, найденный в своё время на чердаке, он стоял на крыльце и курил, рассматривая звёздную россыпь на иссиня-чёрном небе. В загазованном городе он никогда не видел столько звёзд сразу, а здесь, в лесах Тульской области, ничто не препятствовало ночному созерцанию. Он вполне мог проверить данные учебника по астрономии, который помнил почти наизусть. Сама по себе картина была завораживающей, но долго наблюдать за ней было трудновато — мороз на улице перевалил за двадцать пять градусов, хотя в то же самое время в Москве было не больше пятнадцати.

Саша бросил окурок в снег и оглянулся вокруг. Приближалось полнолуние, и на улице, несмотря на ночное время, было вполне светло. Сашин дом стоял на склоне пологого оврага, внизу которого протекала маленькая речка, летом больше напоминавшая болото. Видимо,

когда-то деревню так построили специально, чтобы меньше продувалась ветрами. Сзади вплотную к склону подступал густой, тёмный лес, а на другой стороне оврага, которая была значительно ниже первой, простиралось ровное поле, в некоторых местах рассекаемое искусственными лесополосами, удерживающими снег. Ярко-белое поле хорошо отражало лунный свет, а потому на фоне его казалось, что середина оврага заполнена какой-то мрачной темнотой. Огромная луна, будто фонарь, освещала двор с покосившимся сараем, хилую изгородь, едва торчащую из огромных сугробов, контуры других домов, в которых не светило ни огонька. Ветра не было, и ни один звук не нарушал тишину. Казалось, звуки замёрзли, как вода в болоте, и оживут только во время оттепели.

В тот вечер в деревне не осталось никого, кроме Саши. Когда-то в ней было сорок дворов, но усилиями коммунистов, строивших посёлки городского типа, их число уменьшилось до пятнадцати, а на постоянной основе жило всего две семьи да одинокая бабка. Бабке посчастливилось устроиться в больницу почти на всю зиму, а крестьянские семьи временно разъехались по родственникам, возложив на Сашу обязанность время от времени кормить их собак.

У Саши никак не получалось разогнать своё тоскливое настроение, и оттого он ещё больше огорчался. Настроение усугублялось подспудным мистическим страхом, который иногда посещал его. В немалой степени страх этот

был навеян рассказами местных о встречах с нечистой силой и тому подобными вещами — лешими, водяными, другими странными существами и духами. Например, прошлой зимой два пьяных тракториста на гусеничном тракторе возвращались домой с бухловья. Когда они проезжали мимо леса, рядом с которым и стоял Сашин дом, на боковой подножке вдруг появилась какая-то старуха. В обычных условиях её вид показался бы слишком картинным, чтобы напугать: острый, крючковатый нос, растрёпанные волосы, злобный оскал, кривые зубы... Но тогда всё было по-другому. Старуха принялась дёргать за ручку двери. Сопротивляясь, парни держали дверь изо всех сил, но чувствовали, что старуха одолевает. Тогда один из них схватил подвернувшийся под руку большой ключ, и просунул его под ручку так, чтобы зафиксировать дверь. Однако ведьма, судя по всему, обладала нечеловеческой силой. Трактористы поняли, что сейчас дверь не устоит. Ключ погнулся, вот-вот была готова оторваться ручка. Но когда, следуя изгибу дороги, трактор стал поворачивать, старуха исчезла также внезапно, как и появилась.

В то время Саша тут ещё не жил, но погнутый ключ ему показывали. Учитывая подобные вещи, несложно понять, почему в одинокой, будто вымершей деревне, залитой холодным лунным светом, ему было так неуютно. Стоя на крыльце, он смотрел в сторону чернеющего соседнего дома, и ему упорно казалось, что возле него шевелятся какие-то тени. Можно

было, конечно, пойти и проверить, но Саша повернулся и запер за собой дверь.

Комната освещалась лишь одной керосиновой лампой с порядком закопчённым стеклом. Электричества не было уже четвёртый день. Саша, подкинул в печь полено потолще, залез в холодную постель и в очередной раз подумал: «А может, всё-таки лучше было бы пойти в армию? Отмучиться раз и навсегда, а здесь неизвестно, когда всё это кончится!»

Дело было в следующем. Совсем недавно Саша окончил педагогический институт и нашёл неординарный откос — устроился сельским учителем, преподавать физику и астрономию. А заодно, по необходимости, и всё остальное. Сельским учителям тогда давали бронь, так как их катастрофически не хватало. В армию же Саше идти не хотелось. То есть, если бы надо было послужить родине, он был бы и не против, но под флагом служения отчизне строить генеральские дачи, жрать баланду, терпеть издевательства дебилов, которые никогда не простят ему высшего образования, полученного в ленинском пединституте, он не хотел, не говоря уже о более серьёзных рисках — например, собственным же офицером быть проданным в рабство где-нибудь на Кавказе. Конечно, так как он хорошо учился, то мог бы поступить в аспирантуру, но в аспирантуре на их кафедре было всего два бюджетных места, и на одно из них приняли студента, который учился плохо, но дал взятку, а на другое — сынка московского чиновника. А Саша оказался в деревне.

В бывшем колхозе ему бесплатно выделили дом, правда, старый, оставшийся от одной престарелой колхозницы, у которой не было наследников. Впрочем, с домами тут проблем не было — проблемы были с жителями. Уж больно место непривлекательное — до ближайшей щебёнчатой дороги километров десять грунтовки, так что проехать можно только летом в сухую погоду, а весной и осенью дорога становилась почти непроходимой.

Школа располагалась в большом селе, и детей туда возили на армейском «Урале-кунге» — единственной технике, способной с переменным успехом форсировать местные трассы. Вместе с детьми ездил и Саша. После сильных снегопадов дорогу чистили трактором. Как раз недавно был сильный снегопад.

В полной темноте Саша поворочался на скрипучей кровати, приготавливаясь ко сну. Однако расслабиться никак не удавалось. Какое-то смутное, мистическое беспокойство по-прежнему тревожило его. Но в чём дело, он не понимал. Вроде всё было в порядке, ну, или, по крайней мере, не хуже, чем обычно. Он силялся уснуть примерно полчаса, когда ему послышались какие-то странные звуки. Саша приподнял голову над подушкой. Вроде бы тишина. Он опять лёг и закутался в одеяло. Но только начал засыпать, шорохи послышались снова. Саша опять приподнялся над кроватью. На этот раз звуки никуда не пропали, а стали ещё отчётливее. Вот что-то захрустело под окном, потом сместилось к террасе, а после вновь вернулось

под его окно. Наконец кто-то басовито мякнул, и Саша понял, что звуки проистекали от кошачьих когтей, цепляющихся за деревянный наличник. «Барс, сука, ты меня напугал!» — сказал Саша, поднимаясь с постели.

Накинув на голое тело шубу, он прошёл к двери и впустил в дом кота. Это был настоящий деревенский кот. Вдвое больше городского, полосатый, с густой шерстью и весьма грозного вида. Именно поэтому Саша называл его не Барсиком, а Барсом — кличка Барсик к такой свирепой морде совершенно не подходила.

Зверем Барс был полудиким, умел успешно охотиться и, в целом, обеспечивал себя сам. Но зимой с едой было тяжело, а иногда — ещё и холодно, как сегодня. Поэтому он и попросился погреться, раз уж с Сашей у него сложились хорошие отношения. Мурлыкнув, Барс потёрся об ноги и с надеждой посмотрел на холодильник. Саша подошёл к холодильнику, достал оттуда две котлеты из школьной столовой и положил прямо на пол. Кот с удовольствием принялся их уплетать. «Совсем оголодал! — подумал Саша. — Ведь эти котлеты не только на мясо, даже на еду не похожи! Ни одна кошка есть не станет!»

Теперь можно было снова ложиться спать. Тревога оказалась ложной. Полежав ещё с полчаса, Саша уже начинал видеть сон, когда с веранды раздался страшный грохот. Он привстал на кровати. На мгновение всё стихло, а после послышался звон летящих на пол кастрюль, которые Саша сложил на лавке, намереваясь после помыть. Видимо, впуская

кота, он забыл запереть дверь на террасу, и теперь туда кто-то вломился и натывается на разные предметы, потому как там много чего навалено. «По крайней мере, на прищельца из мира духов это не похоже!» — успокаивал себя Саша, пытаясь найти на ощупь тапочки.

— Кто там?! — спросил он, подойдя к двери и держа в руках зажжённую керосиновую лампу.

С веранды донеслось поскуливание.

— Полкан, ты, что ли?!

— ВАУ! — ответил Полкан, и Саша открыл дверь.

На пороге стоял большой серо-чёрный пёс лохматого и неопрятного вида, вилял Саше хвостом, но зайти не решался. В деревне было не принято пускать собак в дом, и собаки это хорошо знали. Но уж очень силён был мороз!

— Что стоишь, паразит, тепло выпускаем! Заходи давай! — строго сказал Саша, и Полкан шагнул внутрь, а Саша вышел на веранду и запер наружную дверь.

Пёс ждал его в сенях, так как боялся без дополнительного приглашения пройти дальше. Вместе они вошли в комнату и приблизились к холодильнику. Саша достал ещё две котлеты и большую кастрюлю манной каши, оставшейся со школьных завтраков, и стал накладывать в тарелку, чтобы покормить пса. С печи это заметил кот и тоже приблизился, рассчитывая на добавку.

«И тебе тоже?» — спросил Саша, взглянув на Барса. В кошачьих глазах не было никакого сомнения. Ведь если кормят собаку, то должны

кормить и его, в конце концов, кот стоит намного выше собаки на лестнице биологической эволюции! «Придётся ещё блюдце испачкать! — подумал Саша. — А то не дай бог передерутся!» — и, положив коту котлету и манной каши, поставил тарелку и блюдце на пол.

Порция Полкана была намного больше, но он съел её быстрее и теперь смотрел на то, как Барс расправлялся с кашей. Хотя эти звери были знакомы и относились друг к другу терпимо, помочь Барсу Полкан не решался и ждал, вдруг тот немного не доест. Кот уже наелся, но, словно назло псу, из последних сил пытался съесть всю кашу. Саша не гасил лампу и наблюдал за этой сценой с кровати. Наконец Барс облизнулся и не спеша пошёл прочь, к печке. На блюдце осталось немножко каши, и Полкан разом проглотил её.

Теперь можно было окончательно ложиться спать. В звериной компании Саша меньше боялся нечисти и чувствовал себя намного спокойнее. Он снова забрался под одеяло, и в доме на какое-то время воцарилась тишина. Третья попытка уснуть оказалась сложнее, поскольку он разгулялся. Саша ворочался туда-сюда, но сон всё не приходил. Кровать отчаянно скрипела. В какой-то момент Саше опять показалось, что кроме скрипа кровати, он слышит какие-то звуки. Он снова стал прислушиваться. Во дворе явно было какое-то шепуршание. Саша нащупал коробок спичек, чтобы зажечь керосиновую лампу. Там оставалась только одна спичка, и, стараясь обращаться с ней как

можно аккуратнее, чтобы не сломать, Саша её сломал. В его лампе стекло приподнималось вверх нажатием специального рычажка, так что образовывалась узкая щель, и просунуть туда зажигалку было невозможно. Да и зажигалка осталась в шубе. Теперь предстояло вслепую найти спички в серванте.

Держа в одной руке лампу, а другую протянув перед собой, Саша медленно пошёл вперёд. В этот момент во дворе что-то ещё сильнее захрустело, и раздался резкий стук в стекло. Стучали чем-то металлическим, возможно ножом. Вслед за стуком за окном что-то грохнуло, и раздался возглас: «Ёб твою мать!». Услышав знакомое слово, Саша понял, что там не кошка и не собака, а непосредственно человек. А когда кто-то откликнулся на этот возглас словами: «Ни хуя себе!» — Саша понял, что людей там как минимум двое.

Это было небезопасно. В районной газете недавно писали, как двое пьяных рабочих хотели выпить ещё, но у них не было денег. Тогда они влезли в дом, стоящий на отшибе, зарезали семью из трёх человек и забрали пятьсот рублей, наручные часы и портативный радиоприёмник. Всё это они пропили в посёлке, а на следующий день их задержали. В другой раз в аналогичной ситуации хозяин дома оказал сопротивление, застрелив грабителя из ружья, но его посадили в тюрьму за превышение пределов необходимой обороны.

Ружьё у Саши имелось и даже, в отличие от деревенских, зарегистрированное. Но его было

долго доставать. Гораздо ближе был топор — прямо около печки. В такое маленькое окно с крестообразным перекрестием рам быстро не пролезешь, так что топором отбиваться даже сподручнее. Привыкший к частому отсутствию электричества Саша быстро нашёл в серванте спички и зажёл лампу. Полкан стоял в середине комнаты, оцетинившись, и злобно лаял в сторону непрошенных гостей. Из-за печной трубы настороженно выглядывал Барс.

— Хозяин, открой! — послышался хриплый голос с улицы.

— Чего надо? — намеренно грубовато ответил Саша.

— Выпить надо, выручай брат! — прозвучал второй голос, более доброжелательный.

Говорить через закрытое окно было сложно. Слышно и так было плохо, а лай Полкана в закрытом помещении звучал просто оглушительно. «Похоже, придётся открыть дверь. Здорово, что сегодня пришёл Полкан!» — подумал Саша.

Полкан однажды уже спас его, если не от гибели, то от жестокого избиения. Когда Саша только появился в деревне, несмотря на его тактичное и дружелюбное поведение, не все жители отнеслись к нему доброжелательно. Неприязнь местных была сродни инстинкту животного, которое охраняет свою территорию и атакует любого чужака, вторгшегося в его пределы. И вот однажды летом, когда Саша, окончив дополнительные занятия с учениками, пешком возвращался домой, двое подвыпивших

крестьян решили его подкараулить. «Сейчас посмотрим, чего стоит этот физик-астроном на самом деле!» — ехидно потирали они руки. И пришлось бы Саше плохо, не наладь он к этому времени отношения с Полканом.

Полкан был местным деревенским псом. Больше десяти лет жил в одной семье, но после семья уехала в город, и пёс оказался на улице. Тяжёлые для него настали времена. В отличие от кота прокормиться самостоятельно ему было почти невозможно. Так бы и подох с голоду или задрали бы его другие псы, да тут появился Саша, к которому тот и пристроился. Кличка Полкан Саше не нравилась, но переименовывать взрослую собаку он не стал. Полкан был очень благодарен Саше за то, что тот «взял его на службу», и исключительно ценил оказанное ему доверие. К тому же Саша обращался с ним ласково и в отличие от деревенских никогда не бил не только ногами, но даже и рукой не замахивался.

Так вот, в тот день до дома Саше оставалось всего метров двести-триста, как внезапно из-за копны сена появились два здоровых мужика и преградили ему путь.

— В чём дело? — спросил Саша.

— Узнаешь сейчас! — ответил один из них, и его ответ не предвещал ничего хорошего.

— Разговор к тебе есть! — сказал второй. — Серьёзный.

Мужик надвинулся на Сашу, как бульдозер, и продолжил, дыша перегаром:

— Знаешь, почему Россия погибает? Потому что такие, как ты, по институтам всяким

шастают, на земле работать не хотят! Сидят там, в Москве, на деньги народные жируют! А ты знаешь, что такое русский народ?! Ты там в Москве русских не видел! Там уже русских не осталось! Вы все Западу жопу лижете, а потому все выродились на хуй! Настоящие русские — они только здесь живут! А кулак у русских тяжёлый! На-ка, отведай, студент! — крестьянин закончил речь и внезапно ударил Сашу под дых.

Вскрикнув, Саша упал, скорчившись на земле, а мужики принялись избивать его ногами. Но они успели нанести всего несколько ударов. Откуда ни возьмись на них вихрем налетел Полкан. Сбив сходу одного нападавшего с ног, он бросился на другого. Саше показалось, что огромный бородач сейчас просто задушит пса или свернёт ему шею, но не тут-то было. Не позволяя себя схватить, пёс рвал крестьян зубами с отчаянной свирепостью, как говорится, что было сил. А сил, несмотря на возраст, оставалось в нём ещё немало.

Полкан, хотя и был деревенским псом, крестьян не любил. Сколько раз его ни за что ни про что, просто срывая злость, били сапогами, а он, привязанный к забору, не мог убежать, сколько раз его бросали в будке на морозе, забывая покормить несколько дней подряд, сколько других обид и оскорблений пришлось ему снести от своих хозяев... Но наиболее сильным впечатлением стал случай, когда хозяин забил насмерть железным прутом подругу Полкана, которая по молодости своей никак не могла удержаться

от того, чтобы погонять кур. Полкан, задыхаясь, рвался с цепи, но ничего не смог сделать и только в бессильной ярости наблюдал предсмертную агонию своей «жены».

А вот с Сашей ему повезло. Саша животных любил и никогда не обижал. К тому же Сашу Полкан не воспринимал как крестьянина, поскольку, как и все собаки в основном ориентировался по запаху, а от Саши пахло иначе, чем от деревенских мужиков.

Так или иначе, сражался пёс яростно, будто пытаясь отомстить за все свои прежние страдания. Саша с трудом пытался подняться, чтобы помочь своему четвероногому другу, но после полученных ударов это было непросто. Когда же он наконец встал, то понял, что спасать нужно не Полкана, а своих обидчиков. Пёс рвал их нещадно. К счастью, не будучи специально тренированным, он не догадался сходу перегрызть горло, но и без этого дела их были плохи, из многочисленных ран хлестала кровь... С трудом оттащив рассвирепевшую собаку, Саша добрался до дома, где отдал Полкану свой недельный запас мяса.

Надолго оказавшиеся после этого случая в больнице, мужики пытались привлечь Сашу к ответственности, но им это не удалось, так как по своему «происхождению» Саша был вхож в круги местной «интеллигенции», был лично знаком и имел хорошие отношения со всеми влиятельными людьми района.

Вот почему теперь, когда к нему ночью в дом ломились неизвестные пьяные, Саша

порадовался, что с ним оказался Полкан. Он крепко взял пса за ошейник и вышел на веранду.

На улице стояли два мужика, один борода-тый, другой нет, судя по всему, местные. Боро-датый обматерил Полкана, призывая того успо-коиться. Присмотревшись, Саша узнал в них двух зоотехников из соседнего села, что было примерно в пяти километрах отсюда.

— Мы это, того... — начал речь безборо-дый мужик, — за самогонкой пришли. У наших что-то закончилась вся...

Это были, как говорится, издержки про-изводства. Приехав в деревню, Саша быстро научился гнать самогонку, причём хорошую, что его здорово выручало. Скоро он понял, что в здешних краях это универсальная валюта. Поначалу, листая учебник по маркетингу, он разрабатывал различные стратегии сбыта, целью которых было с минимумом риска про-давать побольше и подороже, но потом понял, что американские методики в российской глубинке неэффективны. Гораздо выгоднее оказалось менять самогон напрямую на вещи или услуги, чем продавать его, а потом те же вещи или услуги покупать за деньги. При прямом обмене цена самогона возрас-тала в несколько раз. Таким образом, когда у Саши появился продвину-тый самогонный аппарат, в его руках фактически оказалась собственная валютная фабрика. Вот она, валюта, булькает в сенах, распространяя сивушный запах... Исходные вложения окупились моментально,

тем более что некоторую часть Саша всё-таки продавал.

Но сейчас он напрягся. Он привык, что к нему иногда приходили ночью страждущие, хотя и не ожидал визитёров в столь трескучий мороз. К сожалению, часто у страждущих не было денег, и они либо просили выпивку в долг, либо предлагали в счёт неё какие-нибудь вещи. Но долги практически никогда не отдавали, а вещи по большей части оказывались бесполезными. И Саша боялся, что сейчас начнётся подобный разговор: сначала его начнут упрашивать, потом взывать к его жалости, потом стыдить, а после — оскорблять и угрожать. Но ничего этого не последовало. «Налей грамм семьсот! — сказал мужик. — Есть у тебя? А то мы по триста врезали, да маловато выходит! Вот, у нас всё с собой!» И мужик протянул Саше пустую бутылку из-под вина и крупную купюру.

Не рассчитывающий на столь цивилизованный исход разговора, Саша вздохнул с облегчением. Он наполнил бутылку до краёв, сколько вошло, отсчитал сдачу, исходя из установленной цены, и передал всё это мужикам через окошко веранды. К этому времени Полкан, увидев, что нападения не происходит, перестал яростно брехать, но порядка ради потихоньку порывкивал.

Мужики обрадовались, так как, направляясь к Саше, боялись его не застать, или же что у него тоже не окажется самогона. Они пожелали ему удачи и отправились в обратный путь, «для

сутрева» сразу же приложившись к пузырю. «Эдак они выпьют её на обратном пути! — подумал Саша. — Не припёрлись бы снова через пару часов. Ведь деньги у них ещё остались!» С этими мыслями он вернулся в тёплую комнату, снова подкинул полено в печку и лёг в кровать, теперь уже твёрдо рассчитывая проспать до утра. «Всё, пусть это будет последний раз!» — твёрдо сказал себе Саша, забираясь под одеяло. Он имел в виду, что последний раз встаёт, чтобы выйти к незваному визитёру. Но вышло по-другому. Оказалось, он последний раз ложился спать за эту ночь.

Скоро послышался негромкий, но уверенный стук в окно. «Твою мать!» — подумал Саша, снова вставая с кровати. Он нащупал ногами тапочки и привычным движением зажёл керосиновую лампу. К его удивлению, Полкан не лаял, а просто смотрел в сторону двери, навострив уши. «Опять кто-то за самогонкой припёрся! Может, эти же! — подумал Саша. — Оттого и пёс не лает, выбрехался уже на них!» Взяв пса за ошейник, Саша вышел на террасу, открыл дверь и обомлел. Перед ним стоял старец — высокий, худощавый, с длинными седыми волосами и бородой, которые, казалось, особым образом светились в лунном свете. В одной руке старец держал шапку, а в другой — посох, которым, вероятно, он и постучал в окно.

— Мир тебе, добрый хозяин! — сказал старец. — Пусти божьего человека погреться, очень уж силён мороз этой ночью!

Пускать неизвестно кого очень не хотелось. Хотелось спать. К тому же пришелец вызвал подозрение. Вдруг это грабитель? Или хуже того, кто-то из нечистой силы, явившийся под видом старца? Саша задумался, как отмазаться.

— Так это, отец, у меня собака злая! Съест она тебя! — он посмотрел на Полкана, который, однако, есть никого не собирался, а испуганно пятился назад, приседая на лапах.

— Да не съест, пёс твой чует божий свет во мне! — успокаивающее сказал старец. — А мне деваться некуда, я ведь совсем могу замерзнуть! Путник я, путь держу долгий! Ты меня не бойся, я тебя не обременю. Напротив, воздастся тебе от безграничных щедрот всеблагото Господа нашего! Как учил Иисус, «кто принимает Меня, тот принимает Пославшего Меня, кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника!» — старец говорил не торопясь, размеренно и очень уверенно. Казалось, его слова в буквальном смысле имеют материальный вес.

Саша удивился ещё больше. Встретить человека, свободно цитирующего Библию, в этих краях и летом было непросто. Небезосновательно Саша подозревал, что в десятке километров вокруг, кроме него, Библию полностью прочитал только местный поп.

— Ну что ж, заходи, отец! — согласился Саша, не найдя, как его отшить. — Только

честно скажу — боюсь я тебя! Да и пёс мой тебя боится!

— Пёс твой не боится, а благоговеет! Что меня бояться-то? — ехидно улыбнувшись, ответил старец.

Саша посмотрел на поджавшего хвост Полкана, тщетно пытаюсь вообразить, как должна себя вести деревенская собака, когда начинает благоговеть.

— Как что бояться?! Здесь знаешь, сколько нечисти всякой водится? Я уж таких историй наслушался, что теперь на всё необычное смотрю настороженно! — сказал он старику. — А уж после того, как Гоголя вчера на ночь почитал...

— С каких это пор в русской деревне Гоголя читать стали? — удивился незванный гость. — Впрочем, что-то ты на деревенского не очень похож! Зажги-ка свет!

— Какой свет, отец! Четвёртый день электричества нет!

— Но ты всё-таки попробуй! Вдруг Божию милостию...

Слова старца были прерваны затарахтевшим компрессором холодильника.

— Да свет давно уже дали, а ты всё керосин жжёшь! — сказал старец и рассмеялся.

Саша включил свет и пристально посмотрел на старца. Тот факт, что с его приходом вдруг появилось электричество, хотя среди ночи линию обычно не чинят, показался ему подозрительным.

— А ты точно не нечистая сила? — строго спросил он.

— Вот у тебя проблема! — развёл руками старец. — С чего это вдруг?

— А почему вдруг свет дали, как ты пришёл?

— Ну, я же говорю, милостию Божию!

— Что-то не верится!

— Значит, что нечистый свет даст, тебе верится, а что милостию Божию настанет свет — никак?

Саша задумался. Именно так оно и было, но сознаваться в этом не хотелось. Тем временем старец продолжил:

— Послушай меня, мил человек! Создатель наделил нас свободной волей, как у него самого. И даже сам Бог не может навязать нам ничего против нашей воли. Он даже спасти нас не может без нашего согласия! И воссоединиться с нами! Так неужели ты думаешь, что какая-то нечистая сила сможет превзойти Господа и покорить тебя?! Никогда такого не будет, пока теплится вера в душе твоей! Так что некого тебе бояться!

— Ну ладно, звучит разумно, — отступил Саша. — А как вас зовут-то?

— Меня — Старец Даосий! А тебя?

— А я Саша! — ответил Саша, и они пожали друг другу руки.

— Странствую я, — предвосхищая вопрос, заговорил старец. — С Архангельска я пешком в Израиль иду!

— Пешком?!!!

— Да, пешком. Хочу своими ногами через святые места к земле Господней прийти! Так что приюти ты меня на ночь, не бойся, не пожалеешь об этом!

Саша жестом пригласил гостя в комнату. Старец снял свой балахон и попросил Сашу поставить на печку несколько вёдер со снегом, чтобы растопить его и помыться. Саша всё исполнил, и присели в ожидании.

— Ты знаешь, отец Даосий, угощать тебя мне особо нечем. В подполе есть картошка, можно сейчас пожарить, а вот мяса нету. Были котлеты школьные, но эти друзья сожрали! — он показал на кота и пса.

— А, хорошие у тебя друзья! — старец протянул руку, и кот запрыгнул к нему на колени.

Запустив пальцы в его густую шерсть, Даосий поглаживал мурлыкавшего кота и говорил:

— Лапа беспокоит? Прокусил в своё время пёс тебе лапу! Вижу, сражался ты отчаянно, и близка была твоя смерть кошачья. Но ты сдюжил и вынул псу когтём глаз. Только вот раненая лапа с тех пор так и болит, сколько лет уже прошло. Но больше не будет болеть, ибо уже исцелена она...

В этот момент кот привстал на лапах, потянулся, соскочил на пол и сделал пару быстрых кругов по комнате, чем весьма удивил пса, после чего вновь запрыгнул старцу на колени, потёрся мордой о его бороду, мяукнул и вскочил на печку. Старец чуть слышно рассмеялся.

— Ну, иди и ты сюда, друг! — позвал он пса, и пёс подошёл.

Даосий ласково погладил пса и сказал: «Вот и твои хвори ушли!», и пёс, вильнув хвостом, удалился.

— Ты обладаешь даром исцеления? — спросил Саша, глядя на старца широко открытыми глазами.

— Да, есть немного. Не то, чтобы лично я обладаю, но настроившись душою своею на Господа, становлюсь проводником Его благодати, а она исцеляет всё живое.

— И меня можешь исцелить?

— Тебя пока не от чего исцелять. Телом ты здоров, а душа ещё опыта набирается, ей надо иногда шишки набивать.

— А родителей моих можешь? Они сейчас в Москве, далеко отсюда.

— Расстояние значения не имеет.

Старец на несколько секунд замолчал, глядя куда-то в угол потолка, после чего сказал:

— Всё в порядке. Завтра позвонишь, убедисься.

— Завтра телефон заработает?

— Зарботает. Ты пока аппарат на зарядку поставь, потому что завтра ещё со светом могут перебой быть. Но с сотовой связью уже не будет!

Саша становился всё больше заинтригованным. На нечистую силу старец похож не был, но и обычным человеком явно не являлся. Надо было его как-то подробнее расспросить. Но старец перехватил инициативу:

— На самом деле, всё очень просто! Каждый из нас изначально наделён удивительными

способностями! И только незнание, гордыня, важность и страх мешают людям быть творцами своей реальности! Тысячи духовных учителей говорили об этом! Говорят и сейчас — сегодня их особенно много!

— Господь создал тебя по образу и подобию своему и наделил столь же весомой творческой силой, что он обладает и сам! — продолжил старец. Это важнейшая составляющая нашего с ним подобия! Ты, действительно, можешь сотворить всё, что хочешь! Твоя жизнь полностью принадлежит тебе! И сотворить не только в духовной сфере, как это делают великие люди, но и в материальной! И прямо сейчас! — горячо сказал Старец.

— Эх, если бы всё было так просто! Теоретически-то оно понятно, но вот как на практике это реализовать... — робко возразил Саша.

— Давай покажу! — бодро откликнулся Старец. — Нам чего сейчас не хватает? Правильно, у нас мяса нет. А вот ты теперь представь, что мясо у нас есть!

— И что? — спросил Саша.

— Если ты ясно себе представишь, как вот перед тобой лежит на столе мясо, почувствуешь его запах, мысленно прикоснёшься к нему рукой и при этом ощутишь себя как хозяина этого мяса, то оно тут незамедлительно появится! — торжественно произнёс Старец.

— Но каким образом? — не соглашался Саша. — С неба упадёт, что ли?

— Каким образом — не твоё дело! Разве тебе доступна тайна мироздания, чтобы ты мог знать, что откуда берётся в природе? Но это и не помеха! Посмотри на кота, — он указал на полосатую морду Барса. — Тайны мироздания не знает, а мясо ест!

— Но он же охотник! Он сам его добывает! — упорствовал Саша.

— А ты творец! И ты сам можешь творить! Причём призван ты творить разумное, доброе, вечное! Но для начала начнём с мяса, а то больно уж жрать хочется! Давай твори мясо, не еби мозги! — тон старца становился непреклонным.

Деваться было некуда, и Саша представил, что на их столе лежит огромный кусок красного, свежего мяса, а пёс и кот завистливо поводят носами. Старец пристально смотрел на Сашу. Внезапно он сказал:

— А ты знаешь, твоя проблема в том, что ты ещё не готов получить что-то бесплатно. Ты не чувствуешь, что имеешь такое право! Скорее, наоборот.

— И что теперь делать?

— Что делать? Вообще — заниматься духовной работой. А в частности, сейчас найди для себя то, что готов отдать за полученное мясо. Я чувствую, что, хотя ты и не готов взять мясо бесплатно, но готов взять его недорого. Сколько бы ты заплатил за стакан мяса?

— За стакан мяса? — удивился Саша.

— В смысле, за кусок мяса. Это я оговорился, — поправился старец.

— Ну, смотря за какой кусок. За хороший литр самогонки бы налил, — подумав, ответил Саша. — У меня её много.

— А сколько? — с любопытством уточнил Старец.

— Ну, литров сто ещё есть, — прикинул Саша.

— О!!! — уважительно воскликнул Даосий. — Да ты богат!!! А теперь давай настраивайся на мясо, а я буду рядом, соответственно, мой энергетический поток захватит тебя, и всё легко получится, — резюмировал Старец, и они погрузились в тишину.

Когда Саша понял, что он сделал всё, что мог, он вопросительно посмотрел на старца.

— Молодец! — похвалил тот. — Зря только так напрягаешься! Это надо расслабленно делать, с удовольствием! Но будешь тренироваться — научишься! А теперь забудь о мясе и пошли чистить картошку. Только я сперва помоюсь — вода, кажись, уже нагрелась!

— А как же мясо? — спросил Саша.

— Не думай о мясе, тебе говорю! — строго ответил Старец. — Если всё сделал правильно, то оно появится. А если будешь всё время возвращаться к нему в мыслях, то обломаешь процесс!

Когда довольный и чистый старец сидел вместе с Сашей за столом и чистил картошку, за окном раздалось урчание уазика. К изумлению Саши, это оказались деревенские из соседнего села. Они зарезали корову, стали праздновать это дело, но у них закончилась выпивка. И вот

теперь они предлагали обменять здоровенный кусок говядины на полторы-две поллитровки. Саша, не раздумывая, отдал им литр. Когда мужики уехали, он гордо положил мясо на стол и стал смотреть на него, не веря в то, что ему, пусть и при помощи старца, это удалось.

— Такое себе представлял? — осведомился Старец.

— Не совсем такое, но это не хуже, — ответил Саша.

— Ну и ладно. А зачем ты сырое мясо заказывал? Не мог готовое представить?

— Об этом я не подумал! — сказал Саша и опять удивился. Такая мысль совершенно не приходила ему в голову. — А что, и готовое можно было бы?

— Конечно! Какая разница! — пожал плечами старец. — Ну ладно, за то мы его на свой вкус теперь сами пожарим!

И они занялись готовкой. Разумеется, после таких событий Саша думал не столько о стряпне, сколько о тайне мироздания, и попутно пытался повыспросить старца.

— Так, значит, ты, отец, говоришь, что ты — человек божий? Значит, ты из какого-то православного монастыря?

— Вот тут ты промахнулся. Как ты себе это представляешь: быть божьим человеком, служить Господу и при этом замкнуться в рамках всего одной конфессии, тем более такой закоснелой? Разве Бог создал не весь мир? Разве он любит не всех людей? И разве обязаны все люди быть одинаковыми?

— Но наш местный батюшка говорит, что спасутся только те, кто принадлежат к православному к церкви. А кто не принадлежит — хоть сто раз праведником будь, не спасёшься! Ибо истина — она одна! И только у нас!

— А другие думают, что истина — только у них. Это, по-твоему, справедливо?

— По-моему, нет. Но батюшка говорит, что это так. Только православный может войти в Царствие Небесное!

— А как ты думаешь, в других странах — например, где-нибудь в Индии есть праведные, добрые люди, достойные Царствия Небесного, или ни одного нет?

— Наверняка есть. Мир не без добрых людей.

— Так почему же Господь оставляет их без спасения? Разве Иисус обещал спасти не всех праведников, а лишь избранных из них? Причём избранных по критериям, не имеющим отношения к праведности? А что делать с невинными младенцами? Если младенец умер, и его не успели прежде окрестить? Ему тоже не видать Царствия Небесного? Ты батюшку об этом спрашивал?

— Спрашивал. Батюшка говорит, что не видать. Таков Закон. А ещё батюшка говорит, что эти вопросы — от дьявола. Если они возникают — значит, зародилось в душе сомнение. А Сомнение — тяжкий грех!

— И что он предлагает?

— Предлагает пойти покаяться и ещё говорит, что надо меньше думать. Верующий не

должен думать. Верующий должен верить. И неукоснительно слушаться слова Духовных настоятелей своих, что уполномочены Святой Церковью быть пастырями народа. А ещё батюшка говорит, что русские — это Богом избранный народ. Русских Бог больше всех любит.

— Странно. В Священном Писании вообще о русских речь не идёт, там написано, что избранный народ — это евреи. Хотя и это тоже неверно. Бог любит всех одинаково...

За такими вот разговорами, обсуждая Священное Писание и различия между Богом и религией, они сготовили пусть не изысканный, но очень вкусный ужин. На печке, на огромной сковородке шкварчала картошка, пожаренная с луком, а рядом, на сковородке чуть поменьше, жарилось свежее мясо.

И тут старец сказал:

— Вижу я, Волею Божью нам предстоит бдение. К нему надлежит особо подготовиться. Бдение более исполнено смыслом, когда сопровождается возлиянием. Ибо расширяя сознание — ты расширяешь и своё бытие, а своевременно возданная хвала Бахусу освобождает сознание от обыденной скованности, открывает новые горизонты, позволяет воспарить духом!

Саша вопросительно посмотрел на Даосия:

— Это ты что-то совсем философское сказал!

— Могу и попроще, — отозвался Даосий. — Короче, не врубить ли нам по паре стаканчиков?

— По паре стаканчиков? — удивился Саша. — Это ведь будь здоров! У меня самогонка покрепче водки будет!

— Правильно. Не зря её все хвалят! Так что тащи литр!

— Нет, ты не думай, мне не жалко, — стал оправдываться Саша, — но литр — не многовато ли нам?

— Многовато — это когда на одного. А у нас ведь на двоих получается — в самый раз!

Саша пожал плечами и полез в подпол. В подполе у него была припасена особо чистая самогонка, специального приготовления. Её было не стыдно подать к любому столу.

— А огурчика солёного нет у тебя? — крикнул старец ему вдогонку.

— Есть! — глухо донеслось из погреба.

Разложив дымящуюся картошку и мясо по тарелкам, старец собственноручно откупорил запотевшую литровую бутылку и налил по пятьдесят грамм: Саше в гранёный стакан, себе — в белую эмалированную кружку с чёрными щербинами.

— За тебя, о, щедрый хозяин! Да воздаст тебе всемеро всевидящий Бог за доброту твою!

Они чокнулись, и старец, добавив: «Ну — понеслась!», опрокинул кружку в рот. Одним махом заглотнув содержимое, он поставил кружку на стол, наколол на вилку самый маленький огурец, закусил и с чувством сказал: «Эх, хорошо!!!»

«Когда пол-России прошёл пешком, видимо, научаешься высоко ценить маленькие радости...» — подумал Саша.

— Скажи, а какими ритуалами ты пользуешься, чтобы творить чудеса?

— Ритуалами?! Ты меня за колдуна, что ли, считаешь?

— Ну, почему обязательно за колдуна? Вот, например, в церкви тоже всё строго расписано. Меня бабки учили, как и что нужно делать: где стоять, когда креститься и кланяться, какому святому при какой проблеме ставить свечку. Очень всё чётко. Вот, например: однажды отстоял я всю воскресную службу и вдруг заметил, что у меня развязался шнурок. Присел на лавочку, чтобы его завязать, а какая-то женщина мне и говорит: «Всё теперь! Раз ты до конца службы присел, значит, вся служба псу подхвост пошла, не засчитывается, как будто её и не было! Ибо ты нарушил важное правило!»

— И ты считаешь, что это по-христиански?

— Точно я не знаю, но чувствую, что не очень...

— И правильно чувствуешь. Скрупулёзное выполнение ритуалов, обеспечивающее помощь неких высших сил, — это чистой воды магия! Я уж не говорю о том, что вычислять, какого святого о чём просить, как любят делать некоторые церковные люди — это прямой языческий ритуал — какому богу жертвовать барана! Один за эти вопросы отвечает, другой — за те...

— Но ведь почти все в церкви так делают! Что же получается, большинство православных — не христиане?!

— Не буду тебя навязывать своё мнение. Ты умный, смотри сам, думай... Но запомни:

Истина не нуждается в ритуалах. А тем более — Бог. Единственное, что имеет значения — это состояние твоей души. Ритуалы всего лишь помогают сосредоточиться тебе самому. Чем отличается язычник от христианина? Язычник обращается к идолу. Христианин же — к Богу. Он понимает, что икона — только кусок дерева, не более. Она нужна для того, чтобы напомнить ему о Боге, чтобы было легче создать внутри себя должное состояние, сосредоточиться, очистить душу перед беседой со Всевышним! Ладно, наливай давай! — подытожил старец.

Саша разлил следующую порцию, поднял тост: «За встречу!», и они выпили.

— Эх, хорошо! — снова крикнул Даосий, закусывая и возвращаясь к предыдущему разговору, продолжил: — А чудеса можно творить просто так, безо всяких ритуалов!

— Но ведь в Библии написано, что творить чудеса нельзя! Типа, грех!

— Верно, написано. В Ветхом Завете. Но там много чего написано. Например, Ветхий Завет устанавливает многожёнство и, кроме этого, наделяет мужчину правом ходить ещё и к наложницам! Почему же мы выбираем одно, а другое — оставляем? Знаешь, если так выдёргивать цитаты, что угодно можно было обосновать. Это как при социализме философские диссертации защищали. Сам видел: два соискателя отстаивают кардинально противоположные идеи, но ссылаются при этом на одну и ту же работу Ленина. И ничего, прокатывало!

— Знаешь, но всё-таки страшно! — ответил Саша. — В Библии столько ужасных вещей написано. На ночь лучше не читать, пострашнее Гоголя будет! Вот, смотри.

Саша встал из-за стола, подошёл к книжной полке, вытащил Библию и начал наугад её перелистывать.

— Сколько хожу по деревенским домам, ни разу не видел столько книг. Чаще всего вообще ни одной книги в доме нет! — уважительно отозвался старец, глядя на Сашину библиотеку.

Саша остановился на какой-то странице и сказал:

— Например, вот этот фрагмент: небольшая часть речи Всевышнего, из Пятикнижия Моисея, книги Левит, главы 26. Господь говорит, что если люди ослушаются Его, «то Я в ярости пойду против вас и накажу вас всемеро за грехи ваши, и будете есть плоть сынов ваших, и плоть дочерей ваших будете есть; разорю высоты ваши и разрушу столбы ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами; города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания жертв ваших; опустошу землю вашу, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней; а вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены». И таких фрагментов тут множество. Знаешь, на этом фоне фраза, что Бог есть любовь, выглядит как-то абстрактно и неощутимо! Поэтому и боязно отступить

от канона. Вдруг Бог рассвирепеет и начнёт мстить?

— Как это Бог может рассвирепеть? Он что, собака, что ли? — отозвался старец, разливая следующую порцию по стаканам. — Ладно, иди сюда, накатим, а после я тебе разъясню.

Саша вернулся за стол, и они выпили за торжество вселенской любви.

— Так вот, — начал старец, закусив очередным огурцом, — логика официального учения такова. Бог хочет, чтобы люди любили Его, поклонялись Ему, слушались Его и боялись. При этом Он установил для нас набор определённых правил и строго следит за их исполнением. Нарушивших Он жестоко покарает. А соблюдающих — вознаградит. Своего рода система «ты — мне, я — тебе». Зачем-то ему очень нужно, чтобы люди вели себя определённым образом.

Старец прервался, чтобы прожевать кусок жареного мяса и продолжил:

— Но задумайся вот о чём. Если Бог — это Альфа и Омега, Начало и Конец, Всемогущий, Вездесущий и Всеведущий — чего же Он может ещё хотеть?! Зачем ему поклонение, послушание и славословия человека? Может ли он нуждаться в чём-то? Может ли он чувствовать себя несчастным, если чего-то не получит? Тебе не кажется, что представления о Боге, которому не чужды потребности и желания, упрямство и страх, тревоги и эмоциональные колебания, свойственные людям, выглядят не только абсурдными, но и более того — богохульными?

Что это за Бог? Разве такой Бог совершенен и всемогущ? Наделение Бога человеческими страстями принижает Бога, лишает его совершенства, низводит до уровня обычного человека!!!

— Скорее, получается, что не Бог создал человека по образу и подобию Своему, а человек нарисовал Бога похожего на себя! Как выразился один мудрец, если бы у кошек был свой бог, то он ловил бы мышей! — вставил Саша где-то услышанную идею.

— Интересная мысль! Ну-ка, Барс, — обратился старец к коту, наблюдавшему за философской беседой с печки, — расскажи нам, ловит твой бог мышей?

Барс бросил в ответ дружелюбный взгляд и широко зевнул, распахнув пасть, наполненную большими и острыми зубами. Как будто хотел сказать, что если уж он, Барс, ловит, то кошачий бог — всенепременно!

— Ты знаешь, — продолжил старец, — но с людьми всё-таки иначе. Бог действительно создал человека по образу и подобию своему, это правда. Просто образ Его весьма далёк от привычных представлений. Истинный Бог вправду есть Любовь. Он — Свободный Творец! И мы такие же!

— Вдохновляюще звучит! — восхитился Саша! — Хочется в это верить!

— Именно! Как же ещё может звучать божественная истина?!

— Как вот только батюшке это объяснить?

— А что он?

— Он против всего современного, против Запада, считает, что нужно ограничить культуру и вернуться к истокам, к прежнему духовному состоянию, которое было в России до революции, и тогда всё пойдёт, как надо.

— Да, талибы в Афганистане нечто подобное и делали. А он не задумывался о том, что церковь в России была в таком духовном состоянии, что допустила революцию?! И народ, который ещё недавно истово крестился и клал в храмах поклоны, пошёл эти храмы громить и грабить? И священников на вилы насаживать? Была «Святая Русь» и куда-то сразу подевалась! Разве возможно было бы такое, если бы народ действительно был православным? Ведь за веру люди на смерть шли, а тут — пришла кучка большевиков, и почти все легко отреклись! Он уверен, что нужно возвращаться именно к такому состоянию, к таким истокам?

— Ну, этого ему не объяснить...

— Кстати, а тебе не кажется, что наш вечер проходит несколько суховато? — спросил старец и улыбнулся.

Саша почувствовал, что он прикалывается, но не сразу понял, в чём шутка. Только когда Даосий показал глазами на бутылку, он сообразил, что имелась в виду следующая порция.

Они хлопнули ещё по пятьдесят, и старец продолжил:

— А зачем тебе вообще что-то объяснять батюшке? На черта он тебе сдался? Ну, скажи, кто он такой? Он что — просветлённый мастер?

Он истину, думаешь, знает? Он человек сильно образованный?

— Да нет, — ответил Саша. — Но всё-таки это официальное духовное лицо, уполномоченное церковью, своего рода, посредник между мной и Богом...

— Вот именно! А тебе посредник нужен? И главное: посредником можно быть только тогда, когда наладил контакт с обеими сторонами! А батюшка твой Бога видел? У него есть с Богом связь на тонком плане? Он хоть раз в жизни ощущал Его присутствие? Замирал в благоговении, когда пред ним открывалась вся бездна Божественного Великолепия? Подумай! Или же всё иначе: связь у него есть только бюрократическая и только с православными иерархами, а представления о Боге согласуются с документами, одобренными Священным Синодом? Что в бумаге написано, то и истина? Ты ведь знаешь, какой ответ правильный. Вообще, что твой батюшка делает?

— Знаешь, он довольно много всего делает, — прожёвывая картошку, сказал Саша. — Во-первых, он является настоятелем храма, следит за всем хозяйством, поддерживает храм, чтобы деревенским было, куда пойти молиться. Во-вторых, он отправляет необходимые ритуалы: исповедует, причащает, венчает, ну и прочее, там машину освятить или мотоцикл. В-третьих, он наставляет народ, говорит, что можно делать, что нельзя, — объяснил Саша.

— Хорошо. Но обрати внимание: батюшка твой, скорее, социальный менеджер, а не духовный учитель. В роли духовного учителя он выступать не может, ибо сам не достиг ещё духовных высот. И что печально, и не движется в этом направлении!

— Откуда ты знаешь?

— Это я своим духовным зрением вижу!

— То есть, ты, типа, ещё и ясновидящий?

— В некотором роде — да.

— А ты можешь сказать, каков мой путь к Богу? — сменил тему Саша и, положив вилку на тарелку, пристально посмотрел на Даосия.

Старец задумался, посмотрел куда-то в потолок, выждал паузу, после чего сказал:

— Твой путь к Богу ещё не сформировался. Пока ты находишься в поиске. Но помни, что ты можешь идти к Богу своим уникальным путём. Ибо нет единого истинного пути. Существуют тысячи путей к Богу! И буддист, и индуист тоже придут к Богу. Их путь не лучше и не хуже, он просто иной! Но твой личный путь будет самым быстрым для тебя!

«Слышал бы тебя наш батюшка! — подумал Саша. — Не иначе кадиллом бы огрел!» Но свою мысль он не стал произносить вслух, а вместо этого спросил:

— Но как я узнаю, какой путь мой?

— Слушай свою душу. Верь ей. Ибо Бог — внутри тебя. Разум может заблуждаться, но душа знает истину. Прислушайся к тому, что ты чувствуешь. Тогда тебя никто не сможет обмануть. И иди дорогой Свободы, Любви и

Добра. Ибо это есть путь Бога. Это мерило и это критерий. Запомни: там, где нет любви, там нет и Бога! И мы нередко видим, что служители церкви на самом деле не служат Богу!

— Это точно! — согласился Саша.

Ему уже было непросто сидеть на стуле, так как сказывалась непривычно большая доза выпитого. Старец же, казалось, только входил во вкус. Вести беседу было очень интересно, напрягало только то, что не удавалось отказаться от своих пятьдесят грамм: старец настаивал, чтобы пили поровну. Но Саша держался мужественно.

Так что продолжили. За эту ночь Саша узнал много нового для себя. О чём-то он подспудно догадывался, что-то просто принял к сведению, а что-то стало для него революционным знанием, вынуждающим пересмотреть своё мировоззрение. Но, наконец, литр самогона иссяк. Старец поднял бутылку, аккуратно стряхнул последние капли себе в рот и сказал:

— Похоже, бдение пора заканчивать! Завтра мне снова в путь!

— А может, поживёшь немного у меня, передохнёшь? — с надеждой спросил Саша.

— Нет, завтра надо мне отправляться в дорогу. Что касается тебя — ты и так сегодня получил больше мудрости, чем пока можешь переварить. Читай, осознавай, тренируйся — и в нужный момент ты встретишь следующего учителя! Ищущий всегда находит! — подытожил старец.

Саша предложил постелить ему на соседней кровати, но он предпочёл спать на печке, где была специальная лежанка — обычно на ней Саша сушил дрова.

— Но там ведь кот по тебе шастать будет! Он там привык спать! — предупредил Саша.

— Кот мудрецу не помеха! Кот мудрецу — друг, товарищ и брат! — весело отозвался Даосий.

Старец ловко взобрался на печку и восхрипел. Саше же было нелегко. Пол-литра самогона давали о себе знать решительно и неукротимо. Казалось, он не лежит на кровати, а кувыркается внутри огромного ящика, который катится с самой вершины горы Эверест. Нет, даже с какой-то другой, бесконечно высокой горы. С Эвереста он уже давно бы докатился. А Даосий, с Барсом на плече, спокойно посапывал на печке.

Часов в двенадцать Саша проснулся. В окно бил луч солнечного света, по-весеннему яркий и игривый. Старец был уже вовсю в движении: он умылся, затопил печку, выпустил пса на улицу и сейчас сооружал что-то на завтрак.

— Доброе утро! — бодро сказал он.

— Доброе! — выдавил из себя Саша.

Если для кого это утро и было добрым, то не для него. Состояние было сонным, голова при каждом движении отзывалась острой болью, в животе ощущался дискомфорт. Старец подумал предложить ему опохмелиться, но не стал.

— Сейчас позавтракаем, и я отправлюсь в путь свой! А ты ложись дальше спать! Всё равно

для тебя этот день пропаций! Но не сожалей о нём: ведь иной день стоит вечности! — вместо этого сказал он.

Они позавтракали, и старец, тепло попрощавшись, ушёл, а Саша лёг спать. Несмотря на яркое солнце, ему удалось наконец уснуть крепким, здоровым сном. Возле подушки прилежал Барс, которому после ухода старца стало одиноко на печке.

В жизни Саши уже начался новый, гораздо более захватывающий этап, только он об этом ещё не знал...

Литературно-художественное издание

Пилипишин Д. В.

ГРИГОРИАН ПОДМОСКОВНЫЙ
И ДРУГИЕ МИСТИЧЕСКО-
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ НА
БЫТОВЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ

Корректурa: М. Кряжевских
Компьютерная верстка: С. Морозов
Иллюстрация на обложке: М. Чернобровкина
Дизайн обложки: Д. Шилов

Подписано в печать 23.04.2012

Формат 60х90/16

Бумага офсетная

ООО «Авторская книга»
Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5
тел: +7 (495) 646-17-25
www.izdat.ru